

199-104

М. Б. ВОЛЬФСОН

ЭЛЕМЕНТАРНЫЙ КУРС ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Р К И Д
ЦЕНТРАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ... 1924 ... ПЕТРОГРАД

М. В. Л. С. С. О. В. *W*

ПРОВЕРЕНО

ЭЛЕМЕНТАРНЫЙ КУРС
ПОЛНОПРИСТНОЙ

ГОСУД. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
№ 26440 197 г.

БИБЛИОТЕКА
ИСТОРИЧЕСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Говорят: смелость города берет. Если смелость—великая доблесть там, где она нужна, то вряд ли она добродетель для научного писателя, и вряд ли я мог бы ею оправдать свою попытку (удачную или неудачную—предоставляю судить читателям и критике) сосредоточить огромный материал политической экономии в небольшой книжке, стараясь при этом дать по возможности популярное изложение и марксистское освещение сложнейших вопросов этой науки. Нет, не смелость меня побудила взяться за эту задачу, а нужда: недостаток нужных руководств этого рода в тот момент, когда я начал писать; в последнее время как раз появилось на книжном рынке несколько учебников политэкономии. Читая на рабфаках курс политэкономии, я (как и другие товарищи-лектора) наталкивался каждый раз на это зияющее отсутствие. В особенности трудным оказывалось положение и лектора и слушателей, когда он от бедных своих питомцев, перегруженных десятками предметов (при отсутствии, как правило, учебников и руководств), добивался ясных ответов на многочисленные вопросы... Поэтому, когда мне было поручено комиссией общественных рабфака при Московском Институте инженеров путей сообщения составить вопросник по политэкономии (ведь слушатели часто, за отсутствием установленных программ, не знают даже, о чем их будут спрашивать на «испытаниях»), я попытался заодно сформулировать ответы на все важные, по мнению моему, лектора-коммуниста, вопросы. Самый процесс увлек меня, и я написал книжку...

Я писал для рабочей и крестьянской молодежи, взявшей на свои плечи радостное бремя пролетарской науки, я написал и для тех пролетариев и трудящихся, которые лучшую половину своей жизни провели под тягостным ярмом царско-помещичье-буржуазного строя, которые перенесли всю тяжесть борьбы с этим строем и все бедствия гражданской войны и которые теперь, наконец, могут припасть алчущими устами к источнику общественных знаний. Как был бы я сча-

стлив, если бы моя книжка хоть в небольшой степени утолила эту жажду.

Я не скрываю ни от себя, ни от других, что тон «холодной объективности» покидал меня, когда я прикасался к отвратительным язвам капиталистического хозяйства и общества—предмета политэкономии. Но... в этом нет никакой беды: марксисту-коммунисту нет нужды извращать истину, когда он хочет заклеить этот гнусный общественный строй и когда он зовет трудящихся к его разрушению. Именно для этого он должен взять в свои руки меч и щит науки, для этого он должен вооружиться и вооружить трудящихся *объективным* знанием общественных явлений, но для этого должен сорвать фиговый листок научной лжи и буржуазно-сентиментальных извращений с *действительного* позора буржуазного общества. Не нажимать на истину, а показать ее—вот дело марксиста-коммуниста; это не «холодная» объективность, но настоящая, научная объективность.

И если моя книжка послужит одним из средств закрепления ненависти в сердцах трудящихся к тому проклятому строю, от которого мы только что избавились, и если она прибавит еще немного силы их рукам, строящим новое хозяйство и общество, то это будет величайшим оправданием ее появления на свет советский.

М. Б. Вольфсон.

Москва,

Сентябрь 1923 г.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ПРЕДМЕТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ.

§ 1. Политическая экономия—общественная наука. Она изучает известную область отношений между людьми или группами людей в обществе (область общественно-трудовых отношений). Следует поэтому раньше всего уяснить: что такое общество?

§ 2. Общество. Общество не есть простая совокупность людей, простая сумма единиц. Это—совокупность людей, между которыми существует определенная связь, определенные взаимодействия. Связь эта—главным образом, в совместном трудовом воздействии на природу, облегчающем человеку борьбу за существование. Человеческое общество отличается от животного общества тем, что оно трудовое воздействие на природу осуществляет при помощи не только естественных органов, но, главным образом, орудий труда, созданных самим человеческим обществом. Итак, *человеческое общество есть совокупность людей, связанных общей борьбой за существование путем совместного трудового воздействия на природу, осуществляемого, главным образом, при помощи орудий труда, созданных человеком.*

§ 3. Труд. В общем смысле слова труд есть мускульное и нервное напряжение (или усилие). Экономиста, однако, интересует *хозяйственный труд*, т.-е. совокупность усилий, сознательно направленных на данный природою материал для придания последнему такой формы, в которой он мог бы удовлетворять человеческой потребности.

§ 4. Хозяйственная деятельность. Трудовое воздействие на природу, связывающее людей в общество (см. § 2), имеет своей целью получение от окружающей природы средств к существованию. Это достигается или путем *присвоения* предметов природы (т.-е. пользования ими в неизменном виде) или же путем изменения их формы, делающего их пригодными для удовлетворения человеческой потребности. Человеческую деятельность, направленную к получению от природы предметов, удовлетворяющих человеческие потребности, мы называем

хозяйственной деятельностью. Из вышесказанного ясно, что главной общественной связью является хозяйственная деятельность.

§ 5. Производство. Получение от природы средств существования исключительно путем присвоения (*присвояющее хозяйство*) свойственно человеческому обществу на самых ранних ступенях его развития. Но чем выше поднимается общество по лестнице развития, тем больше потребностей оно удовлетворяет теми предметами, которые оно само *производит*. Производить—не значит создавать новую материю: человек не может создать ни одного нового атома, не имеющегося в природе. Но, пользуясь знанием сил и законов природы и сознательно прилагая свой труд к данному природой предмету, человек целесообразно изменяет его форму (перемещает отдельные части предмета). *Хозяйственно-целесообразное изменение формы предметов, даваемых природой, путем сознательного приложения труда мы называем производством.*

Всякий процесс производства распадается на три момента: 1) *труд* (см. § 3); 2) *предмет труда*—материал, на который направляется деятельность человека, и 3) *орудия труда*—предметы, которые человек ставит между собой и предметом труда, чтобы при их помощи успешнее воздействовать на предмет труда. Предмет труда и орудия труда составляют *средства производства*.

На практике нет такого процесса производства, который совершался бы без помощи второго элемента средств производства—орудий труда. Наши сведения о хозяйственной деятельности самых отсталых племен или же о хозяйственной деятельности людей давно минувших времен, когда человек стоял на крайне низкой ступени развития, говорят нам о присутствии орудий труда (хотя и примитивных или взятых из природы) у людей всех эпох и культурных уровней. Но все же производство мыслимо и без орудий труда (искусственных); можно изменить форму многих предметов, даваемых природой, помощью только своих, естественных органов (конечно, только таких предметов, форма которых легко поддается изменению).

Но совершенно немыслимо производство без предмета труда: нельзя изменить форму предмета, *которого нет...*

Земля составляет *общий предмет труда*; она снабжает всеми жизненными средствами, она содержит в себе (в своей коре и на своей поверхности) все, что может быть отделено в качестве предмета, на который направляется человеческая деятельность (такие предметы, которые труд отрывает от непосредственной связи с земной корой, называются *естественными предметами труда*). Все другие предметы, претерпевшие некоторое изменение благодаря раньше приложенному к ним труду и являющиеся материалом для нового процесса производства, называются *сырыми материалами*.

§ 6. Производственные отношения. Производство есть процесс между человеком и природой. Но в обществе этот процесс совершается не одним человеком, а совместным воздействием многих людей (составляющих общество) на природу. *В процессе производства между людьми возникают определенные отношения—производственные отношения.*

§ 7. Экономические структуры общества. Производственные отношения между людьми не всегда бывают одинаковы. При капитализме, например, производство является товарным, т.-е. люди производят продукты не для собственного потребления, а для продажи на рынок (продукт в этом случае называется *товаром*). При товарном производстве между людьми—товаропроизводителями—устанавливаются особые отношения: люди производят друг для друга, но независимо друг от друга, в собственных хозяйствах, не зная точно, кому именно нужны их продукты и сколько их нужно. Далее, при капитализме средства производства ¹⁾ принадлежат классу капиталистов, производят же наемные рабочие, т.-е. люди, продающие свою рабочую силу владельцам средств производства. Это устанавливает такие отношения, что трудящиеся подчинены капиталистам. В первобытном обществе, когда люди жили небольшими общинами, они сообща работали и все между собой делили и т. д. и т. д. Разные виды производственных отношений называются *экономическим строением* или *экономической структурой общества*.

§ 8. Типы экономических структур. В разные эпохи истории общества и даже в разных странах света (в одно и то же время) мы знаем разные типы экономических структур.

Главнейшие структуры, предшествовавшие современной капиталистической (которая неизбежно сменится коммунистической) таковы:

1. *Первобытный родовой коммунизм.* На заре человеческого общества, на весьма низкой ступени развития, люди жили небольшими общинами, связанными кровными узами—родами. Эти роды в своей хозяйственной жизни придерживались коммунизма: общего труда (охота, рыбная ловля, первобытное земледелие), общего потребления, общей защиты от зверей и враждебных родов. При крайне низкой технике и крайне низком развитии люди не могли производить больше, чем им минимально нужно, чтобы жить. Эксплуатация (т.-е. присвоение продуктов чужого прибавочного труда) не была возможна, так как труд не давал излишка. Извлечь выгоду из другого человека можно было только

¹⁾ Капиталистической структуре посвящается все нижеизложенное, так как политическая экономия—это наука главным образом о капиталистическом хозяйстве. О том, что такое коммунистическая структура и почему ею должна смениться капиталистическая, мы будем говорить ниже в §§ 151—154.

съемши его, что и делали многие роды, вечно вступавшие друг с другом в кровавые столкновения.

2. *Авторитарная родовая община.* При более высоком уровне техники (начатки земледелия, скотоводство) родовая группа расширяется, появляются более сложные формы *разделения труда* (т.-е. выполнение разными лицами или группами разных работ). Возникает необходимость в организации производства в целесообразном распределении ролей между отдельными работниками. Эта организаторская роль обыкновенно предоставляется наиболее старшему в роде—патриарху (патер—отец, архе—власть). Зарождаются власть и подчинение. Расширению и укреплению власти организатора способствует непрерывная война, которая рассматривается как способ воздействия на окружающую среду, ибо для вечно сталкивающихся родов враждебные роды являются таким же элементом внешней природы, как хищные звери. С расширением родовой группы и усложнением организации производства группа распадается на более мелкие группы—семьи, и организаторская деятельность распределяется между частными организаторами—«отцами семейств». Зарождается целая иерархия власти. Так как она не только организует производство, но и распределяет продукты труда сородичей, то она постепенно начинает себе уделять несколько большую долю продуктов, чем сородичам. Труд дает—при более высоком уровне техники и более сложной организации труда—некоторый излишек, прибавочной продукт, и появляются зародыши эксплуатации: неравномерное распределение между патриархальной иерархией и другими членами общины и применение рабского труда. Правда, это только зародыши; размеры эксплуатации были чрезвычайно ограничены в силу незначительности производства и малого разнообразия продуктов; рабство имело ограниченные размеры и не носило того жестокого характера, что впоследствии; раб был почти равноправным членом общины и подвергался почти такой же эксплуатации, как и члены общины.

3. *Рабовладельческий строй.* Зародыши неравенства, которые мы видели в родовой общине, с расширением и завоеванием новых племен превращаются постепенно в значительную противоположность между интересами господствующих классов и трудящихся. Почти во всех странах древнего Востока постепенно укрепляется рабовладельческая система, заключающаяся в том, что на одном полюсе находится землевладельческая и отчасти денежная аристократия (класс крупных землевладельцев, торговцев и ростовщиков), а на другом—рабы, лишенные свободы люди (по большей части из завоеванных областей или реже неоплатные должники), не имеющие собственного хозяйства и принудительно обрабатывающие земли крупных землевладельцев или исполняющие другие роли, нужные их владельцам. Между этими полюсами существуют и группы свободных мелких землевладельцев—земледельцев и безземельных пролетариев в городах, но значение этих групп в хозяйстве постепенно сводится на-нет, все формы жизни подчиняются отношениям между рабами и их вла-

дельцами, рабский труд в разных областях хозяйства приобретает преобладающее значение.

4. Феодализм. Все рабовладельческие культуры разложились вследствие неизбежного упадка производительности рабского труда и вырождения всех основных классов общества. На смену рабовладельческой системе (а в некоторых странах и до полного развития) развивалась и сложилась система феодализма.

Система феодализма заключается в том, что крупный земледелец, выделившийся из земледельческой общины, являющейся хозяйственной единицей, присваивает себе военно-организаторскую роль и держит разными способами всю общину в экономической зависимости от себя. При этом вся свободная площадь земли принадлежит представителям высших правящих кругов (помещикам), а обрабатываемая площадь составляет частью хозяйство этих помещиков, а частью—крестьян-земледельцев, обрабатывающих не только свои участки, но и поместье сеньора-помещика, или же взамен обработки помещичьей земли вносящих помещику плату продуктами или деньгами.

Крестьяне, обрабатывающие землю, прикреплены к земле (крепки земле), т.-е. не имеют права переходить с земли одного помещика на землю другого или просто на свободную землю. Земля помещика обрабатывается принудительным трудом (а не наемным), и помещик заинтересован удерживать силой возможно больше работников на своей земле.

Земля вначале принадлежала помещикам на правах условного владения: поместье жаловалось королем или другим *сюзереном* (т.-е. крупным землевладельцем, жаловавшим землю в условное владение) за военную или (реже) гражданскую службу. Владение землей носило таким образом иерархический характер (т.-е. по нисходящей степени). Сюзерен раздавал землю своим подчиненным вассалам, но мог быть вассалом выше стоящего представителя власти и более крупного землевладельца. Получается лестница властей и условных владений землей.

Форм зависимости крестьян от помещиков было две: 1) *барщина*—крестьяне отдавали прибавочный труд, обрабатывали помещичьи земли своим трудом или делали для него другие хозяйственные работы и 2) *оброк*—крестьяне отдавали прибавочный продукт, платили известные суммы или отдавали известное количество продуктов. Первая форма (барщина) ставила крестьян в более тяжелую зависимость от помещика, чем вторая (оброк).

Крепостные отношения достигли полного своего развития в Западной Европе в IX—X стол., в России—значительно позже, в XVI—XVII стол.; огромные пространства и отсталая техника, делавшая ненужным обращение к крупному землевладельцу за помощью, замедлили в России процесс прикрепления крестьян к помещикам.

§ 9. Техника или система орудий труда. Экономические структуры (виды отношений между людьми, возникающих в процессе про-

изводства) меняются. Что же вызывает эти изменения? Производство есть процесс между человеком и природой, но ни природа, ни человек (т.-е. его органы, являющиеся орудиями воздействия на природу) почти вовсе не изменяются или изменяются в геологические ¹⁾ и биологические ²⁾ периоды, т.-е. настолько медленнее, чем изменяются виды производственных отношений, что их можно считать (относительно) постоянными и неизменными. Значит, причина изменений—не в человеке, не в природе. В чем же она? Причина изменений—в *изменении орудий труда*. На первых ступенях своего развития человек только *пользовался* орудиями труда, взятыми из окружающей природы (палка, камень, кость и т. д.). Но одно пользование орудиями труда не может являться причиной изменяемости экономических структур, так как орудия, доставляемые природой, не меняются. Только когда человек начинает *производить* орудия труда, выбор средств делается для человека безграничным: его орудия непрерывно создаются, изменяются, совершенствуются... Непрерывно меняются орудия—непрерывно меняются и формы хозяйственной деятельности, и формы организации труда, и отношения между людьми, занятыми в производстве.

§ 10. Предмет политической экономии. Из сказанного выше ясно, что на почве хозяйственной деятельности людей между ними возникают весьма сложные и разнообразные общественные отношения. Так как участие человека в создании благ, т.-е. предметов, удовлетворяющих человеческие потребности, выражается в его трудовом воздействии на природу, то эти отношения будут общественно-трудовыми. Уловить в колоссальной разнообразии этих общественно-трудовых отношений связь, закономерность, причинную зависимость—и составляет задачу экономической науки. Уже одно название этой науки «Политическая экономия»—три греческих слова, из которых «экономия» значит «наука о хозяйстве», а «политическая» значит гражданская общественная—говорит о том, что эта наука рассматривает хозяйство не столько с точки зрения процесса между человеком и природой, сколько с точки зрения отношений между людьми на почве этого процесса. Итак, *политическая экономия есть наука об общественно-*

¹⁾ *Геологический период*—огромный период времени, в течение которого происходят коренные изменения в устройстве земной коры (появляются горы там, где их не было, перемещаются водные пространства, изменяется поверхность земли и т. д.).

²⁾ *Биологический период*—длительный период времени, в течение которого коренным образом изменяются формы и устройство различных видов растений и животных.

трудовых отношениях, возникающих на почве хозяйственной деятельности людей.

Это — общее определение политической экономии. Исторически под политической экономией надо понимать науку об общественных отношениях на почве капиталистического хозяйства (см. ниже § 28), так как только при меновом, товарном хозяйстве возникают разнообразные общественные отношения между отдельными хозяйствами. В родовой коммунистической общине, например, отношения между отдельными членами рода на почве хозяйственной деятельности были, конечно, но эти отношения были технические, а не общественные. Рабовладельческое хозяйство или феодальное являлись по преимуществу натуральными (все производилось для собственного потребления). Между рабовладельцем и рабом или между помещиком и крепостным крестьянином были отношения господства и подчинения, но не было меновых отношений. Во всяком случае, меновые отношения между хозяйствами были крайне ограничены; *преобладала натуральная форма хозяйства*. Политической экономии там дела нет... (См. ниже, примечание к § 28.)

§ 11. Экономическая наука и технические науки. Область исследования политэкономии станет для нас ясной, когда мы проведем границу между экономической наукой и техническими науками, которые тоже имеют предметом своего изучения хозяйство. Значительная часть прикладного естествознания (промышленная технология ¹⁾, инженерное искусство, агрономия, зоотехния ²⁾ и т. д.) близко соприкасается по предмету изучения с экономической наукой. Но они рассматривают область хозяйственного производства с совершенно другой точки зрения, чем политэкономия. Они изучают процесс отношения человека к природе, они устанавливают способы наибольшей производительности хозяйства, т.-е. указывают, как пользоваться силами природы, чтобы получать наибольшее количество благ. Экономическая наука изучает *отношения между людьми на почве хозяйства*. Хозяйство Робинзона Крузо, заброшенного на необитаемый остров и не имевшего соприкосновения с людьми, может быть предметом изучения и воздействия технических наук, но политэкономии там делать нечего.

Когда несколько человек выполняют вместе одну хозяйственную задачу (сотрудничество; подробнее см. ниже § 16), то техническая

¹⁾ *Технология*—наука (или скорее ряд наук) о приемах обработки естественных предметов и придачи им вида, годного для потребления. Под промышленной технологией надо понимать технологию обрабатывающей промышленности.

²⁾ *Зоотехния*—совокупность знаний о сельско-хозяйственных животных в применении к рациональному разведению животных, развитию их форм и природных качеств, поскольку последние используются в хозяйственных целях человеком.

целесообразность требует определенных между ними технических отношений. Но техник рассматривает отношения между участниками производства с точки зрения использования силы (которая принципиально ничем не отличается от механической силы), экономист — с точки зрения их интересов, их доли участия в пользовании созданными благами.

§ 12. Политическая экономия — основная общественная наука.

Политэкономия изучает *определенную* область общественных отношений. Помимо экономических отношений имеется ряд других общественных отношений, изучаемых разными общественными науками. Но, как мы видели, главным цементом, связующим отдельных людей в общество, является хозяйственная деятельность. Экономические отношения составляют не единственные, но главные основные общественные отношения, определяющие все другие отношения. И политэкономия может быть названа наукой об *основном строении общества*.

Нужно различать политическую экономию от экономической политики. Первая уясняет законы хозяйства (преимущественно капиталистического) или скорее тех общественных отношений, которые складываются на почве этого хозяйства. Она изучает экономическую стихию, т.-е. то, что складывается и действует, не будучи направлено единой регулирующей волей. Экономическая политика же есть направление хозяйственной деятельности по заранее избранному руслу; исходя от государства, вдохновляемого волей господствующего класса, экономическая политика стремится *повлиять* на строй производственных и других (связанных с производственными) хозяйственных отношений, *воздействовать* на ход этих отношений в том направлении, в каком это желательно господствующему классу.

В капиталистическом обществе экономическая политика государства есть в общем и целом политика буржуазии, ибо буржуазное государство является организацией классового господства буржуазии; экономическая политика советского государства есть политика пролетариата, поскольку советское государство есть государство диктатуры пролетариата: она направляет развитие хозяйственных отношений в сторону осуществления коммунизма.

Само собой разумеется, что для правильной экономической политики нужно знать политэкономия: нельзя воздействовать на хозяйственные отношения, не зная их природы.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ТОВАРНОЕ ХОЗЯЙСТВО.

§ 13. Натуральное хозяйство. Во все эпохи, предшествовавшие развитию капитализма и сложившейся капиталистической структуре, равно как еще и теперь, всюду, где господствуют отсталые формы хозяйства, мы видим или исключительное господство, или преобладание натурального хозяйства. Под *натуральным хозяйством* понимают *замкнутое, экономически обособленное от всего остального мира хозяйство, производящее все необходимое для удовлетворения потребностей его участников*. Такое хозяйство или совсем обходилось, или могло обходиться без обмена, или же довольствовалось обменом ничтожного количества произведенных данным хозяйством продуктов на продукты другого хозяйства (главным образом, такие, которые не могут быть произведены «у себя» по природным условиям, например, соль, рыба; если данное хозяйство удалено от рыболовных мест, и т. д.).

Описанные в § 8 экономические структуры представляли разные виды натурального хозяйства. Первобытные роды представляли из себя замкнутые хозяйственные единицы, производившие все необходимое для удовлетворения своих потребностей: пищу, одежду, орудия. Даже на более высокой ступени развития обмен между племенами носил характер случайный и редкий.

В рабовладельческих системах преобладало натуральное хозяйство: ряд рабовладельческих хозяйств, в которых рабочая сила раба приравнивалась к рабочей силе скота и где все производилось для удовлетворения нужд данного хозяйства—удовлетворения более высоких потребностей крупного землевладельца—рабовладельца и для прокормления рабочей силы. Торговля—чисто посредническая и не связанная с расцветом промышленности, с развитием производительных сил—вовлекала в меновой оборот незначительное количество продуктов; она к тому же сосредоточивалась почти исключительно в местах, близких к великим природным путям сообщения.

Феодализм в его законченной форме (крепостной) представлял чистый вид системы натурального хозяйства—ряд обособленных феодальных поместий, состоящих из помещичьей усадьбы

и прикрепленных к помещицкому хозяйству мелких крестьянских хозяйств, расположенных обыкновенно вокруг усадьбы. Тут же были сосредоточены все хозяйственные устройства, нужные для всего населения поместья (мельницы, пекальные печи, холодильники и т. д.). Более высокие потребности сеньора и его челяди и скромные потребности крепостных крестьян удовлетворялись тем, что производилось в поместье крестьянским трудом. Меновые сношения между такими разьединенными хозяйствами были крайне редки и ограничены. Развитие (впоследствии) торгового капитала привело, с одной стороны, к истощению крестьянского хозяйства и распаду феодального общества, а с другой—к накоплению денежных средств и созданию капиталистической системы, о которой речь впереди.

§ 14. Меновое хозяйство. В противоположность натуральному хозяйству, это—система формально самостоятельных хозяйств, в которых *главная или вся масса продуктов производится не для собственного потребления, а для обмена на продукты других хозяйств или (при денежной форме обмена, см. ниже §§ 51—55) для продажи за деньги.* Ясно, что меновое хозяйство не может быть обособленным. И действительно, не только отдельные хозяйственные единицы, но и целые области и даже страны при развитом меновом хозяйстве не могут существовать самостоятельно от других хозяйств, так как отдельное хозяйство производит только один вид продуктов, не могущий удовлетворить разнообразных потребностей участников этого хозяйства.

§ 15. Техническое и общественное разделение труда. Когда мы говорим о системе менового хозяйства, мы не можем допустить предположения, что решительно все формально-самостоятельные хозяйства или группы таких хозяйств производят совершенно одинаковые продукты: в таком случае не только не было бы никакого смысла в обмене, самое существование этих хозяйств было бы невозможно (если бы все хозяйства производили одну только соль или даже один только хлеб, участники хозяйств погибли бы вследствие неудовлетворения многих насущных жизненных потребностей). При системе менового хозяйства отдельные хозяйства выполняют внутри менового общества *разные хозяйственные задачи.* Мы это называем *общественным разделением труда*, в отличие от *технического разделения труда*, под которым надо понимать *выполнение разными лицами разных составных, но неодинаковых частей одной и той же трудовой операции внутри одного хозяйства.* При общественном разделении труда каждый рабочий специализируется на одной какой-нибудь работе, входящей в состав *всего общественного труда*, и обособляется от тех рабочих, которые специализируются на другой работе (сапожники, портные, плотники и т. д.). При техническом разделении труда выполняющие *разные части работы объединены общностью хозяйственной задачи.*

Общественное разделение труда мыслимо без технического. *Исторически* на первых ступенях общественного развития оно даже предшествовало техническому: в первобытном обществе мужчины занимались охотой, а женщины—земледелием, при чем и охота, и земледелие были настолько примитивны (первобытны), что не требовали технического разделения труда от участников обеих отраслей первобытного хозяйства. Охота производилась по принципу цепи, т.-е. окружением животного цепью охотников, делавшим невозможным уход животного, но в этой цепи все охотники, вооруженные одним и тем же оружием (палицей или каменным топором) выполняли одинаковые роли. То же самое с первобытным женским земледелием, которое заключалось в добывании из земли корней и клубней природных растений—работа, которую все женщины выполняли одинаково.

Можно мыслить техническое разделение труда без общественного. Замкнутое натуральное хозяйство эпохи феодализма в его чистом виде (см. выше § 8) знает техническое разделение труда, но не знает общественного.

Однако развитое меновое общество построено на принципе общественного разделения труда (формально независимые хозяйства связаны обменом) при довольно развитом техническом разделении труда внутри отдельных хозяйств. Уже мануфактуры (см. ниже § 45) построены на тонко разветвленном техническом разделении труда, являясь в то же время отдельными звеньями одной общественно-хозяйственной цепи. О современной фабрике и говорить не приходится. Она построена на принципе технического и общественного разделения труда (см. ниже § 46).

§ 16. Сотрудничество (или кооперация). Разделение труда предполагает сотрудничество, т.-е. *совместный труд нескольких людей, находящихся в определенном взаимодействии*. Но сотрудничество мыслимо (и иной раз совершается) без разделения труда. Это будет совместный труд людей, исполняющих *одинаковую работу*. Такое сотрудничество называется *простым*. Примером простого сотрудничества может служить первобытная охота, о которой мы говорили в § 14, поднятие несколькими человеками большой тяжести и т. под. Сотрудничество с разделением труда называется *сложным сотрудничеством*.

§ 17. Товар. В меновом обществе *производство* продуктов построено на принципе общественного (и в значительной мере и технического) разделения труда. Меновое общество является таким образом производственным коллективом. Но как *распределяется* продукт в меновом обществе? Он не *делится*, как в натуральном хозяйстве, а распределяется путем *обмена*. *Продукты, произведенные не для собственного потребления производителей (и их семей), а для обмена на другие продукты, называются товарами*.

Физическая природа товара решительно ничем не отличается от физической природы простого продукта: хлеб, произведенный

для обмена или продажи, ничем по физическим своим свойствам (наружному виду, питательности и т. д.) не разнится от хлеба, произведенного для удовлетворения собственных потребностей производителей. Но *общественная* природа (или общественное назначение, общественная функция) товара иная, чем у продукта—не-товара: в первом случае между производителем и потребителем возникают известные общественные отношения (отношения обмена, которые в развитом меновом обществе принимают сложные формы); во втором случае никаких общественных отношений между производителем и потребителем нет (сам произвел и сам же потребил...).

В развитом меновом обществе все продукты—за небольшим исключением, диктуемым неполным исчезновением старых форм хозяйства,—стремятся принять форму товара.

§ 18. Потребительная стоимость. Необходимым условием всякого обмена является полезность участвующих в обмене товаров, т.-е. их *способность удовлетворять какую-нибудь человеческую потребность*. Нет товара без потребительной стоимости, но последняя присуща и продуктам не являющимся товарами, т.-е. не идущим в обмен или продажу (продуктам натурального хозяйства), и может быть присуща предметам, не являющимся продуктами труда (напр., солнечные лучи, воздух и т. п.).

§ 19. Меновая стоимость. Потребительная стоимость является только необходимым *условием* обмена, но отнюдь не выражением количественного соотношения между товарами. Для того, чтобы топор обменивался на хлеб, необходимо, чтобы и топор, и хлеб имели полезность, но последняя не объясняет, почему один топор обменивается на 2 пуда хлеба. А между тем обмен не является чем-то случайным и беспорядочным. В меновом обществе всякий, кто предлагает свой продукт в обмен на другой продукт, приблизительно знает, какое количество «чужого» продукта он получит за определенное количество своего продукта. *Количественное отношение между обмениваемыми товарами называется меновой стоимостью товаров.*

§ 20. Меновая стоимость и стоимость. Раз существует количественное отношение между обмениваемыми товарами, то у всех товаров должно быть нечто общее, делающее их соизмеримыми и содержащееся в разных товарах в разных количествах. Нельзя сравнивать между собой два или несколько предметов, не имея общего признака, по которому они сравниваются. Мы знаем, что меновые стоимости отдельных товаров меняются в процессе хозяйственного развития, т.-е. менялось их количественное отношение к другим товарам. Иголка в XVIII в. стоила больше рубля, т.-е. одну иголку можно было обменивать на 2 пуда хлеба; в начале XX в. за одну иголку

не дали бы и $\frac{1}{4}$ ф. хлеба. Иголлка и хлеб остались иголлкой и хлебом, но их меновое количественное отношение изменилось. Ясно, что причина не в их физических свойствах, а в чем-то третьем, с чем сравнивались оба эти товара; ясно, что количество единиц этого «третьего» изменилось в одном из этих товаров или в обоих: или в одном их стало меньше или в другом больше, или сразу в одном меньше, а в другом больше. Вот это *общее между товарами*, делающее возможным их *сравнение при обмене*, называется *общественной стоимостью* или *просто стоимостью товаров*.

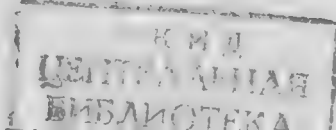
§ 21. Труд—субстанция стоимости. Что же является тем общим свойством товаров, по которому они сравниваются при обмене? Этим свойством не может быть их полезность, т.-е. их природные свойства, так как самый обмен происходит вследствие неодинаковости их природных свойств, а их различия—вследствие того, что они удовлетворяют разные потребности. С другой стороны, мы знаем предметы высокой полезности, которые вовсе не имеют стоимости или имеют очень малую стоимость (вода). Но, может быть, разность в стоимости товаров определяется разностью в степенях *необходимости* (для жизни) удовлетворения той или иной потребности? Тогда хлеб должен бы стоить дороже золота...

Но раз мы полагаем, что не свойства, составляющие полезность, определяют меновое количественное отношение, то остается одно общее свойство товаров: что они—продукты труда¹⁾.

Труд и есть то свойство товара, которое определяет стоимость, представляет ее сущность (субстанцию). Чем больше труда затрачивается на производство товара, тем больше стоимость последнего, и наоборот. Количество труда в свою очередь определяется продолжительностью его или рабочего времени (полное определение стоимости см. ниже § 22).

§ 22. Общественно-необходимое рабочее время. На первый взгляд может показаться, что раз стоимость товара определяется в конечном итоге продолжительностью труда, то товар, произведенный неискусным рабочим или рабочим, пользующимся менее совершенными орудиями труда, должен иметь большую стоимость, чем одинаковый (по потребительной стоимости) товар, произведенный искусным рабочим или рабочим, пользующимся *более* совершенными орудиями труда. Это может показаться потому, что на первый товар тратится больше рабочего времени, чем на другой. На самом же деле это не так:

¹⁾ Не надо забывать, что это обстоятельство и делает товары предметами обмена, ибо в обмене участвуют не полезности вообще (солнечные лучи, воздух и т. д.), а полезности, созданные трудовым воздействием на природу.

речь идет не об индивидуальном труде (т.-е. труде отдельного человека), а об *общественно-необходимом*, т.-е. о той доле всего общественного труда, которую *необходимо* обществу затратить на производство данного товара. *Общественно-необходимое рабочее время* определяется существующими общественно-нормальными условиями производства и средней напряженностью и производительностью труда (последняя зависит главным образом от состояния орудий труда). Поэтому, если в обществе, знающем применение железного топора, два рабочих срубят по дереву и сделают из него по бревну, один при помощи железного топора, а другой—при помощи каменного, то стоимость обоих бревен будет одинакова и определится тем рабочим временем, которое рабочий должен затратить, если он будет работать железным топором. Второй рабочий, затративший, положим, в два раза больше рабочего времени на производство своего товара, получит в обмен на свое бревно такое количество другого продукта, которое покрывает только половину затраченной им трудовой энергии. Как это происходит? Очень просто. Когда несколько товаропроизводителей предлагают одинаковые товары в обмен, то возьмут их у того товаропроизводителя, который требует за свои товары меньше, чем другие. Итак, *стоимость товара определяется общественно-необходимым рабочим временем, затраченным на производство данного товара.*

§ 23. Труд конкретный и абстрактный. Как мы видели выше (см. §§ 18 и 19), продукты потому делаются товарами, т.-е. потому идут в обмен, что они удовлетворяют *разные* потребности—представляют *разные* потребительные стоимости. Для создания разных потребительных стоимостей (сапог, платья, хлеба, сахара и т. д.) требуются разные формы труда: труд, затраченный на производство, скажем, сапог (труд сапожника), *качественно* разнится от труда, затраченного на производство платья (труд портного). *Труд, рассматриваемый как создатель потребительной стоимости, т.-е. определенных (конкретных) вещей, называется конкретным трудом.* Но при всем качественном различии разных видов конкретного труда у них есть одно общее—что они составляют известную затрату человеческой силы (мозга, мускулов, нервов и т. д.). Вот это общее для всех видов труда, т.-е. *труд, от которого отвлекаются (абстрагируются) его качественные особенности,* Маркс назвал *абстрактным трудом.* Ясно, что стоимость (меновая) определяется именно абстрактным трудом, так как она представляет количественное отношение: при обмене платья на сапоги выявляется не *качество* труда, затраченного обоими производителями, а *количество* его.

§ 24. Труд простой и квалифицированный. Когда мы говорим о стоимости, мы рассматриваем, какое затрачивается количество *про*

того среднего труда, т.-е. сколько расходуется простой рабочей силы, которую в среднем обнаруживает организм каждого человека без специальной подготовки. Но есть продукты—товары, которые могут быть произведены *квалифицированным* (сложным) трудом, т.-е. трудом, требующим значительной подготовки производителя, как и затраты многих его усилий без желаемого результата раньше, чем его усилия не будут направлены по надлежащему пути—по пути изготовления той потребительной стоимости, которую он стремился создать и которую предлагает в обмен. Так для того, чтобы архитектору дать хороший план постройки, требовалось: 1) чтобы его подготовили к роли архитектора (т.-е. долгие годы обучали) и 2) чтобы он набросал несколько планов неудачных или недостаточно удачных раньше, чем он не «набрел» на удачный план. Положим, что составление самого удачного плана отняло у него 20 часов работы. Получит ли он в обмен продукт (или деньги, на которые он может купить продукт), стоящий только 20 часов? Нет, он получит больше, так как к этим 20 часам, непосредственно затраченным, надо прибавить падающую на данный продукт долю рабочего времени, затраченного на подготовку его как архитектора и все «бесплодные», но неизбежные усилия. Ибо стоимость определяется общественно-необходимым рабочим временем, а тут из всего общественного труда затрачено (необходимо было затратить) гораздо больше рабочего времени, чем при затрате простого труда (напр., труд копировщика этого плана). Понятно поэтому, что квалифицированный труд приравнивается к многократному простому, и что меньшее количество квалифицированного труда приравнивается к большему количеству простого. Это сведение квалифицированного труда к многократному простому называется *редукцией*.

§ 25. Стоимость как общественное отношение. Количественное отношение между товарами, выражаемое в обмене (меновая стоимость), является, как мы убедились, отношением количеств труда, затраченных на производство обмениваемых продуктов. «Затраченный труд» означает затрату человеческой силы, и когда мы говорим об отношении между затраченными количествами труда, мы имеем в виду не отношение между вещами (физическое отношение), а отношение между людьми, между самостоятельными производителями (общественное отношение). Всякое общественное отношение имеет исторический характер, т.-е. оно не вечно, а свойственно обществу данного периода и данного состояния. Стоимость как общественное отношение тоже имеет исторический характер: она присуща только товарному производству, меновому обществу. Робинзон Крузо, одинокий обитатель необитаемого острова, интересовался, конечно, тем количеством труда, которое ему приходилось затрачивать на производство того

или иного необходимого ему продукта. Но его интерес сосредоточивался не на меновой стоимости, а исключительно на потребительной стоимости продукта, т.-е. на целесообразном использовании своей силы—на максимальном удовлетворении своих потребностей при минимальной затрате своей силы. Потребительной, а не меновой стоимостью будет интересоваться коммунистическое общество, стремящееся к увеличению общественного богатства (т.-е. общей суммы потребительных стоимостей) при уменьшении количества затраченного труда. В меновом же обществе, состоящем из самостоятельных товаропроизводителей, каждый интересуется исключительно меновой стоимостью, т.-е. тем, сколько *другой* ему даст за произведенный им товар.

§ 26. Стоимость и цена. Меновая стоимость, выраженная в денежной форме, называется *ценой*. Если бы цена всегда *совпадала* со стоимостью, то каждый товаропроизводитель получал бы за свой товар такую сумму денег, на какую он мог бы купить другой нужный ему товар, равный (по затрате на его производство общественно-необходимого рабочего времени) проданному им товару. Мы знаем, однако, что на практике цены *колеблются*, что за один и тот же товар (т.-е. за товар той же стоимости) продавец вчера получал больше денег, а сегодня меньше, что некоторые товары продаются (при известных обстоятельствах) ниже своей стоимости, а некоторые—выше. Чем это объясняется? И не разрушает ли это теорию трудовой стоимости?

Объясняется это тем, что отношения между самостоятельными производителями в меновом обществе устанавливаются не единой разумной хозяйственной волей, определяющей количество производства продуктов, необходимое для удовлетворения всех известных ей потребностей, а *конкуренцией*, создаваемой стремлением всех товаропроизводителей продать, сбыть свой товар, при отсутствии точных сведений о том, сколько таких товаров нужно обществу (или, скорее, сколько их может купить потребительская масса). И если каких-нибудь товаров произведено слишком много, а других—слишком мало, то первые будут продаваться ниже трудовой стоимости (цена ниже стоимости), а другие выше (цена выше стоимости).

Это, однако, ни в малейшей степени не колеблет теории трудовой стоимости, устанавливающей, что причина стоимости есть труд, как не колеблет закона падения всех тел то обстоятельство, что одни тела падают с большей скоростью, а другие—с меньшей (что объясняется степенью сопротивления воздуха, зависящей от формы поверхности тел). Как там физический закон тяготения не упраздняется тем, что существует еще закон сопротивления воздуха (который только *замедляет* действие первого закона), так и тут—закон трудовой стоимости не терпит никакого урона (как закон) оттого, что суще-

ствуется еще фактор, влияющий на цены (спрос и предложение),—фактор, который *колеблет* действие закона, но не упраздняет его.

В действительности мы знаем, что если цены сплошь да рядом отклоняются от стоимости, то они *всегда* стремятся приблизиться к стоимости, тяготеют к ней. Если, напр., производители каких-нибудь товаров замечают, что на их товары устанавливаются низкие цены (спрос меньше предложения), они начинают сокращать производство таких товаров (некоторые разоряются и совсем прекращают производство, чем опять-таки сокращается общее производство этих товаров). На рынок поступает меньше товаров, предложение понижается, и цены повышаются. С другой стороны, когда становится заметным, что какие-нибудь товары продаются по высоким ценам (спрос выше предложения), то начинается расширение такого производства. Предложение повышается, и цены понижаются.

§ 27. Фетишизм товаров. В меновом обществе, зиждущемся на товарном производстве, каждый производитель не выполняет предначертанной разумной общественной волей доли общественного продукта, а работает, повидимому, для себя. Способ и форма, посредством которых один получает продукт труда другого, кажутся поэтому основанными не на общественном характере труда, а на *особенностях самого продукта*. Кажется, что не отношения людей-производителей определяют отношения вещей-произведений (товаров), а отношения товаров определяют отношения людей. Ибо когда товаропроизводитель «выбрасывает на рынок» свое произведение, отношения его с другими производителями совершаются как бы помимо воли производителей, помимо воли человека. Товары как бы делаются самостоятельными существами, наделенными таинственной силой, делающей их могущественными—способными погубить или осчастливить людей. Творение рук человеческих делается фетишем (идолом) людей. «Определенное общественное отношение между людьми—говорит Маркс—принимает фантастическую форму отношений между вещами. Чтобы найти аналогию ¹⁾ этому, нам пришлось бы забраться в туманные области религиозного мира. Здесь продукты человеческого мозга представляются самостоятельными существами, одаренными собственной жизнью, стоящими в определенных отношениях с людьми и друг с другом. Такую же роль в мире товаров играют продукты человеческих рук. Это я называю фетишизмом, который присущ продуктам труда, раз только они производятся как товары, и который не отделим от всякого товарного производства».

¹⁾ Аналогия—сравнение.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

СУЩНОСТЬ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЛУАТАЦИИ.

§ 28. Капиталистическая структура общества или капиталистический способ производства. Теперь, когда мы имеем уже понятие о товарном производстве—основе капиталистического хозяйства,—мы можем составить себе общее представление о *капитализме*, капиталистической структуре общества ¹⁾.

Укажем на главные признаки капиталистического строя.

1. *Хозяйство является товарным* (хозяйство, производящее на рынок); товарное хозяйство обязательно предполагает частную собственность.

2. *Средства производства составляют собственность одного сравнительно небольшого класса (класса капиталистов)*. Только в этом случае мы имеем дело с *капиталистическим*, а не с *простым товарным производством* (т.-е. хозяйством самостоятельных производителей, трудовых ремесленников).

3. *Наемный труд*. Так как огромная масса производителей не имеют своих средств производства, то они вынуждены идти на работу

¹⁾ Мы говорим «общее представление» потому что, собственно говоря, *все* дальнейшее изложение трактует вопросы именно капиталистического хозяйства. Ибо политическая экономия как наука может иметь своим предметом товарное (товарно-капиталистическое) общество.

В феодальном обществе (в чистом виде) между отдельными хозяйствами почти не возникало меновых отношений, а внутри каждого обособленного хозяйства управляла (направляла) производство и распределяла продукты одна воля. В коммунистическом обществе не будет места для «стихий», оно будет управляться разумной целосознательной хозяйственной волей. Только на почве товарно-капиталистического хозяйства возникают сложные и при том стихийные (помимо воли отдельных людей) отношения, дающие материал для исследования. И какую сложную проблему (задачу) политэкономии мы ни возьмем—проблемы стоимости, цены, капитала, прибыли, кризисов, перепроизводства и т. д. и т. д. (ниже все эти понятия будут разобраны), они будут проблемами *капиталистического* хозяйства.

(наниматься) к капиталисту—владельцу этих необходимых для проявления всякой трудовой энергии средств производства.

§ 29. Рабочая сила как товар. Наемный рабочий—не раб; не крепостной. Он формально «свободен». Но голод и отсутствие средств производства заставляют его *продать свою рабочую силу*, свою трудовую способность. *Рабочая сила в капиталистическом обществе превращается в товар.* Этот товар разнится, однако, от всяких других товаров тем, что он не отделим от человека.

Нужно различать понятия «рабочая сила» и «труд». Рабочая сила есть товар (рабочий именно ее и продает), труд же не есть товар, хотя он является источником и мерой всех товарных стоимостей. Труд является последствием потребления рабочей силы. Для капиталиста, однако, важна не рабочая сила, а последствие ее употребления—труд (поскольку последний производит для него стоимость). Капиталист, покупая рабочую силу, платит за труд, т.-е. лишь после того, как он потребляет то, что он купил (рабочую силу): капиталист платит рабочему лишь после того как сделана работа. Это делает рабочую силу своеобразным товаром: между тем как за все товары платят до их потребления, этот товар—рабочая сила—потребляется раньше, чем за него платят.

Это различие между рабочей силой и трудом впервые установил Маркс. Оно, как мы дальше увидим, объясняет многие явления капиталистической эксплуатации.

§ 30. Стоимость (и цена) рабочей силы. Как всякий товар, рабочая сила имеет стоимость, которая определяется количеством общественно-необходимого труда, затраченного на ее производство. Производство рабочей силы означает непрерывное восстановление затрат организма рабочего и его потомства (так как для процесса производства необходимо, чтобы рабочая сила не иссякала и не прерывалась, чтобы одно поколение рабочих сменялось другим). *Стоимость средств существования рабочего* (пищи, жилья, одежды и т. д.) *и его семьи* и составляет *стоимость рабочей силы*. Рыночная цена рабочей силы, как и всякого другого товара, не соответствует ее стоимости: она колеблется в зависимости от соотношения спроса и предложения. Так как при сколько-нибудь развитом капиталистическом строе рабочей силы «на рынке» всегда больше, чем требуется для класса капиталистов (см. ниже §§ 91 и 92), то цена рабочей силы чаще всего бывает ниже стоимости ¹⁾. Однако ниже определенного минимума, необходимого для поддержания какого бы то ни было существования, она пасть не может: в этом случае началось бы вымирание рабочих

¹⁾ При неорганизованности рабочих, делающей их неспособными дать отпор беспредельной алчности капиталистов.

и вместе с ними рабочей силы, необходимой капиталистическому производству.

В капиталистическом обществе стоимость рабочей силы выплачивается рабочим в виде денег—*заработной платы*.

§ 31. Необходимый продукт и необходимое рабочее время. Вырабатываемый рабочим продукт, стоимость которого оплачивает стоимость его рабочей силы, мы называем *необходимым продуктом*; затраченное на выработку необходимого продукта время—*необходимым рабочим временем*.

§ 32. Прибавочный продукт и прибавочное рабочее время. Капиталист покупает рабочую силу и распоряжается ею не для того, чтобы «кормить» рабочих, а для того, чтобы извлечь из нее наибольшую выгоду. Он заставляет поэтому рабочего работать гораздо больше времени, чем это нужно для производства необходимого продукта. Этот излишек времени (идущий в пользу капиталиста) называется *прибавочным (или добавочным) временем*, а разность между всем продуктом, произведенным во все рабочее время, и необходимым продуктом—называют *прибавочным продуктом*.

§ 33. Прибавочная стоимость. Из произведенного рабочим продукта часть, как мы видели, идет на поддержание жизни рабочего (производство рабочей силы), а часть присваивается капиталистом. Стоимость первой части (необходимого продукта) называют *необходимой стоимостью*, а стоимость части продукта, присвоенного капиталистом (прибавочного продукта)—*прибавочной стоимостью*.

§ 34. Докапиталистическая и капиталистическая эксплуатация. Всякая эксплуатация есть присвоение одним прибавочного продукта другого—прибавочного продукта, являющегося результатом прибавочного труда. Цель эксплуатации (которую ставит себе всякий эксплуататор) всегда одинакова, но формы эксплуатации различны. Докапиталистическая эксплуатация знала формы прямого принудительного присвоения: 1) *рабство*—присвоение самой личности производителя, что приравнивало его к рабочему скоту; 2) *барщину* (прямое присвоение прибавочного труда)—определенное число дней в неделю крестьянин должен был работать в хозяйстве своего сеньора; 3) *оброк* (прямое присвоение прибавочного продукта)—крепостной крестьянин или ремесленник обязаны были отдавать определенное количество продуктов (или их эквивалент ¹⁾)—определенную сумму денег).

¹⁾ *Эквивалент*—равноценность. Денежный оброк—редкое явление в первые века феодализма—в последние века сделался почти исключительной формой оброка.

Капиталистическая форма эксплуатации выражается не в прямом принудительном присвоении прибавочного продукта, а в присвоении прибавочной стоимости (товарная форма), являющейся конечным последствием превращения рабочей силы в товар, и притом товар особого свойства. Рабочая сила есть такой товар, который при его потреблении (т.-е. при его приложении к стоимости, вложенной в средства производства, принадлежащие капиталисту) создает значительно бóльшую стоимость, чем его собственная. Тут мы не видим формально-принудительного присвоения прибавочной стоимости. Капиталист не ставит за станок закованного в цепи раба или оторванных от своих собственных хозяйств крепостных. Он «заплатил» рабочему, «свободному» рабочему, который может идти и не идти к капиталисту на работу. Но у капиталиста в руках средства производства, а рабочая сила дает прибавочный продукт только при ее приложении к средствам производства. И рабочий *вынужден* сам идти к капиталисту, предлагать свою рабочую силу к его средствам производства, создавать прибавочный продукт и отдавать его капиталисту в виде прибавочной стоимости, которая при продаже продуктов принимает денежную форму прибыли. Буржуазная свобода оказывается (как мы дальше увидим) более свирепым порабощением, чем формальное рабство.

§ 35. Капитал. Буржуазные экономисты вносят невероятную путаницу в определение понятия «капитал». Капитал понимается как простая сумма вещей—«хозяйственных благ», но при этом забывается, что вещи, независимо от товарно-общественных отношений, являются потребительными стоимостями, между тем как капиталиста-организатора товарного производства интересует не потребительная стоимость, а меновая. Не более удачно понимание капитала как суммы орудий производства: тогда капиталистами следовало бы считать и людей каменного века, имевших каменные орудия, и нищего, имеющего палку, которой он сбивает плоды с деревьев, и некоторых высших животных. Определяют также капитал как накопленный труд, но тогда капиталом окажутся запасы орехов, сделанные белкой, или запасы ягод, сделанные медведем... Вся эта путаница происходит оттого, что буржуазные экономисты стараются отождествлять законы развития капитализма с «вечными законами природы» и капитал— с народным богатством (которое, действительно, есть совокупность потребительных стоимостей). Маркс же, подошедший к вопросу не с точки зрения вечных законов, а с точки зрения общественного содержания капитала, установил, что капитал есть нечто присущее определенному историческому периоду—периоду товарно-капиталистического хозяйства. Он установил, что *капитал есть стоимость, служащая для производства прибавочной стоимости, самовозрастающая стоимость.*

Таким образом орудия и «накопленный труд» в виде машин, фабричных зданий и сырья (средства производства) являются, конечно, стоимостью, но они не будут капиталом до тех пор, пока приложение к ним рабочей силы не сделает возможным приращение новой стоимости (прибавочной стоимости). Как это происходит—мы видели выше (§§ 31—33). Капитал не является чем-то постоянным и застывшим; он стремится к беспредельному расширению путем превращения прибавочной стоимости в капитал (ниже в § 79 мы поговорим об этом подробнее). Капитал без прибыли (денежной формы прибавочной стоимости),—т.-е., в конечном итоге, без все расширяющейся эксплуатации рабочих,—пустой звук.

§ 36. Капитал постоянный и переменный. Капитал составляется из двух частей: 1) части, обращенной в средства производства, и 2) части, обращенной в рабочую силу. Эти два элемента—средства производства и рабочая сила—участвуют различным образом в процессе образования новой (возрастающей) стоимости. Стоимость затраченных на определенную производственную операцию частей средств производства входит без изменения в общую стоимость вновь произведенного продукта. В процессе образования сюртука, например, участвуют целиком сырые материалы (сукно, подкладка, пуговицы и т. д.), вспомогательные материалы (уголь для утюга, керосин для освещения и т. д.) и орудия, которые в некоторой части на эту операцию изнашиваются. Если все это стоит 20 золотых рублей, то в стоимость нового продукта будет внесена стоимость 20 руб. Значит, *эта часть—стоимость средств производства—остается постоянной, неизменной.* Маркс поэтому назвал *часть капитала, обращенную в средства производства, постоянной частью капитала или просто постоянным капиталом.* Что же касается части капитала, идущей на рабочую силу, то она не только переносит свою стоимость на новый продукт, но еще изменяет свою величину, увеличивается, возрастает, создавая не только эквивалент своей стоимости, но еще некоторый излишек—прибавочную стоимость. *Часть капитала, обращенную в рабочую силу, Маркс называет переменной частью капитала или просто переменным капиталом.* Всякий капитал, поскольку он участвует в производстве и производит прибавочную стоимость (иначе он не капитал), состоит из этих двух частей—постоянной и переменной. Но относительная величина этих частей может быть различна (см. ниже § 87). *Отношение постоянного капитала к переменному капиталу называется органическим составом (или органическим строением) капитала.*

§ 37. Норма эксплуатации. Буржуазные экономисты, не могущие скрыть того факта, что капиталистический строй зиждется на

эксплоатации, как и все предшествовавшие ему классовые структуры), пытаются доказать, что форма капиталистической эксплуатации значительно мягче, чем во всех предшествующих эпохах. Если даже допустить справедливость такого утверждения, хотя капиталистическая эксплуатация имеет часто такие страшные стороны ¹⁾, которых *не знала* докапиталистическая, то не надо забывать, что относительное количество захваченного у трудящихся продукта куда больше, чем в докапиталистические эпохи, или, как говорят, *норма эксплуатации* значительно выше. *Нормой эксплуатации* или *нормой прибавочной стоимости* называется отношение прибавочной стоимости к переменному капиталу (или прибавочного рабочего времени к необходимому). Это отношение выражают в процентах. Так, если, например, 5 часов работы покрывает стоимость рабочей силы, а рабочий работает 10 часов, то норма прибавочной стоимости будет $5 : 5$, т.-е. 100%; если необходимое рабочее время равняется 6 часам, а рабочий работает 10, то норма прибавочной стоимости будет $4 : 6$, т.-е. $66\frac{2}{3}\%$, и т. д. Норма прибавочной стоимости при капиталистическом способе производства повышалась благодаря росту производительности труда и более усовершенствованным орудиям, так что достаточно небольшого количества труда, чтобы произвести количество продуктов, необходимых для поддержания жизни рабочего.

¹⁾ Мы о них будем говорить ниже.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

АБСОЛЮТНАЯ И ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ПРИБАВОЧНАЯ СТОИМОСТЬ.

§ 38. Абсолютная прибавочная стоимость. Рабочее время наемного рабочего распадается, как мы видели, на два элемента: *необходимое* (оплаченное) и *прибавочное* (неоплаченное). Повышение нормы эксплуатации может быть результатом увеличения второго элемента или уменьшения первого. Это нам станет особенно ясно из формулы нормы прибавочной стоимости:

$$\frac{m}{v} = \frac{\text{прибавочная стоимость}}{\text{переменный капитал}} = \frac{\text{прибавочное рабочее время}}{\text{необходимое рабочее время}},$$

где m (первая буква от немецкого слова *Mehrwert*) означает прибавочную стоимость, а v (первая буква от слова *variable*)—переменный капитал. При увеличении прибавочного времени увеличивается числитель, при уменьшении необходимого рабочего времени уменьшается знаменатель,—и в том и в другом случае мы имеем дело с увеличением дроби. Прибавочная стоимость, *производимая путем увеличения прибавочного рабочего времени при неизменности необходимого* (т.-е. путем удлинения рабочего дня), называется *абсолютной прибавочной стоимостью* (так как рост произошел вследствие абсолютного увеличения рабочего дня). Если, напр., 10-часовой рабочий день удлинен до 12, между тем как рабочее время, необходимое для производства средств существования рабочего (6 часов, положим), осталось прежнее, то мы имеем дело с ростом абсолютной прибавочной стоимости. Если же рабочий день остался прежним при уменьшении необходимого рабочего времени, то мы имеем рост *относительной прибавочной стоимости* (см. ниже § 40).

§ 39. Пределы производства абсолютной прибавочной стоимости. Абсолютная прибавочная стоимость зависит не от развития произ-

водительных сил, производительности труда¹⁾, а от длины рабочего дня. Но длина рабочего дня имеет свои пределы: ее минимум—необходимое рабочее время (прибавочный труд равняется нулю). Однако при капиталистическом способе производства рабочий день никогда не может сократиться до размеров этого минимума, ибо «душой» капиталистического производства является прибавочный труд. Зато у рабочего дня имеется максимальный предел—физический предел рабочей силы: человек может расходовать в продолжение суток (24 час.) лишь определенное количество жизненной силы, после чего наступает полная невозможность проявления трудовой энергии. Но еще до этого крайнего предела (полной невозможности работать) с известного момента начинает прогрессивно падать *интенсивность*²⁾ труда. Если, скажем, 8 часов в день рабочий может работать с достаточно свежими силами, то в 9-й час его силы начинают иссякать, и с каждым дальнейшим часом работы его энергия все более ослабевает. Кроме этого физического препятствия, которое встречает капиталист в его стремлении к удлинению рабочего дня, существуют и другие препятствия: нравственное стремление рабочего к более свободному существованию и политическое ограждение рабочего дня государством, завоевание, достигнутое борьбой рабочего класса.

Борьба рабочего класса за сокращение рабочего дня вписала в историю рабочего движения одну из самых героических и блестящих страниц. На этой борьбе, начавшейся несколько столетий тому назад и продолжающейся в капиталистических странах еще и теперь, рабочий класс выковал свою солидарность, свое классовое единство. Эта борьба впервые побудила рабочий класс прибегнуть к политическим действиям—к напору на аппарат классового господства буржуазии—на буржуазное государство, напору, который должен был вынудить установление *нормального рабочего дня* (т.-е. законом установленной максимальной длины рабочего дня).

На заре капиталистической промышленности в начале периода мануфактур (см. ниже § 45) длина рабочего дня равнялась 9—10 часам (а иногда и меньше). Мануфактура требовала более

¹⁾ *Производительность труда*—отношение количества произведенного продукта к затраченному труду (выраженному в единицах рабочего времени). Если один рабочий выработает в час один какой-нибудь продукт, а другой два таких продукта, то говорят, что производительность труда второго в два раза больше, чем производительность труда первого. Повышение производительности труда является результатом повышения техники, усовершенствования орудий труда; железной лопатой вскопаешь в час большую площадь, чем деревянной, на швейной машине больше сошьешь, чем иголкой, и т. д.

²⁾ *Интенсивность*—напряженность, количество усилий в единицу времени. При тех же орудиях труда один работает усиленно, а другой «как-нибудь»,—первый работает, как говорят, с большой интенсивностью.

или менее квалифицированного труда, и это ставило рабочих в относительно выгодное положение. Не было еще и таких огромных кадров безработных из обезземеленных и разорившихся крестьян, какие появились впоследствии. Законодательство того времени принимало против «лености» и «эгоизма» рабочих, «не желающих работать», такие меры, как установление *наименьшей* длины рабочего дня (11—12 час.), наказание плетью, калечением и даже виселицей «бродяг», т.-е. безработных, не нанимающихся куда-нибудь на работу (такие меры должны были увеличить предложение труда и привести к удлинению рабочего дня). XVII век был веком исключительно суровых законов против труда, но идея нормального рабочего дня уже и тогда находила приверженцев: в одной из утопий XVII века—в «Истории Севарамбов» Д. Верраса, рисующей идеальное государство с обязательным для всех трудом, мы уже встречаемся с идеей нормального рабочего дня, с его «тремя восьмерками» (8 час. труда, 8 час. сна, 8 час. отдыха).

В более поздний период мануфактур, в XVIII стол., положение рабочих ухудшилось: рост кадров обезземеленных крестьян и разорение мелкого производства увеличивали численность пролетариата, повышали предложение труда и ставили рабочих во все менее выгодное положение. Но длина рабочего дня еще, повидимому, не достигала 12 час., так как для удлинения рабочего дня и понижения заработной платы предлагалось устраивать для «бродяг и нищих» принудительные рабочие дома, «дома ужаса», с 12-часовым рабочим днем.

Промышленный переворот—появление машин и станков, разоривших миллионы мелких самостоятельных производителей и катастрофически сокративших спрос на труд,—сделал излишним искусственные меры принуждения рабочих «не лениться» и не предаваться своему «эгоизму», т.-е. работать до последней возможности, до полного истощения. В «наш гуманный век» (XIX-й) мы уже встречаем на гончарнях Стеффордшира семилетних детей, работавших 16 час. в сутки. Без смирительных тюрем и без принудительных домов капиталисты прекрасно обходились, когда у них в руках было более мощное орудие принуждения: голод... Огромные массы безработных, так называемая резервная промышленная армия (см. ниже § 92), сделали возможным для капиталистов использование женщин и детей и удлинение рабочего дня до крайних пределов. Это приводило к вырождению и вымиранию рабочего класса. В 1863 г. в английском парламенте констатировалось, что в течение трех обычных поколений бумагопрядильная промышленность пожрала девять поколений рабочих. Капиталистов это не очень смущало: новый приток рабочей силы из разных стран пополнял эту убыль... От полного вымирания спасла рабочий класс его неустанная борьба, которая в начале носила характер стихийных вспышек (разрушение машин, рабочие бунты и т. д.), а впоследствии вылилась в форму организованных действий рабочих союзов и политической партии пролетариата.

Рядом со стачками и другими общими выступлениями рабочих тех или иных предприятий или производств, рабочие добивались через посредство своей политической борьбы фабричного законодательства, главным предметом которого было законодательное сокращение рабочего дня. Во всех капиталистических странах рабочий класс прошел по этому пути от безграничного рабочего дня к 12-часовому, 11-часовому, 10-часовому и 9-часовому рабочему дню. «Три восьмерки» (8-часовой рабочий день—предмет помышлений всех рабочих) достигнут в очень незначительном количестве случаев.

8-часовой рабочий день еще не упраздняет эксплуатации, еще не доводит рабочего времени до размеров необходимого рабочего времени. В капиталистическом обществе и не достигим такой рабочий день, который будет равняться необходимому рабочему времени: в этом случае не было бы прибавочного рабочего времени, прибавочного труда, прибавочной стоимости и, следовательно, капитализма. Это достижимо только при коммунизме (см. ниже § 155).

В эпоху диктатуры пролетариата (в Советском Союзе) 8-часовой рабочий день взят как максимум. При неустроенности промышленности, бедности пролетарского государства, при недостаточной производительности труда невозможно еще установить меньший рабочий день (хотя фактически—при месячных отпусках, 4-месячных отпусках беременным женщинам и т. д.—он меньше 8 часов). При малейшем улучшении положения, при малейшем подъеме промышленности рабочий день будет сокращаться,—он стремится к размеру, которое дает коммунистическое хозяйство.

§ 40. Относительная прибавочная стоимость. Если рабочий день не изменяется, но изменяется производительность труда, так что на производство необходимого продукта требуется меньше рабочего времени, чем раньше, то мы имеем дело с ростом *относительной прибавочной стоимости*. При этом рост нормы эксплуатации тут происходит гораздо быстрее, чем при увеличении абсолютной прибавочной стоимости (так как мы тут имеем увеличение числителя одновременно с уменьшением знаменателя).

Для ясности приведем такой пример. Положим рабочий, работая 12 часов, производит необходимый продукт в 6 часов, а остальные 6 часов отдает капиталисту. Тогда норма прибавочной стоимости будет $\frac{1}{2}$, т.-е. 100%. При удлинении рабочего дня на 2 часа (рост абсолютной прибавочной стоимости)—норма прибавочной стоимости будет $\frac{2}{3}$, увеличивается только числитель, т.-е. $133\frac{1}{3}\%$. При повышении же производительности труда, позволяющем сократить время производства необходимого продукта на 2 часа, норма прибавочной стоимости будет $\frac{1}{3}$ (увеличивается числитель и одновременно уменьшается знаменатель), т.-е. 200%.

Производство относительной прибавочной стоимости предполагает *новые* способы производства—между тем как производ-

ство абсолютной прибавочной стоимости оставляет в силе старые способы. Во втором случае мы имеем лишь формальное подчинение труда капиталу, — капиталистический способ эксплуатации, отличающийся от прежних форм эксплуатации лишь тем, что прибавочный продукт отнимается благодаря «добровольной» продаже рабочим своей рабочей силы. В случае производства относительной прибавочной стоимости мы уже имеем *реальное* подчинение труда капиталу (возникшее на почве формального), — капиталистический способ эксплуатации, отличающийся от старых форм тем, что он располагает новыми способами, новыми орудиями, новой техникой, позволяющими сократить время производства необходимого продукта и таким образом удлинить прибавочный труд и прибавочный продукт.

Капитал стремится, впрочем, усилить обе формы эксплуатации. Каких бы результатов он ни достиг в производстве относительной прибавочной стоимости, как бы ни были велики успехи техники, дающие ему все новые и новые приращения прибавочной стоимости, капиталист стремится еще удлинить рабочий день. Он останавливается только перед физическим пределом и отпором рабочих масс.

§ 41. Рост относительной прибавочной стоимости в отдельных предприятиях. Рядом с общим ростом относительной прибавочной стоимости, свойственным специфически ¹⁾ капиталистическому производству, возможен ее особенно усиленный рост в отдельных предприятиях в следующих случаях:

I. Если в каком-нибудь одном или нескольких предприятиях повышается производительность труда благодаря какому-нибудь новому изобретению или улучшению, которых нет у конкурирующих предприятий. Пока новые методы не получают общего распространения, эти отдельные предприятия будут получать большую прибавочную стоимость, так как стоимость изготавливаемых ими товаров будет определяться количеством общественно-необходимого труда, между тем как они тратят меньшее количество труда на производство своих товаров.

II. Если увеличивается производительность труда в отраслях, производящих средства существования для рабочих (увеличение производительности труда в других отраслях значения не имеет), товары, необходимые для поддержания жизни рабочих, подешевеют, сократится необходимое рабочее время, увеличится относительная прибавочная стоимость.

III. Если без ущерба для производства лучше оплачиваемый труд заменяется хуже оплачиваемым (мужской труд — женским и дет-

¹⁾ Специфический — отличающийся от всех других.

ским, труд европейцев и американцев—китайским, труд местных рабочих—эмигрантским, труд организованных рабочих—трудом неорганизованных и т. д.).

§ 42. Общее количество прибавочной стоимости. Капиталиста больше всего интересует главный для него результат капиталистического производства—общее количество прибавочной стоимости. Это количество определяется двумя данными: количеством рабочих и нормой прибавочной стоимости. *Количество произведенной прибавочной стоимости равняется величине затраченного переменного капитала, помноженному на норму прибавочной стоимости.*

Поясним это примером. Положим, что у капиталиста работает 120 человек при 10-часовом рабочем дне. Если норма прибавочной стоимости равняется $\frac{1}{6}$ (6 часов—необходимого труда и 4—прибавочного), и если рабочий в среднем получает 1 руб. золотом в день, то общее количество прибавочной стоимости будет: переменный капитал $120 \times \frac{1}{6} = 80$ руб. Тот же результат получится, если мы помножим среднее количество прибавочной стоимости, получаемое с одного рабочего, на число рабочих: $\frac{1}{6}$ руб. $\times 120 = 80$ р.

При постоянной норме прибавочной стоимости увеличение общего количества прибавочной стоимости идет за счет увеличения количества рабочих. И различие (количественное) капиталиста от прежнего мелкого хозяина - мастера (у которого тоже были наемные рабочие, дававшие ему прибавочную стоимость) в том, что у него, капиталиста, много рабочих, между тем как у мастера их было немного. Мастер получал только часть своего дохода в виде прибавочной стоимости, другую часть он создавал своим личным трудом; он нечто среднее между капиталистом и рабочим. Капиталист же *весь* свой доход (и при том крупный доход, стремящийся к непрерывному увеличению) черпает из прибавочной стоимости.

Но увеличение числа рабочих означает увеличение переменного капитала, а вместе с ним и постоянного (ибо рабочий берется для приложения его рабочей силы к средствам производства, и раз больше рабочих, значит нужно больше и средств производства). *Для капиталистического производства требуется значительный запас капитала.* Этим объясняется, что, по выражению Маркса (в «Нищете философии»),— «родоначальником современных капиталистических мастерских был купец, а не мастер», ибо купец, торговый капиталист (см. ниже §§ 69—73), накопил достаточно денежных средств для основания и ведения «капиталистических мастерских».

Это не значит, что капиталист не стремится получить при *незначительной* затрате капитала *наибольшее* количество *прибавочной* стоимости. Наоборот, капиталист, насколько от его личной воли за-

висит, стремится отыгаться на другом факторе увеличения общего количества прибавочной стоимости—на повышении *нормы* прибавочной стоимости. Он раньше всего добивается удлинения рабочего дня (абсолютной прибавочной стоимости). Но это наталкивается, как мы видели, на препятствия, и он, подталкиваемый конкуренцией, обращается к методам, увеличивающим *относительную* прибавочную стоимость,—к новым формам организации труда, к повышению техники и т. д. В этом качественное различие капиталиста от прежнего ремесленника - хозяина.

§ 43. Роль сотрудничества (кооперации) и крупного производства в увеличении количества прибавочной стоимости. В целях извлечения возможно большего количества прибавочной стоимости, капиталист не только увеличивает число эксплуатируемых им рабочих (и удлиняет их рабочий день), но и собирает их в одно место (на одно поле труда), ставя их под одну и ту же организационно-техническую власть. Он собирает массу отдельных мелких хозяйств в одно большое капиталистическое предприятие. Это дает ему все выгоды сотрудничества и крупного производства, способствующего росту производительности труда, а следовательно и увеличению относительной прибавочной стоимости. Уже простое сотрудничество многих людей дает капиталисту не только количественное преобладание над мелким ремесленником, но и ряд других выгод. При большой массе работников:

1. Стушевываются индивидуальные различия, легче устанавливается средняя общественно-необходимая работа;

2) успешнее (и дешевле обходится) управление процессом;

3) возрастает производительность труда вследствие психического влияния работающих друг на друга ¹⁾;

4) осуществимы операции, которые не под силу одному человеку и требуют соединения усилий многих людей (так называемое *скопление труда*), напр., поднятие больших тяжестей;

5) уменьшается доля затраченных средств производства, приходящаяся на каждого рабочего (стоимость помещения—мастерская для 30 рабочих обходится не в 10 раз больше, чем мастерская для 3 человек, а несколько меньше; отопление, освещение, кладовые для сырья—тоже, и т. д.).

Сложное сотрудничество (сотрудничество с разделением труда) еще больше повышает производительность труда, так как ко всем выгодам простого сотрудничества присоединяется ряд новых выгод:

¹⁾ Уже первичная форма сотрудничества—*товарищеский труд* (т.-е. когда несколько человек работают независимо друг от друга, но в близком соседстве)—создает это взаимное влияние, соревнование и увеличение производительности труда.

легкость специализации ¹⁾ и увеличение ловкости рабочего; возможность большего приспособления индивидуальных особенностей рабочего, лучшего использования внешней среды и т. д.

О чисто-технических выгодах крупного производства, присущих всем видам работы более или менее обширных групп сотрудничающих людей, мы будем говорить ниже в §§ 81 и 82.

§ 44. Домашнее капиталистическое производство. Поскольку стремление капиталиста к увеличению количества прибавочной стоимости нашло свое осуществление исключительно в увеличении количества эксплуатируемых им работников, формой эксплуатации стало домашнее капиталистическое производство ²⁾. Оно заключается в том, что капиталист ³⁾ доставляет сырые материалы (а иногда и орудия) мелким хозяйствам, а затем скупает на выгодных для него условиях готовые продукты этих хозяйств. Держа в своих руках судьбу этих мелких хозяйств, он диктует такие условия передачи им материалов и покупки у них готовой продукции, что ему достается значительная часть этой продукции даром, это—его прибавочный продукт. Рабочий день при этом устанавливается самим производителем, но так как на его долю из выработанного продукта достается очень мало, то он стремится наверстать это количеством выработанных продуктов.

Он «сам» работает столько, сколько хватит сил.

Алчность капиталистов к абсолютной прибавочной стоимости тут больше, чем где бы то ни было, удовлетворяется, но общее количество прибавочной стоимости все же ограничено: мелкие размеры хозяйства и отсталые способы производства не позволяют увеличивать относительную прибавочную стоимость и расширять производство товаров, когда на них большой спрос. Мелкие хозяйства к тому еще сохраняют внешнюю форму независимости. Домашнее производство является поэтому только переходной формой к капиталистическому предприятию.

¹⁾ Это дает все выгоды раньше всего капиталисту. Это делает его хозяином положения на рынке труда; предложение неквалифицированной рабочей силы (которую капиталист легко, однако, может приспособить к требованиям своего производства) всегда превышает спрос на нее. Это понижает цену рабочей силы. К выгодам роста относительной прибавочной стоимости (большая производительность труда) прибавляется возможность роста абсолютной прибавочной стоимости; удлинить рабочий день неисканных рабочих легче, чем искусных.

²⁾ Эта форма наблюдается еще и теперь на-ряду с высоко развитыми формами капиталистического хозяйства в Европе и Америке.

³⁾ Исторически торговый капиталист, успевший в предшествующий период—период *первоначального накопления*, см. ниже § 73—скопить достаточно денежных средств, чтобы вложить их в производство и закабалить мелкого ремесленника и крестьянина, утративших значительную долю своей хозяйственной самостоятельности.

§ 45. Мануфактура. Первой формой капиталистического предприятия была мануфактура—принадлежащая капиталисту большая мастерская, в которой в качестве простых исполнителей на началах разделения труда работает масса рабочих над средствами производства, принадлежащими капиталисту. Работа при этом производится ручным трудом, орудие играет второстепенную роль. Возникновение мануфактуры шло двояким путем: 1) соединением различных ремесл в одной мастерской; 2) разделением различных операций между различными рабочими. На первых порах преобладала первая форма мануфактуры: рабочие в сущности оставались в ней ремесленниками, выполнявшими ту часть работы с начала до конца, какую они выполняли раньше в качестве самостоятельных производителей. Ярким примером этой формы может служить экипажное дело: карета делалась в одной мастерской, переходя из рук одного ремесленника в руки другого: от каретника к шорнику, обойщику, маляру, стекольщику и т. д. С дальнейшим развитием мануфактуры преобладала вторая, высшая и наиболее совершенная форма техники ручного труда. Примером ее может служить расчлененная фабрикация булавок, как она производилась в то время. Тут различные процессы труда, которые все совершаются один после другого, выполняются одновременно многими *детальными рабочими* (т.-е. рабочими, выполняющими одну деталь, частичку работы). При этом, однако, самый процесс производства требует известной последовательности операций: не получив резаной проволоки, рабочий не сделает головки и т. д. Техническая необходимость требует точного расчета необходимого времени для каждой операции.

Преимущества мануфактуры перед ремеслом огромны. Они вытекают из кооперативного характера труда и разделения труда, дающих значительную экономию средств производства и выигрыш в рабочей силе—большую производительность труда. Мануфактура дает в значительной степени рост относительной прибавочной стоимости и в этом отношении она является новым способом производства—капиталистическим. И тем не менее мануфактура еще сохраняет черты ремесла ¹⁾: она изменила ремесленный способ производства,

¹⁾ Самое название «мануфактура» уже означает «сделанное рукой» (по-латински *manus*—рука, *factus*—сделанный). Мануфактура господствовала с середины XVI до XVIII стол. как наиболее совершенная и развившаяся до своих пределов форма использования ручного труда. Она еще и теперь встречается в некоторых отраслях промышленности. Капиталистическое земледелие в значительной степени построено на принципе мануфактуры—использовании ручного труда сельских рабочих при широком разделении труда. У нас «мануфактурой» часто называют изделия из волокнистых веществ, шерсти, хлопка и т. д. Это объясняется тем, что мануфактура впервые завладела именно этою отраслью промышленности.

но не уничтожила его, так как она строится на ручном труде, на личных качествах рабочего, на его ловкости и сноровке. К тому же как ни поднимает производительность труда мануфактурный способ производства, но использование живой рабочей силы имеет пределы, а аппетиты капиталиста к прибавочной стоимости предела не имеют. Поэтому капиталист стремится к использованию механической силы, что и приводит к изобретению машин.

§ 46. Машинное производство; фабрика. Машины применялись еще в мануфактурном производстве, но там они играли второстепенную роль. Машина отличается от ремесленного инструмента тем, *что по сообщению ей надлежащего движения она исполняет при помощи своих инструментов те же самые операции, которые исполняет ремесленник при помощи аналогичных (подобных) инструментов.* Промышленную революцию произвело изобретение и распространение рабочей машины ¹⁾ (первой была изобретена прядильная машина). Она потребовала двигателя более мощного, постоянного и правильно действующего, чем вода, ветер, рабочая сила животных. И на сцену появляется пар (а затем электричество). Машинное производство требует такой мастерской (фабрики), которая построена на принципе разделения труда не между детальными рабочими, а детальными машинами. Разные операции на фабрике проделываются машинами, за которыми рабочий только следит, которых он делается сознательным придатком. И та последовательность операций, которую мы наблюдали между мануфактурными рабочими, теперь наблюдается между машинами. Сотрудничество на фабрике представляет комбинацию из простого сотрудничества и сложного: десятки и сотни рабочих делают, стоя у одинаковых машин, одну и ту же работу (простое сотрудничество), но в то же время десятки и сотни рабочих в другом отделении делают все другую (но одну и ту же) работу, стоя у машин другого рода. Это сотрудничество диктуется технической необходимостью, вытекающей из природы разнородных машин, участвующих в процессе производства. Фабрика подняла производительность труда до небывалых размеров ²⁾, она создала такой рост относительной прибавочной стоимости, который капиталистам ранней поры капиталистического развития не снился.

¹⁾ Всякая развитая машина состоит из двигательного механизма, передаточного и собственно рабочей машины—исполнительного механизма.

²⁾ Яркий пример повышения производительности труда при мануфактуре и машинном производстве может дать фабрикация булавок. Один человек ручным способом не сделает и 10 булавок в день: в мануфактуре, при разделении труда между 10 чел., делалось 48.000 булавок, т.-е. по 4.800 булавок на человека; на одной американской булавочной фабрике на одного человека приходилось 1.500.000 булавок.

§ 47. Развитие капиталистической техники. Машинная техника непрерывно развивалась и еще теперь развивается. Если рассматривать машину по ее главным элементам, то мы увидим, что каждый из них прошел несколько стадий развития. Возьмем двигатель. Двигательная сила человека заменилась двигательной силой животных (преимущественно лошади), затем силой воды и ветра, которая уступила свое место пару. В последнее время пар начинает вытесняться электричеством, которое дает более экономный источник двигательной силы, так как пар требует расхода угля и дров, электричество же дает возможность использовать неиссякаемые источники энергии (водопады, источники и т. д.). Передаточный механизм тоже сильно осложнился: целым рядом приспособлений он приводит в движение *несколько* рабочих машин и часто притом разнородных. Рабочая машина тоже сильно изменилась и усложнилась, и достигла небывалой силы. Пока само машиностроительство основывалось на ручном труде, распространение машины шло медленно, так как машина стоила очень дорого и была недостаточно сильна и недостаточно совершенна. Только когда сама машина стала изготовляться машинным путем, машинное производство стало развиваться с небывалой быстротой. Переворот, произведенный в одной какой-нибудь отрасли промышленности, влечет за собой переверт во многих других отраслях, с нею связанных. Машинное прядение вызвало машинное тканье, а оба вместе сделали необходимым заменить прежний способ беления бумажных материй, отнимавший несколько месяцев, новыми способами (применение кислот), ускорившими процесс до нескольких дней и даже часов. Громадные массы товаров, которые выбрасывает на рынок машинная промышленность, и необходимость подвоза огромных масс сырья произвели революцию в способах передвижения и сообщения (железные дороги, паровое судоходство, телеграф и т. д.).

§ 48. Конкуренция. Изменение и совершенствование способов производства имеет своей целью впоследствии увеличение количества прибавочной стоимости (относительной). Но в капиталистической действительности это изменение совершается под непрерывным действием конкуренции. Каждый капиталист стремится продать возможно больше товаров, но он сталкивается с таким же стремлением других капиталистов. Это побуждает его вводить новые способы и усовершенствования, позволяющие производить то же количество товаров в менее продолжительное время, чем этого требует общественно-необходимый труд. Это дает ему возможность продавать свои товары немного дешевле своих конкурентов и еще получать большее количество прибавочной стоимости (см. выше § 40). Но это продолжается до тех пор, пока и его конкуренты не введут таких же способов и усовершен-

ствований,—тогда все начинают продавать дешевле, и цены устанавливаются одинаковые. Таким образом капиталисты все время стремятся продавать дешевле свои товары и вынуждены для этого совершенствовать способы производства, что в свою очередь уменьшает необходимое рабочее время и увеличивает относительную прибавочную стоимость.

§ 49. Пределы развития техники в капиталистическом обществе.

Капиталисты вводят машины и технические усовершенствования не потому, что это сберегает труд, а потому, что они ждут от повышения техники более выгодного положения на рынке и—в конечном итоге—большей прибыли. Если поднятие технического уровня их предприятий им таких выгод не сулит, они и не станут развивать техники, они предпочтут отсталые (и более дешовые для них) способы производства. И сплошь да рядом в этом отношении интересы капиталистов противоречат, враждебны интересам всего общества: машина, сберегающая человеческий труд, для общества полезная, не вводится капиталистом, от которого единственно зависит вводить или не вводить машину (так как он в капиталистическом обществе «хозяин» производства), если она ему, капиталисту, не выгодна; он, пользуясь своей собственностью на средства производства, заставляет общество тратить на производство тех или иных продуктов больше рабочего времени, чем это понадобилось бы при машине.

Положим, что производство машины стоит 3000 рабочих дней и что до полной своей изношенности она может сберечь 4000 рабочих дней (без машины должны для производства данного количества продуктов работать 21 рабочий по 200 дней, т.-е. всего 4200 рабочих дней, а при машине 1 рабочий должен работать те же 200 дней, т.-е. всего 200 рабочих дней). Для общества машина выгодна: она в общем дает сбережение общественного труда на 1000 рабочих дней. Капиталисту же она может быть невыгодна: если в данном случае норма прибавочной стоимости равняется 100% (т.-е. если необходимое рабочее время, оплаченное, равняется половине рабочего дня), то капиталист фактически должен оплатить 2000 рабочих дней, между тем как, покупая машину, он должен заплатить другому капиталисту-машиностроителю сумму, равную 3000 дней; капиталист—со своей точки зрения—теряет 1000 рабочих дней. Он, конечно, не вводит машины, хотя она и выгодна для общества.

Такие случаи не только теоретически мыслимы, но и сплошь да рядом бывают и чаще всего встречаются там, где особенно низка заработная плата (в отсталых странах, в земледельческой промышленности, в отраслях промышленности с применением эмигрантского и неквалифицированного ручного труда и т. д.). *Капиталист, поку-*

пая машину, оплачивает полную ее стоимость, покупая же рабочую силу, он оплачивает только часть того труда, который доставит ему рабочая сила, и чем меньше эта часть, тем больше у него причин не вводить машин, не совершенствовать техники.

Вышесказанное характеризует начальный предел развития техники в капиталистическом обществе, момент пассивности (недейственности) «хозяев»-капиталистов (т.-е. когда они не вводят усовершенствований). Бывают, однако, и случаи активного (действенного) понижения технического уровня производства. Машины уже введены, производство расширяется, но рынок не поглощает всех произведенных товаров (см. ниже §§ 118 и 119); тогда капиталист останавливает действие многих машин, сокращает производство, а часто подвергает их даже порче. В период финансового капитализма (см. ниже §§ 134—138), когда капиталистам удается устранить или ослабить конкуренцию и установить монопольные цены, они сплошь да рядом не только не используют новых изобретений, но скупают патенты на них и держат их в секрете (дабы никто другой их не мог использовать).

Одним словом, если развитие человеческих знаний и науки делает технические достижения почти беспредельными, то предел этим достижениям кладут интересы капиталистического класса, сплошь да рядом враждебные интересы всего общества.

Классовая борьба пролетариата является борьбой за интересы всего трудящегося общества, ибо она кладет предел хищническим вожделениям буржуазии, истощающим мощь общества, подрывающим его господство над природой. Стремясь к коммунизму, т.-е. к неклассовому обществу с научно-организованным общественным производством, пролетариат этим направляет все трудящееся общество на путь великих хозяйственных достижений, огромных завоеваний сил природы. Неклассовому обществу незачем уничтожать плоды своих побед (как это делает в капиталистическом мире буржуазия); оно не будет тратить усилий на внутреннюю борьбу, оно их направит исключительно на завоевание природы, т.-е. на познание ее сил и их использование в интересах человека.

Интересы буржуазии ставят предел техническим достижениям и завоеваниям науки и знания; интересы пролетариата разрушают этот предел, разрушают преграду, поставленную на пути развития человеческого общества.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ.

§ 50. Относительная и эквивалентная форма стоимости. Во всяком акте обмена участвуют два или несколько товаров, стоимость которых количественно сравнивается. Если, примерно, 1 пуд хлеба обменивается на два пуда соли, то мы можем сказать, что стоимость одной весовой единицы хлеба равняется стоимости двух весовых единиц соли:

$$1 \text{ пуд хлеба} = 2 \text{ пудам соли.}$$

Тут мы определяем стоимость хлеба относительно соли. Поэтому первая часть равенства называется *относительной формой стоимости*. Вторая часть равенства показывает, чему равна (эквивалентна) стоимость хлеба, и называется поэтому *эквивалентной формой стоимости*.

§ 51. Развитие форм обмена. Обмен в своем историческом развитии (результатом которого является современная денежная форма) прошел три главных периода, принимая три различные формы:

I. *Простая или случайная форма* обмена (Маркс называет ее еще единичной формой обмена). Два человека (представители двух родовых общин), случайно встретившиеся, имеют каждый для обмена продукт, случайно нужный другому (положим, у одного 1 пуд хлеба, у другого 2 пуда соли). Такой обмен можно изобразить в следующем виде:

$$1 \text{ пуд хлеба} = 2 \text{ пудам соли.}$$

В пределах простой формы мы можем товар, служивший эквивалентом, превратить в относительную форму стоимости, и наоборот. Это, однако, не меняет сути дела—что стоимость одного товара выражается в стоимости другого. Но продукт тут принимает форму товара случайного: из всего хлеба, производившегося общиной для собственного потребления, *этот* пуд хлеба, помимо своей потребительной стоимости, случайно обнаружил свое общественное свойство—обрел меновую стоимость.

II. *Полная или развернутая форма*. Стоимость одного товара находит свое выражение в стоимости ряда других товаров. Один.

какой-нибудь продукт, производящийся в данном месте у данной общины или народа в изобилии (в количестве, превышающем потребности производителей в этом продукте), выменивается не на один какой-либо продукт и не случайно, а на *ряд* других продуктов и более или менее регулярно. Такой обмен можно изобразить так ¹⁾:

$$1 \text{ заячья шкурка} = \left\{ \begin{array}{l} \text{трем фунтам хлеба,} \\ \text{или } \frac{1}{8} \text{ фунта кирпичного чаю,} \\ \text{или } \frac{1}{2} \text{ фунта черкасского табаку,} \\ \text{или 5 свинцовым пулям, и т. д.} \end{array} \right.$$

Эта форма обмена свойственна уже более развившимся отношениям между племенами. Такой обмен производится на определенных местах, куда выносят свои излишки с определенными меновыми целями (это уже зародыш рынка).

III. *Развитая или денежная форма обмена.* Стоимость всех товаров находит выражение в стоимости одного какого-нибудь товара. Какой-нибудь товар находит такое широкое распространение, что все обменивают на него свои товары. Его берут в обмен на свои продукты-товары и те, кому *этот* товар не нужен непосредственно (он для них не имеет потребительной стоимости), но который они могут всегда обменивать на *нужные* им товары (т.-е. имеющие для них потребительную стоимость). Этот товар делается *орудием обмена или средством обращения товаров*. Положим, что таким товаром сделался янтарь (как это и было в действительности в некоторых местах), тогда эта форма будет иметь такой вид:

$$\left. \begin{array}{l} 1 \text{ топор} \\ 10 \text{ стрел} \\ 2 \text{ копья} \\ 2 \text{ глин. горшка} \end{array} \right\} = 10 \text{ золотникам янтаря.}$$

Так как определенным количеством такого товара измеряется стоимость всех товаров, то он становится *мерилом стоимости*. Как необходимый участник всех актов обмена он может быть назван *всеобщим товаром*. Его называют денежным товаром.

§ 52. **Денежный товар.** В роли эквивалента в разных местах и в разные времена выступали разные товары, пользовавшиеся почему-

¹⁾ В пустынной тайге у Алазейского Хребта (в Якутской Республике) мне довелось видеть в начале этого столетия такую форму обмена: якуты там выменивали заячьи шкурки (там водилось огромное множество белых зайцев) на хлеб, кирпичный чай, свинцовые пули, порох, оленье сало и т. д. Хотя им знакома была и денежная форма обмена, но деньги они брали неохотно. В Верхнеколымске таким же образом выменивались горностаевые шкурки.

либо особым распространением в той или другой местности (янтарь, кожа, особые раковины, бобы и т. д.). У многих народов роль денег играл скот. Латинское слово *pecunia* (пекуния—деньги) происходит от слова *pecus* (пекус—скот). Русский рубль и индийская «рупия» производятся от корня, обозначающего скот. Однако почти всюду деньги-скот вытесняются металлическими деньгами.

§ 53. Металлические деньги. Металлический товар сделался всеобщим эквивалентом, деньгами, благодаря некоторым своим свойствам, делающим его технически более пригодным для роли денег, чем всякие другие товары. Эти свойства следующие:

1) Экономическая делимость—при делении большого металлического куска на мелкие, эти последние не теряют своей стоимости (если же «разделить» какую-нибудь голову скота, она убивается и теряет прежнюю свою стоимость).

2) Их однородность—отдельные куски обладают теми же физическими свойствами, что и большие. Разница между маленьким куском и большим только количественная, но не качественная, а поскольку они выражают меновую стоимость, важно количественное отношение.

3) Их сохраняемость (между тем как скот заболевает или умирает—теряет свою стоимость).

4) Их более высокая стоимость (вследствие трудности их добычи), что делает небольшие куски равноценными товарам большого объема и веса. Это их делает удобными как орудия обращения.

Вначале обращались главным образом железные и медные деньги, но с развитием меновых сношений железо и медь стали вытесняться серебром и золотом, в котором совершаются меновые сделки на огромные суммы (покупаются и продаются огромные массы товаров); важно, чтобы товар, служащий для определения стоимости всех товаров, в небольшом объеме и весе воплощал большую трудовую стоимость: таким товаром является золото ¹⁾. Золото, главным образом, и играет роль денег, хотя эту роль (в меньшей мере) играет и серебро. Последнее хотя и обладает экономической делимостью и другими «денежными» свойствами, но оно значительно дешевле золота и в силу многих причин (открытия новых рудников, улучшений в способах добывания и т. д.) терпело понижение своей стоимости (а для роли денег чрезвычайно важна устойчивость).

¹⁾ Хотя алмазы и многие драгоценные камни стоят дороже золота, но они не обладают главным свойством, которое могло бы их сделать деньгами—экономической делимостью; при разбивке алмазов на куски, они теряют свои прежние качества, терпят качественное изменение, а не только количественное,—они обесцениваются.

§ 54. Монеты. Металлические деньги сначала употреблялись по весу: стоимость товара выражалась в весовых долях металла. Однако неудобство от необходимости взвешивания денежного металла при каждой меновой сделке уже в весьма отдаленные времена привело к чеканке монет, т.-е. отливке небольших слитков благородного металла определенной формы, содержащих определенное количество весовых единиц, с обозначением на поверхности определенного содержания металла. Стоимость товаров стала с тех пор определяться числом монетных единиц (рубли, франки, марки и т. д.), что значительно облегчило обмен.

§ 55. Функции денег. Деньги в меновом обществе выступают в четырех главных качествах:

I. Деньги—*мерило стоимости*. Стоимость всех товаров выражается в деньгах, т.-е. в стоимости денежного товара. Деньги являются тем товаром, с которым соизмеряют все другие товары (по количеству общественно-необходимого труда). Выражение стоимости в деньгах мы называем ценой. «Цена есть денежное название овеществленного в товаре труда». Отсюда функцией денег делается *измерение цены*.

II. Деньги—*средство* (или, как еще говорят, *орудие*) *обращения*. Обмен имеет своей целью—метаморфоз (превращение) товара, имеющего для его обладателя меновую стоимость, в товар, имеющий для него потребительную стоимость (например, ткач стремится превратить свой холст то в хлеб, то в соль, то в сапоги и т. д.). При денежной форме обмена деньги делаются посредником в этом метаморфозе, который распадается на две фазы (два периода): 1) товар, имеющий для продавца меновую стоимость, обменивается на деньги (продажа): Т—Д; 2) деньги (полученные за проданный товар) обмениваются на другой товар (покупка): Д—Т. Весь метаморфоз может быть изображен так:

Товар—Деньги—Товар или Т—Д—Т.

При денежном обмене продавцу товара вовсе не нужно, чтобы товары, на которые он хочет обменять свой товар, были тут же при обмене. Он продает его за деньги, а потом в этом месте или в другом, сейчас или после может себе купить нужные ему товары. Деньги таким образом облегчают обращение товаров.

III. Деньги—*орудие сбережения стоимости*. Всякие другие товары плохо сохраняются—подвергаются порче и требуют больших усилий для их хранения. Деньги же не портятся, легко перемещаются и в любой момент дают возможность приобрести любой предмет. Они стали поэтому формой, в которой сохраняется или копится богатство. В странах с неразвитой промышленностью в деньги или сокровища превращается избыток производства над потреблением.

В промышленных странах, где всякий избыток немедленно идет в процесс производства, тоже невозможно обойтись без удержания некоторой доли денег в виде запаса (на покупку сырья и машин, оплату в срок рабочих и т. д.). Денежный запас называют *сокровищем*.

IV. Деньги—*платежное средство*. Часто товар отдается его обладателем в долг, в кредит. В назначенный срок должник отдает деньги, которые здесь играют роль платежного средства. Деньги в этом случае не являются посредником в меновом процессе, а заканчивают его самостоятельно.

§ 56. Потребное количество денег. В капиталистическом обществе почти все меновые сделки совершаются при помощи денег. Отсюда ясно, что для того, чтобы меновые операции совершались беспрепятственно, в обращении должно быть известное количество денег,— существует определенный *спрос на деньги как орудие обращения*.

Какое же количество денег потребно в определенный период времени?

Ясно, что чем больше меновых сделок совершается, тем больше нужно денег, при чем в каждой сделке должна участвовать такая сумма денег, которая равна цене продаваемого товара. Потребное количество денег зависит, в первую очередь, от суммы цен товаров. Если бы все меновые сделки совершались отдельно друг от друга, то потребное количество денег *равнялось бы* сумме товарных цен, но так как часто продавец в одной сделке является в то же время покупателем в другой, то на практике денег требуется меньше: при помощи одной и той же монеты может совершаться и совершается много меновых сделок. Положим, Иванов продал Федорову сапоги за 10 р. зол.; на эти 10 р. он купил у Петрова хлеба. Тут две сделки, а участвует в них *одна* десятирублевка. Если Петров в рассматриваемый период времени купит на эти десять рублей мануфактуры у Сидорова, а последний, получив 10 р., заплатит их за комнату, мы уже будем иметь четыре сделки, совершенных при помощи одной десятирублевки, и т. д. Иначе говоря, денег для совершения всех меновых сделок нужно иметь тем меньше, чем больше оборотов сделает одна и та же монета. Далее, к сумме цен товаров надо прибавить то количество денег, которое необходимо уплатить в покрытие долгов, которым срок истекает в рассматриваемый период, вычтя отсюда срочные платежи, взаимно погашающиеся (Иванов должен Петрову 10 р., а Петров Сидорову—такую же сумму; тут два платежа по 10 р., а нужна только одна десятирублевка). *Потребное количество денег равняется результату от сложения суммы цен товаров с суммой срочных платежей (без взаимно погашающихся платежей), деленному на среднее число оборотов монеты.*

Чем менее развито товарное производство, тем меньше требуется денег в обращении. При натуральном хозяйстве денег почти совсем не требовалось: для небольшого количества меновых сделок, которое совершается при всяком хозяйстве (ибо *абсолютно* без обмена не обходится *никакое* хозяйство), тех небольших сумм денег, которые были в обращении, вполне хватало. Значительная часть имевшихся благородных металлов (а их было ничтожное количество по сравнению с теперешним) шла на украшения, находилась в состоянии «сокровища». Еще и теперь значительные количества золота и серебра (в виде сокровища) видим именно в капиталистически-отсталых странах (Индия, Китай и т. д.).

В Европе вторжение в сферу натурального хозяйства раньше редкого товара—денег—начинается с XI—XII в.в. С развитием торгового капитализма деньги приобретают все более важное и решающее хозяйственное значение. В сферу денежного обращения втягивается и крестьянское хозяйство (замена натурального оброка денежным). Великие географические открытия были вызваны поисками новых рынков, стремлением торгового капитала к денежной прибыли. Накопление денежных запасов сделало возможным для торгового капитала овладение аппаратом товарного производства. Это последнее, как мы знаем, требует денег как для самого производства (на средства производства и рабочую силу), так и для обращения товаров, принявшего громадные размеры, ибо, несмотря на огромное количество оборотов, которое совершает монета, сумма товарных сделок так огромна (следовательно и сумма товарных цен), что требует колоссальных (по сравнению с прошлыми эпохами) количеств денег. Кроме того, стремление к сбережению денег и их накоплению уменьшает количество денег, пускаемых в обращение. Правда, в случае устанавливающегося спроса на деньги как орудия обращения, часть сокровища переходит в сферу обращения, но все же некоторая доля сокровища всегда остается: это вызывается потребностями производства. Развитие капиталистического общества вызывало поэтому постоянную необходимость расширения производства денег. Небывалый привоз золота (на заре развития капитализма) из новооткрытых стран (главным образом из Америки) не разрешал в достаточной мере вопроса: стоимость денег (вследствие более легких способов добывания золота) понижалась, а вместе с этим понижалась покупательная способность денег. Одни благородные металлы уже не удовлетворяли возрастающего спроса на деньги, и это вызвало применение неметаллических денег (о чем речь будет ниже в § 57 и сл.).

Для покрытия своих расходов или для уплаты своих долгов правители прибегали к выпуску неполноценных денег, т.-е. монет, имеющих меньшую стоимость, чем на них обозначено. Однако это приводило к великим экономическим потрясениям, финансовым крахам и даже кровавым столкновениям.

Московские цари тоже прибегали к этой мере. При Алексее Михайловиче выпуск фальшивых «ефимков» (замена серебра медью) вызвал вздорожание всех товаров и народные волнения, которые были подавлены с обычной свирепостью.

В чем причина как того, что неполноценные деньги (стертые и, как мы ниже увидим, бумажные) могут иметь хождение, так и того, что выпуск (повидимому, неумеренный) таких денег вызывает потрясения?

Причина—в тех требованиях, которые предъявляет товарное обращение. Если в обращении имеется металлических денег меньше, чем этого требует обращение товаров, то и неполноценные деньги могут иметь хождение. Если неполноценные монеты выпускаются в этих пределах, они являются заместителями или представителями одноименных полноценных денег,—остается уверенность, что взамен неполноценных можно всегда получить полноценные деньги. Но как только выпуск неполноценных денег выходит за эти пределы, они начинают представлять только свою стоимость, которая фактически *ниже* стоимости одноименных полноценных денег. Происходит вздорожание всех товаров, полноценные монеты или уходят из каналов обращения, т.-е. прячутся в кубышки, изъеются из обращения, или же обмениваются не монета на монету, а с приплатой со стороны владельца неполноценной монеты некоторой суммы денег (*лаж*).

§ 57. Банкноты и эмиссионные банки. Спрос на орудия обращения, не удовлетворяемый в достаточной мере металлическими деньгами, вызвал применение (наряду с металлическими деньгами) так называемых банкнот или *банковых билетов*. Это—выпускаемые банком билеты с обозначением на них определенной суммы, которую банк должен выплатить при первом требовании. Суммы банков составляют из вкладов, которые могут быть затребованы вкладчиками, но на практике некоторая часть этих сумм остается неприкосновенной, т.-е. не затребованной вкладчиками (подробнее об этом см. ниже § 126); если все билеты, выпущенные банком, не превышают имеющейся у него неприкосновенной суммы, он имеет возможность всегда разменять их или превратить в деньги. Банкноты функционируют как *кредитные* деньги, т.-е. основанные на доверии «публики» к платежеспособности банка, к его способности превратить в любой момент банкноты в деньги. «Если эта превратимость сомнительна, то в качестве замены платежных средств они утрачивают всякую ценность» ¹⁾. Банкноты поэтому называются еще *разменными бумажными деньгами*. Они обращаются как деньги и уменьшают потребность в металлических деньгах.

¹⁾ Гильфердинг, «Финансовый капитал», изд. Госиздата, Москва 1922, стр. 48.

Операция выпуска банкнот называется *эмиссионной* (эмиссия значит выпуск), а банки, совершающие эту операцию, — *эмиссионными банками*.

Эмиссионные банки находятся в руках государства или (если они частные) под контролем государства, которое вводит деятельность банков в строго определенные рамки. Оно, предоставляя монополию эмиссии только некоторым банкам, ограничивает выпуск ими банкнот количеством, не превышающим потребности в денежных знаках, — потребности обращения товаров, ибо всякий избыток денежных знаков вызвал бы (и вызывает) такое явление: из каналов обращения стали бы «утекать» металлические деньги, золото. «Лишние» деньги каждый старался бы запасти, припрятать (обратить в сокровище) в виде золотых монет, это вызвало бы усиленные требования размена банкнот на золото, что может вызвать затруднения и даже крах банка.

§ 58. Системы покрытия. Банкноты имеют стоимость той цифры, которая на них начертана, лишь постольку, поскольку они являются обязательством об уплате (в форме размена одноименной суммы золота, т.-е. реального товара). Однако пока, как мы видели, их общее количество отвечает требованиям нормального обращения товаров, они беспрепятственно обращаются, если даже в их обеспечение имеется несколько меньшая сумма золотых денег, чем сумма выпуска. В этом случае говорят, что такая-то доля находящихся в обращении банкнот *покрыта* золотой наличностью.

Системы покрытия, т.-е. правильное соотношение между металлическим запасом и количеством выпускаемых банкнот, в разных странах различны. В банковом законодательстве главнейших капиталистических стран практиковались три основные системы покрытия:

1) *Английская* (установлена в 1844 г. актом Роберта Пия). Определенная сумма билетов не покрывается золотом; все, что выпущено свыше этой суммы, должно быть обеспечено золотом. В России действовала *эта* система: государственный банк имел право выпускать кредитных билетов на 600 милл. р. с золотым обеспечением в 300 милл. р. Все, что выпускалось свыше 600 милл. р., должно было быть целиком покрыто золотом.

2) *Континентальная система* (действовавшая до войны в Австро-Венгрии, Германии). Золотом покрывается известная доля общей суммы банкнот (т.-е. между металлическим запасом и общей суммой устанавливается пропорция).

3) *Северо-американская система*. Сумма выпускаемых билетов обеспечивается процентными бумагами; сверх того банк обязан иметь в наличности 15—25% суммы вкладов.

§ 59. Курс банкнот. Цена банкнот, т.-е. количество металлических денег, уплачиваемое за них, может — в зависимости от спроса

и предложения—колебаться. *Цена банкнот, выраженная в металле, называется их курсом.* Если, например, говорят, что курс таких-то банкнот 99,5, то это значит, что на рынке уплачивают за 100 р. банкнот 99,5 р. золотыми деньгами. Внутри страны курс банкнот не подвергается колебаниям, так как они всегда могут быть разменены на металлические деньги в тех банках, которым предоставлено право эмиссии. Но на заграничных рынках колебания могут быть (в весьма ограниченных размерах, см. § 60): как только сумма обязательств одной страны (векселей, банкнот) окажется больше суммы обязательств, выданных ей другими странами, цена ее банкнот (курс) неизбежно потерпит понижение (предложение выше спроса). Обратное явление (т.-е. повышение курса) наблюдается, когда сумма обязательств данной страны меньше обязательств, выданных ей другими странами.

§ 60. Пределы колебания курса банкнот. Так как банкноты всегда могут быть разменены на золото в тех банках, которые их выпускают, то падение их курса за границы не может идти дальше того, что стоит пересылка (со страховкой и упаковкой) золотых денег заграничным держателям банкнот. Если пересылка 100 золотых рублей из Петербурга в Берлин стоила 81 к. (т.-е. 0,81%), то ясно, что берлинские держатели русских банкнот не продавали их ниже 99,19% той суммы, которая на них обозначена. Предел падения курса тут будет 0,81%. Это же и будет пределом повышения курса: никто не согласился бы уплатить за русские банкноты больше 100,81%, если он может в любой момент получить их за такую сумму из России. Таким образом колебания курса банкнот от максимального понижения до максимального повышения выражаются в двойной стоимости пересылки их золотого покрытия.

§ 61. Бумажные деньги. В узком смысле слова бумажными деньгами называются бумажные деньги с принудительным курсом, т.-е. не разменивающиеся на золото. Бумажные деньги в тесном смысле слова нужно отличить от бумажных кредитных денег. Банкноты—высшее проявление кредиток.

§ 62. Бумажные деньги и кредитные деньги. Банкноты (и многие иные виды бумажных обязательств), заменяя металлические деньги, являются кредитными деньгами: они являются обещанием выплаты (в любой момент или в определенные сроки) настоящих, т.-е. золотых денег. В тот момент, когда бумажным деньгам сообщается принудительный курс, и когда они перестают размениваться на золото, мы уже имеем дело с бумажными деньгами в тесном смысле слова. Выпуск банкнот, как мы видели, диктуется требованиями товарного обращения, т.-е. в конечном итоге требованиями производства (так как только при массовом производстве товаров возникает масса меновых сделок);

выпуск же неразменных бумажных денег диктуется интересами самой государственной казны. В особенно трудные моменты для государства (война, революция и т. д.), когда оно испытывает особенно острую нужду в деньгах (не удовлетворяемую налоговыми поступлениями), оно начинает выпускать чрезмерное количество «кредиток», которыми оплачивает казенные заказы, государственную службу и т. д. Вследствие возрастающего спроса на размен государство вынуждается его прекратить. Разменные кредитные деньги могут потерять обесценение лишь «вследствие осечки в размене» ¹⁾, подрывающей доверие к выпускающим их учреждениям; это, однако, очень редко бывает, а с банкнотами—почти никогда. Неразменные бумажные деньги, наоборот, претерпевают, по мере роста их выпуска, непрерывное и притом все возрастающее обесценение. Золото начинает исчезать из каналов обращения, уходя в сокровище или за границу для уплаты за купленные там товары (так как там берут только золото или то, что может быть в любой момент разменено на золото). В обращении остаются только бумажные деньги, количество которых при росте выпуска превышает потребности обращения, что вызывает их обесценение и вздорожание всех товаров.

§ 63. Курс бумажных денег и лаж. Если курс банкнот фактически никогда (внутри страны) не изменяется или (за границей) изменяется в весьма тесных пределах (см. выше § 60), то курс неразменных бумажных денег непрерывно падает. За металлическую денежную единицу уплачивается все больше и больше бумажных денежных единиц. Цена бумажных денег в золоте делается все ниже и ниже. На металл, как говорят, устанавливается *лаж*, который есть выраженная в процентах *разница между цифрой, обозначенной на бумажном билете, и его золотой ценой*.

§ 64. Бумажно-денежное обращение в России. Оно началось в начале XIX века. Усиленные выпуски во время отечественной войны (1812 г.) и после привели к сильному падению и неустойчивости курса ассигнаций. С прекращением новых выпусков более или менее прочно установился курс в 27 к. серебром за бумажный рубль. В период с 1839 по 1843 г. рядом законодательных мер серебряный рубль был приравнен к 3 р. 50 к. ассигнациями. Последние разменивались на банкноты («кредитные билеты»), которые в свою очередь беспрепятственно разменивались на золото. Крымская война 1850-х годов вызвала усиленные выпуски бумажных денег и прекращение размена банкнот, что надолго обусловило колебание и падение курса (в 1880-х годах он равнялся 50 к.). В 90-х годах курс установился около

¹⁾ Гильфердинг, «Финансовый капитал», Госиздат, 1922, стр. 49.

$\frac{2}{3}$ номинальной ¹⁾ стоимости. Тогда бумажный рубль был приравнен к золотому, но на $\frac{1}{3}$ меньшего веса. Фактически новый золотой рубль по весу содержал $66\frac{2}{3}$ золотых копеек, но вследствие гарантированного обмена на золото бумажный рубль сделался устойчивым. Во время империалистической войны 1914 г. в России (как и во всех воюющих странах) размен на золото был прекращен, а выпуски бумажных денег достигли небывалых размеров и привели к безостановочному росту дороговизны. О бумажно-денежном обращении во время диктатуры пролетариата см. ниже § 66.

§ 65. Девальвация, извлечение излишних бумажных денег путем займов, экономические меры к увеличению спроса на деньги. В целях устранения обесценения рубля государством принимаются меры. Главные из них:

1) *Девальвация*—понижение номинальной стоимости бумажных денег до уничтожения лажа. Приведенные в § 64 факты из истории бумажно-денежного обращения в России дают примеры девальвации (3 р. 50 к. бумажных приравнены 1 р. серебром и т. д.).

2) *Займы*. Государство берет в займы под проценты золотые деньги, что дает ему возможность установить размен бумажных денег на золото. Количество бумажных денег в обращении уменьшается, что повышает их курс. Это дорогое средство: государству приходится платить проценты.

3) *Общие экономические меры к развитию промышленности*. Увеличивается производство товаров, увеличивается товарное обращение, увеличивается потребность в денежных знаках как орудиях обращения,—повышается и курс бумажных денег.

§ 66. Бумажно-денежное обращение в эпоху диктатуры пролетариата. Пролетарская революция в России передала в руки пролетариата власть, которой он пользуется для построения коммунистического общества ²⁾, в котором деньги не нужны будут. Но в тот период времени, когда коммунизм еще не построен, когда страна пролетарской власти еще окружена капиталистическими странами, когда внутри страны еще не изжиты окончательно старые отношения—в этот период «денежный вопрос» еще существует, хотя он решается не так, как в капиталистическом мире.

Первой задачей пролетарской революции было сокрушение буржуазии и уничтожение возможности ее сопротивления. Удар

¹⁾ Номинальный (от латинского *номен*—название) в противоположность фактическому—то, что существует по названию, имени, а не по факту.

²⁾ Подробнее об экономической сущности коммунистического общества мы будем говорить ниже в § 151. Сейчас мы останавливаемся на коммунистическом обществе постольку, поскольку это нужно для уяснения роли денег в эпоху диктатуры пролетариата,—эпоху перехода к коммунизму. В коммунистической структуре общества продукты производятся не как товары (они имеют лишь потре-

должен был быть нанесен ее хозяйственному могуществу. И рядом с национализацией промышленности была уничтожена свободная торговля и национализированы частные банки, конфискованы находящиеся в них драгоценности и т. д. С уничтожением вольного рынка государство добывало продукты, необходимые для революционной армии, трудящихся и пенсионеров (детей, стариков, инвалидов), не путем купли, а путем присвоения всех излишков производства всех хозяйств и распределения их между трудящимися сообразно запасам и потребностям. Однако овладение производством и распределением не пошло так далеко, чтобы можно было совершенно уничтожить денежную систему: часть продуктов ускользала от учета и распределения, а часть и не подлежала распределению (так наз. «ненормированные продукты»). Для извлечения и этих продуктов из аппарата частной торговли (насколько она еще сохранилась) государство выпускало бумажные деньги. Вначале, 26 декабря 1918 г., эмиссия была установлена в 33,5 миллиардов, но 15 мая 1919 г. В.Ц.И.К. устанавливает для эмиссии единственный предел—«действительную потребность народного хозяйства». Усиленные выпуски вызывали обесценение денег и все возрастающую дороговизну. В период, предшествовавший новой экономической политике, это не внушало тревоги: трудящиеся получали почти все необходимые продукты натурой (в виде пайков, которых выдавалось около 36 миллионов, и бесплатных общественных услуг).

Переход к новой экономической политике, заключающейся главным образом в том, что государство, оставаясь владельцем главнейших средств производства и организатором крупной промышленности, оставляя мелким производителям их излишки, работает на рынок (переходит в лице своих предприятий на хозяйственный расчет). Раз и мелкие производители могут продавать свои излишки, а государственные предприятия—свои произведения, то возникает рынок и надобность орудий обращения. Возникают задачи нормального товарного обращения и правильной финансовой политики. Финансовая политика пролетарского государства преследует иные цели, чем политика буржуазного государства: она стремится укрепить положение государства-производителя, а не класса капиталистов, и укреплением крупной государственной промышленности сделать возможным окончательный переход к коммунистическому хозяйству.

бительную стоимость, а не меновую), и распределение совершается не путем обмена; и производством, и распределением управляет общественная хозяйственная воля, а не стихия конкуренции и обмена. В коммунистическом обществе, следовательно, деньги теряют смысл. Как орудие обращения они не нужны, как мерило стоимости они не отвечают назначению (техническая статистика трудовых процессов это «измерит» с большим успехом); не нужны они будут и как средство сохранения стоимости: общество будет, конечно, делать запасы (без этого немисливо безмятежное существование), но это будут запасы всяких полезных и нужных на завтрашний день вещей («потребительной стоимости»); не будет «кредита», и деньги не нужны будут и как платежное средство.

До сих пор главным источником государственных доходов была эмиссия. Как непрерывно она росла, показывают следующие цифры: накануне войны у нас в обращении было около $2\frac{1}{2}$ миллиардов рублей, в 1915 г.—4 миллиарда, в 1916 г.—9, в 1917 г.—27, в 1918 г.—60, в 1919 г.—220, в 1920 г.—1100, в 1921 г.—17.000, в 1922 г.—2.138.000. Это приводило к полному обесценению денег, приостановить которое мог бы только нормальный бюджет (смета государственных доходов и расходов), т.-е., когда расходы государства будут покрываться его доходами. Перед государством становится задача: с одной стороны—сократить по возможности свои расходы, а с другой—увеличить доходы. Так как доходы с государственных предприятий в ближайшем будущем не могут дать государству значительных средств (государственная промышленность пока еще нуждается в подкреплении ее средствами государством), то наиболее значительным источником государственных доходов являются налоги. Налоговая политика советской власти заключается в перенесении налогового бремени на имущие слои населения. Пока, однако, советское государство вынуждено брать налоги и с крестьянства. Это—мера временная: как только государственная промышленность начнет давать доход, как только государственный налоговый аппарат настолько наладится, что от него не смогут ускользнуть состоятельные слои населения, налоговое бремя трудового населения будет сильно сокращено. Уже и теперь все, что можно сделать в смысле облегчения налогового бремени, делается. Одной из таких мер является сильное сокращение расходного бюджета: в 1922 г. сумма всех расходов равнялась 850 миллионов золотых рублей, т.-е. в 3 раза меньше царских расходов. Однако, и этот бюджет обременителен, так как общий доход России сократился почти в 4 раза (вместо 15 миллиардов—4). Для восстановления хозяйства (что больше всего способствовало бы финансовому оздоровлению) необходимо правильное распределение денежных средств между хозяйственными предприятиями—в интересах производства. Это выдвигает вопрос о кредите. Восстановлен государственный банк, задачей которого является способствование развитию промышленности и торговли путем выдачи ссуд государственным, кооперативным и частным предприятиям для укрепления их оборота. Большое значение получил выпуск банкнот (червонцев)—ценных бумаг, обеспеченных золотом, векселями и устойчивыми деньгами (долларами). Это помогает налажению кредитных операций, так как банк при этом не теряет на своих кредитных операциях: если падает рубль, то соответственно дорожают банкноты. Однако, кредит, который может оказывать государственный банк (вместе с другими банками), недостаточно велик. Для восстановления промышленности нужен более значительный кредит, который может производиться в виде проведения краткосрочных и долгосрочных внутренних и внешних займов. Государство пока провело и проводит некоторые внутренние займы.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

ГЕНЕЗИС — ЗАРОЖДЕНИЕ (ПРОИСХОЖДЕНИЕ) КАПИТАЛИЗМА.

§ 67. Капитализм — стадия развития хозяйственных форм. Капиталистическое хозяйство, являющееся товарным хозяйством, зиждущимся на наемном труде и владении классом капиталистов средствами производства, сложилось не сразу и еще и теперь не везде окончательно оформилось. Имеются еще страны и отдельные области хозяйства, в которых в значительной степени сохранились формы докапиталистического хозяйства. С другой стороны, уже в недрах капиталистического общества зарождаются такие силы, которые разрушают капиталистическое общество и предуготовляют путь новым формам—формам коммунистического общества и хозяйства. Тем не менее современное хозяйство во всех странах, кроме России ¹⁾, может быть названо именно *капиталистическим*, поскольку речь идет о *преобладающих* формах хозяйства, о такой системе хозяйства, которая вовлекла в водоворот капиталистических отношений и вождений *все* страны, как достигшие высшего капиталистического развития, так и не достигшие его. Не надо забывать при этом, что капитализм не есть (как это думали и утверждают буржуазные экономисты) «законченная и отвечающая вечным законам и требованиям разума» форма, а является *одной* из стадий развития хозяйственных форм. Общество прошло много ступеней раньше, чем подняться на эту ступень, и покинет ее (уже покидает), чтобы подняться на следующую ступень. Капитализм воспринял из прошлого не мало корней и отдаст не мало достижений будущему обществу. О последнем мы будем говорить в конце книги (§ 155), о первом (корнях капитализма в предшествующем общественном строе) мы будем говорить в следующих параграфах.

§ 68. Ремесленное производство. Ремесло в техническом отношении есть форма производства с преобладанием ручного труда

¹⁾ Россия—первая страна, где пролетариат, захватив власть, уже осуществляет переход от капитализма к коммунизму. Другие страны находятся в состоянии неустойчивого капиталистического равновесия, таящего близко осуществимые возможности взрывов и социальных катаклизмов (переворотов).

(даже название—«ремесло» происходит от слова «рукомесло»—ручной труд). Ремесленники были и в родовой общине, и в среде домашних рабов в период рабовладельческих систем, и среди дворни помещиков. Но нас—с экономической точки зрения—интересует *самостоятельное ремесленное производство* (так называемое свободное ремесло), являющееся одной из зародышевых форм капитализма. Свободное ремесло (остатки которого мы наблюдаем еще и теперь во многих странах) зародилось в недрах феодального общества—в средневековом городе, сделавшемся средоточием ремесла и торговли (см. ниже §§ 69—72). Ремесленник обособляется от земледелия и освобождается от феодальной зависимости. Он становится самостоятельным производителем, работающим раньше на заказчика (из материала последнего), а потом и из своего материала для продажи продуктов своего труда. Он делается таким образом *товаропроизводителем*, владеющим своими орудиями труда (в первом случае) и средствами производства (во втором). Но это пока *простое товарное производство*. У ремесленника-мастера были ученики-подмастерья, которые на него работали, но ремесленник все же не был еще капиталистом:

1) ученики-подмастерья современем сами делались мастерами, они составляли скорее возрастную группу, чем классовую группу наемных рабочих; 2) их было так немного, что их совокупного прибавочного труда не хватало на то, чтобы прокормить мастера, и он сам должен был работать вместе с ними; 3) цеховые организации, строго ограничивавшие число учеников и подмастерьев, делали невозможным *рост общего количества прибавочной стоимости* (а это последнее составляет душу капиталистического производства). Но уже в этой стадии развития ремесло дает один из зародышей будущего капиталистического общества—форму менового товарного хозяйства. Ремесленник *продает* свои изделия и *покупает* сырье и предметы питания—продукты сельского хозяйства (которые, благодаря этому, превращаются в товары). Свободное ремесло способствует таким образом созданию рынка. С дальнейшим развитием ремесла противоречия между мастерами и подмастерьями обостряются: современем цехи делаются организациями только мастеров-хозяев, и доступ туда подмастерьям раньше затрудняется рядом повышенных технических требований, а потом почти совсем преграждается. В среде самих мастеров наблюдаются тенденции к конкуренции, о чем свидетельствует ряд цеховых постановлений, направленных к прекращению конкуренции. Однако не мастер-ремесленник сделался родоначальником капиталистического производства, а торговый капиталист.

§ 69. Торговый капитал. Как капитал вообще, он представляет «самовозрастающую стоимость». Но сам собою (или, как говорят,

автоматически) не может возрасти; прибавленная к нему стоимость (которая есть продукт чьего-то труда) должна быть откуда-нибудь взята. . . Рост всякого капитала есть непрерывное присоединение к нему прибавочной стоимости. Как выкачивается прибавочная стоимость в товарном производстве, мы видели выше (см. §§ 31—35), но как это происходит с торговым капиталом?

Всякая торговая операция представляет из себя превращение денег (Д) в товар (Т), который в свою очередь превращается в большую сумму денег (D_1). Ее можно изобразить так: $D \rightarrow T \rightarrow D_1$.

Если мы разницу между D_1 и Д обозначим через d , то формулу можно изобразить так: $D \rightarrow T \rightarrow D + d$.

Откуда берется это d ? Если бы эта разница оплачивала перевозку и труд торговца, то возрастание торгового капитала не могло бы быть, ибо часть этой разницы, оплачивающая доставку, должна быть отнесена к стоимости товара, а другая часть—к стоимости рабочей силы торговца, которая тоже должна быть отнесена к стоимости товара (трудовой процесс по производству товара только тогда может считаться законченным, когда товар доставлен потребителю). Следовательно, возрастание торгового капитала объясняется чем-то другим и вот чем,—тем, что торговец оплачивает не весь труд производителя, а только часть его. Неоплаченная часть труда и есть прибавочный труд, который производитель отдает торговцу, который создает для него прибавочную стоимость.

Вкладывая в следующую операцию возросший капитал (D_1), он, торговый капиталист, покупает на него большую партию товара (T_1), которую он превращает в еще большую сумму денег (D_2). Получится:

$D_1 \rightarrow T_1 \rightarrow D_2$ или $D_1 \rightarrow T_1 \rightarrow D_1 + d_1$, где d_1 больше d (так как в новой торговой операции участвовал больший капитал, чем в первой). При нормальных условиях и безостановочном повторении торговых операций, торговый капитал таким образом непрерывно и прогрессивно растет за счет труда производителя.

В современном капиталистическом обществе торговый капиталист берет долю прибавочной стоимости, достоящейся промышленному капиталисту (а в высшей фазе развития торговый капитал сливается, сращивается, с промышленным в финансовый капитал (см. ниже § 134). Но торговый капитал исторически возник раньше промышленного. Уже в XI—XII столетиях в средневековом городе рядом с ремесленником (а иной раз и раньше его) начинает вырастать фигура торговца-купца. В торговых городах, близких к тогдашним великим географическим путям, купеческие гильдии (недостаточно влиятельные в *ремесленных* городах) получают преобладание. Освободившись от феодальной зависимости и завладев аппаратом торговли, торговые капиталисты (в особенности после крестовых походов, открыв-

ших перед ними новые заморские рынки) сделались крупнейшей силой в феодальном обществе, силой, развивавшейся за счет труда ремесленника и крепостного крестьянина (единственных производителей ценностей в феодальном обществе),—силой, способствовавшей разложению феодально-натурального хозяйства и зарождению капиталистического.

§ 70. Торговый капитал и ремесло. Рост торгового капитала, как видели мы выше (см. § 69), производится за счет неоплаченного труда ремесленника и крестьянина. Современного наемного рабочего заставляет отдать капиталисту прибавочную стоимость то обстоятельство, что средства производства находятся в руках капиталиста; что крепостного крестьянина заставляет отдавать свой прибавочный труд торговцу его феодальная зависимость,—мы увидим ниже (§ 71). Но что к этому понуждало (и часто понуждает и теперь) самостоятельного производителя-ремесленника, владельца своих средств производства и даже наемной рабочей силы?

Его к этому понуждало его положение *мелкого* товаропроизводителя, являющегося рабом и игрищем рынка. Мелкий производитель (занятый сам в своем производстве) не может собственными силами сбыть свой товар на далекий и неопределенный рынок, а не сбывши немедленно свой товар, он не может продолжать свое производство, так как у него запасных капиталов нет. Это ставит его в зависимость от купца-сбытчика, всегда хорошо знающего конъюнктуры (действительные условия) рынка и располагающего всегда свободными деньгами, которыми он немедленно расплачивается. В этом двустороннем акте Д—Т (Деньги—Товар) владелец денег (купец) в более благоприятных условиях, чем владелец товара (ремесленник), и ремесленник продает по той цене, которую предлагает торговец. В своей роли эксплуататора купец пока выступает в качестве *посредника* между производителем и рынком. Но он часто выступает и в качестве эксплуататора-ростовщика: в трудные минуты (а такие минуты для мелкого и потому мало-устойчивого предприятия—явление обычное) он ссужает мелкого производителя-ремесленника известной суммой денег (Д), а через некоторое время ремесленник возвращает ему большую сумму (Д₁), т.-е. взятую сумму Д с подбавкой д (Д₁ = Д + д). Откуда берется это д? Из новой стоимости, созданной трудом ремесленника (и его подмастерьев и учеников).

Пока купец довольствовался тем товаром, который производил самостоятельный ремесленник, эксплуатация ремесла не переходила за те рамки, за которыми неминуемо полное разорение мелкого предприятия: купцу не было расчета подорвать то хозяйство, которое изготовляло нужный для торговых оборотов товар. Но торговый капитал, как мы видели, растет только при непрерывном повторении

в расширении торговых операций, а для этого нужно все больше и больше товаров,—нужно, чтобы *производство* товаров все расширялось. Ремесло не удовлетворяет этого требования, и торговый капитал начинает стремиться к овладению самим производством. Это стремление на первых порах осуществляется тем, что скупщик, пользуясь своей материальной силой, вмешивается во внутренние дела отдельных хозяйств: определяет и количество и качество изготавливаемых там товаров. Он формально-самостоятельные хозяйства *фактически* объединяет под своей властью. Это уже крупное производство для рынка.

Отсюда один шаг к полному лишению ремесленных хозяйств самостоятельности. Часто скупщик, оперировавший на рынке в массовом масштабе, закупал сырье по более дешовым ценам и снабжал им ремесленные хозяйства, находившиеся в его сфере влияния—раньше продавал ремесленнику по более высокой цене, а после—давал с условием уступки ему продукта, изготовленного из этого сырья, по заранее установленной цене. В последнем случае мы уже имеем дело с *крупным капиталистическим домашним производством* (см. выше § 44). От самостоятельности ремесла тут уже остается только ответственность ремесленника на жалкие орудия труда. Бывало, однако, и так, что скупщик давал ремесленнику деньги и на орудия труда; самостоятельность ремесленника совершенно исчезала.

История ремесла в Европе богата фактами острой борьбы между мастерами-хозяевами и подмастерьями. Мастера пользовались силой своих цеховых организаций, куда подмастерьям преграждался доступ; в целях усиления эксплуатации подмастерьев. Последние образовали *свои* союзы (часто тайные—вследствие преследования их законодательством, на которое цехи имели влияние). На-ряду с организацией взаимопомощи союзы подмастерьев преследовали цели борьбы за сокращение рабочего дня и повышение заработной платы. Меры борьбы были часто такими же, какие мы знаем теперь—стачки и бойкот ¹⁾. Но тем не менее не из этих двух групп образовались современные классы-антиподы: буржуазия и пролетариат. И современная борьба рабочего класса не берет своего начала от борьбы подмастерьев. Объясняется это тем, что обе группы, и ремесленники и подмастерья, находи-

¹⁾ Бойкот—способ борьбы с предпринимателем, заключающийся в том, что рабочие прекращают с ним сношения; не нанимаются к нему на работу. К такой мере прибегли ирландские крестьяне по отношению к некоему капитану Бойкоту, отличавшемуся тем, что свирепо эксплуатировал крестьян, мелких арендаторов (в Ирландии земля принадлежит крупным помещикам, лэндлордам, и они пользуются этим в целях невероятной эксплуатации крестьян, мелких арендаторов). Отсюда и пошло название этой меры.

лись фактически под давлением *одной* силы—развивающегося торгового капитала. Хотя в отдельных случаях мастера, выполнявшие в своих мастерских последнюю операцию по изготовлению рыночного продукта, брали на себя и роль скупщиков-сбытчиков, но тогда они выступали в качестве торговых капиталистов, а не ремесленников. Вообще же мастера не только не превращались в капиталистический класс, но лишались последних остатков самостоятельности. Для подмастерьев мелкое хозяйство, в котором они работали, было ширмой, заслонявшей от них эксплуатацию капитала. Это сулило поражение их часто героической борьбе (хотя в отдельных случаях она имела успех). С другой стороны, полный неуспех увенчал длительную борьбу цехов против конкуренции и разлагающего влияния торгового капитала на самостоятельное ремесло: торговый капитал, в силу вышеописанных обстоятельств, оказался сильнее цехов (внутри которых он к тому имел своих споспешников в лице тех мастеров, которые сами делались скупщиками). Торговый капитал отчасти смёл многие цеховые стеснения, отчасти великолепно умел обходить их (так, например, систему домашней промышленности он применял в деревне, на которую не распространялись цеховые ограничения; мануфактуры он учреждал за чертой города и т. д.).

В области ремесла капиталистическая домашняя промышленность является последней гранью *торгово-капиталистического хозяйства*. За этой гранью идут мануфактуры (см. выше § 33)—превращение торгового капитала в промышленный.

§ 71. Торговый капитал и феодалы. Одно ремесленное производство не могло дать торговому капиталу достаточно товаров для его все расширяющихся операций. Значительную массу продуктов-товаров могло ему дать сельскохозяйственное производство, которое являлось преобладающим в феодальном обществе. Но сельскохозяйственное производство было в руках феодалов и оставалось натуральным до вторжения торгового капитала в сферу феодальных отношений. Торговый капитал встречается, таким образом, на пути своего победного шествия с властью феодалов. Раньше всего торговый капитал борется за свое освобождение от феодальной зависимости. Отчасти путем откупа, отчасти участием в борьбе городов против феодальных сеньоров (в которой передовой группой выступает класс торговцев), торговцы добились своего освобождения, но, завершив свое освобождение, торговый капитал и не помышлял о всеобщем освобождении: необходимые ему продукты-товары он великолепно выколачивал из труда крепостных крестьян через посредство феодальной власти. Он даже вызвал окончательное прикрепление крестьян и свирепую их эксплуатацию: если раньше, при натуральном хозяйстве, феодал

довольствовался тем, что он и его челядь могут потребить, то теперь при меновом хозяйстве феодал может все продать, обменять на деньги при посредстве торговца. Феодал начинает с того, что расширяет размеры собственного хозяйства за счет крестьянской земли и общественных угодий. Он дальше, пользуясь своим влиянием на законодательство, прикрепляет окончательно крестьян к земле: иначе они, вследствие созданной феодалом крестьянской земельной тесноты, уходят с его земли, и он лишается даровой рабочей силы. Затем он сильнее нажимает пресс эксплуатации (удлинение барщины и увеличение оброка) с целью выкачивания из крестьянского труда наибольшего количества продуктов, которые можно продать. Этот союз в эксплуатации подневольных крестьян не мог, однако, устранить борьбу между нарождающимся и все усиливающимся классом торговцев, с одной стороны, и экономически вырождающимся феодальным владычеством — с другой. В то время, как торговый класс все расширял свои операции и овладевал производством, феодалы вели нескончаемые войны друг с другом и проматывали деньги, выжатые из крестьянского труда (деньги эти попадали опять-таки в карманы торговцев). А между тем в эти деньги они превращали все: и продукты, полученные путем барщины, и оброк, который из натурального они превращают в денежный. В своей погоне за деньгами (и наслаждениями, покупаемыми за деньги) они попадали в лапы ростовщиков и окончательно запутывались. Но борьба против менового общества не увенчалась успехом: она встретила могучий отпор со стороны наиболее крупных сюзеренов, предпринявших объединение разрозненных феодальных частей при материальной поддержке торгового капитала. Таможни, заставы, междоусобицы, нападения вооруженных феодальных дружин на торговые караваны и т. д., — все это побуждало торговых капиталистов поддерживать всякое стремление к объединяющей самодержавной власти. Торговый капитал и породил самодержавие, сломившее феодалов и превратившее многих из них в помещиков и чиновников.

§ 72. Торговый капитал и крепостное крестьянство. Торговый капитал, как мы видим, способствовал закреплению крестьянства и усилению гнета эксплуатации. Но торговый капитализм выжимал товар из крестьянского хозяйства не только при помощи феодальной власти, но и путем собственного проникновения в деревню. Перевод крестьян на денежный оброк заставлял их продавать свои продукты непосредственно торговцу; в сферу прежнего натурального крестьянского хозяйства вносилось денежное обращение, толкавшее крестьян в руки торгового капитала (продукты крестьянского труда систематически покупались ниже своей стоимости). Эта двой-

ная тяжесть (феодалных поборов и торговой прибыли) приводит к разорению крестьянства и к целому ряду крестьянских восстаний, потрясавших феодальную Европу несколько столетий. Ослабленное крестьянское хозяйство окончательно подпадало под иго торгового капитала, когда последний распространял свое влияние на самое производство. Выше мы видели, к чему это привело самостоятельное ремесленное производство. Но там торговый капитал долго встречал отпор со стороны цеховых организаций; в крепостной же деревне он не встречал никакого отпора. Скупщик совершенно фактически порабощал деревенского ремесленника-кустаря, заставляя его и семью его работать до полного вырождения. Такая же судьба постигала земледельческие хозяйства с подсобными промыслами и вообще всякое крестьянское хозяйство, из которого торговый капитал мог что-нибудь выжать... Впоследствии разоренное крестьянство дает из своей среды ту массовую рабочую силу, которая понадобилась торговому капиталу, когда он превратился в промышленный и принялся за массовое производство товаров (см. ниже § 74).

§ 73. Первоначальное накопление. Из вышесказанного мы убедились, что торговый капитал во всех областях стремился овладеть и в конечном счете овладел производством. Но для овладения производством нужно было овладеть колоссальными средствами производства и рабочей силой, создающей прибавочную стоимость,—нужно было иметь для этого достаточно крупный капитал еще до крупного капиталистического производства. Адам Смит называет этот предварительный капитал *первоначальным накоплением*.

Откуда он взялся, этот капитал? Буржуазные экономисты отвечают: путем прямого сбережения, бережливые, мол, производители накопили и «вышли в люди». Что это утверждение вздор,—об этом говорит и логика, и факты: как бы ни был бережлив мелкий производитель (а только мелкий производитель создавал стоимости собственным трудом), он не то что не скопит, но не выработает даже и тысячной доли того, что нужно для создания крупного капиталистического производства. Факты, которые мы уже знаем, говорят, что первоначальное накопление произошло путем *эксплоатации* и полного разорения *ремесла* (см. выше § 70), *ограбления крестьянства* (см. § 72), выкачки разными способами денег из карманов феодалов в карманы торговых капиталистов (см. § 71). Всего этого было мало для торгового капитала, и он обратился к более быстрым способам накопления—ограблению вновь открытых стран Америки, Азии и Африки (а впоследствии и Австралии).

Погоня торгового капитала за новыми рынками вызвала ряд географических открытий (Аmericи, берегов Африки, океанских

путей в Ост-Индию и Китай). В Европе немедленно образовались торговые компании, которые специализировались на *ограблении народов вновь открытых стран*. Пользуясь предоставленными им правительствами торговой монополией и политической властью, техническим превосходством вооружения (огнестрельным оружием), они вывозили из этих стран их богатства, отнимая у туземцев все, что представлялось ценным торговому капиталу. Торговля носила характер прямого грабежа: туземцам платили такие цены, какие заблагорассудится. Капитал, вкладывавшийся в разные операции, быстро удваивался и даже утраивался, так как барыши выражались в огромных процентах (у Голландской Ост-Индской компании до 160%, у английской—до 340%). В целях уничтожения конкуренции или поднятия в Европе цен на привозные товары в колониях истреблялись (сжигались) природные богатства на огромных пространствах (мускатный орех, богатейшие сады гвоздики, корица и т. д.). Для поднятия цен в колониях на местные продукты, эти продукты скупались раньше за бесценок и, по сговору, продавались по произвольно-высоким ценам (в Индии в 1769—1770 г.г. был вызван ужасающий голод скупкой риса, который потом продавался по баснословным ценам).

Для первоначального накопления огромную роль сыграло *открытие в Америке богатых залежей драгоценных металлов*, которые выкачивались в Европу с еще большей бесцеремонностью и свирепостью, чем все остальное.

Не меньшую роль для первоначального накопления сыграла *торговля рабами*. Чернокожие (негры) вывозились из Африки на большие и малые Антильские острова и в Америку. Этим почтенным делом, бывшим раньше монополией Испании, занимались потом все «цивилизованные» страны христианской культуры. Ливерпуль, один из самых крупных городов «свободолюбивой» Англии, вырос и расцвел на этом занятии...

§ 74. Накопление свободной рабочей силы. В капиталистическом производстве рабочая сила, как мы видели выше (см. § 29), превращается в товар. Чтобы этот товар свободно мог покупать капиталист, нужно, чтобы продавец его, наемный рабочий, мог его свободно продавать. Капиталистическому производству нужна формально-свободная рабочая сила, которой капиталист может купить сколько ему нужно и которую он может не покупать, когда она ему не нужна (это значит нанимать и увольнять рабочих). Для крупных капиталистических мастерских (мануфактур) и фабрик ему понадобилось довольно много свободных рабочих, свободных не только продавать свою рабочую силу, но и от всякого имущества и собственного хозяйства...

Главнейшие факторы накопления свободной рабочей силы таковы:

1) *Разорение крестьянства* (см. выше § 72) привело к тому, что значительные массы крестьян покидали деревню и частью направлялись в города для поисков занятий (другая часть превращалась в бездомных бродяг):

2) *Обезземеление крестьян*—результат разных фактов, направленных, однако, к одной цели—отнятию или урезке у крестьян земли. Когда это выгодно было помещикам, крестьяне «освобождались», т.-е. сгонялись с земли, которая отдавалась хорошо платящим арендаторам или отводилась под пастбище для овец (ввиду спроса на шерсть). Земля отнималась у крестьян просто «огораживанием» общинных земель, что окончательно подрывало крестьянское хозяйство и превращало многих крестьян в пролетариев. Обезземеление крестьян особенно последовательно проводилось в Англии, где после трех столетий ограбления крестьян (XVI—XVIII) почти не осталось крестьян-собственников.

3) *Конфискация церковных и монастырских земель*. Реформация (отпадение от папы и католической церкви) имела успех во многих странах (Германия, Англия, Голландия и др.) благодаря тому, что народные массы были враждебно настроены против феодально-эксплуататорских стремлений католической церкви; среди ее врагов были и светские феодалы и государи, стремившиеся прибрать к рукам обширные владения церковной организации. И становясь во главе движения против старой церкви, нарождающееся буржуазно-капиталистическое государство конфисковало земли духовенства и часто сгоняло с этих земель крестьян, целыми столетиями обрабатывавших ее своим трудом и потом; там же, где крестьяне оставались на земле, их эксплуатация доводилась до таких чудовищных размеров, что многие предпочитали оставить насиженное место и присоединиться к бездомным бродягам или городским пролетариям.

4) Количество свободной рабочей силы увеличивалось благодаря *ропуску многочисленных феодальных дружин*—огромной массы челяди, содержавшейся раньше феодалами (при натуральном хозяйстве, когда некуда было девать продуктов, получавшихся в натуре от крестьян), но ставшей обузой при денежном хозяйстве.

5) Разорившиеся ремесленники, подмастерья и ученики составляли незначительный в количественном отношении источник формировавшегося пролетариата, но важную для промышленного капитализма обученную рабочую силу, которую можно было сразу использовать для производства.

§ 75. Первоначальное накопление в России. В России первоначальное накопление в общем имеет тот же источник, что и в Европе—

период торгового капитализма. Торговля в России относится к отдаленнейшему времени. Выросшее Московское государство, приняв формы крепостнического государства, было в сущности государством союза помещиков с торговцами. Последние пользовались властью помещиков над крестьянами в целях извлечения из крестьянского хозяйства и крестьянского труда продуктов, необходимых для торгового оборота. В пору образования Московского государства Московская торговля носила преимущественный характер сбыта на внутренние рынки (снабжения городов предметами питания). С разгромом Новгорода—важнейшего торгового центра, имевшего сношения с Западной Европой—московское купечество завладело тогдашними рынками и все больше расширяло свои торговые операции. Ряд войн, предпринятых Московским государством, расширили поля деятельности торгового капитала и проложили для него пути к заграничным рынкам. Еще в XVII в. завязались оживленные торговые сношения с Западом. Главными предметами вывоза были пенька, мачтовый лес, сало, воск и меха. Во вторую половину XVIII в. главным предметом вывоза сделался хлеб (преимущественно пшеница). Торговый капитал не только пользовался благоволением Московского государства, но был тесно связан с интересами «царствующего дома», принимавшего живейшее участие в прибыльных торговых операциях. Огромные денежные капиталы, накопленные торговцами, искали точек приложения. Первой такой точкой в области неземледельческой промышленности была крестьянская домашняя промышленность. Перевод крепостных крестьян на денежный оброк вынуждал крестьян к продаже продуктов своего труда; оскудение же крестьянского хозяйства, из которого веками вынималось все, что только можно было, вынуждало крестьянина прибегать к подсобным промыслам (кустарным). Купец эксплуатировал мелкого производителя в качестве крупного скупщика, знавшего рынок, который для кустаря оставался неведомой страной. Затем он стал снабжать кустарей сырьем, из которого они изготовляли для него нужные им изделия-товары по низким ценам. Купцы на этом наживали огромные миллионные суммы. Скопление огромных денежных средств и недостаточные размеры кустарного производства, перестававшего удовлетворять товарные аппетиты торгового капитала, побудили торговых капиталистов взять производство в свои руки. Заводы и фабрики (которые были, собственно говоря, мануфактурами, так как в них применялся ручной труд) устраивались купцами и царями (теми же купцами) еще в XVII в. В XVIII в. фабричная промышленность получила широкое распространение.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ КАПИТАЛИЗМА.

§ 76. Процесс производства. Для того, чтобы процесс общественного производства не прерывался или не прекращался, необходимо *постоянное восстановление*—в этом процессе или посредством него—*затрачиваемых средств производства и рабочей силы—воспроизводство*. «Всякий процесс общественного производства,—говорит Маркс ¹⁾,—рассматриваемый в постоянной связи и в непрерывном потоке своего возобновления, является в то же время процессом воспроизводства. Условия производства суть в то же время условия воспроизводства. Ни одно общество не может непрерывно производить, т.-е. воспроизводить, не превращая обратно в средства производства или элементы нового производства известной части своего продукта».

В процессе капиталистического производства воспроизводство является средством восстановления стоимости в качестве капитала, т.-е. в качестве возрастающей стоимости. Если какой-нибудь владелец денег, каким бы путем он их ни приобрел, превратил их в капитал (например, 10.000 р.), который дал в данный производственный период (в год, например) 2.000 р. прибавочной стоимости, то этот же капитал должен совершить такую же операцию в следующий производственный период—в следующем году. «Прибавочная стоимость приобретает форму дохода, возникающего из капитала» ²⁾.

§ 77. Простое и расширенное воспроизводство. «Если,—говорит Маркс ³⁾,—доход служит капиталисту лишь фондом потребления, если он так же потребляется, как и добывается, то при прочих равных

¹⁾ Карл Маркс, «Капитал», т. I, перев. В. Базарова и И. Степанова, пересмотренный И. Степановым. Государственное Издательство, 1923 г., стр. 549.

²⁾ Там же.

³⁾ Там же, стр. 550.

условиях мы имеем перед собой простое воспроизводство». Предположим, что владелец 10.000 р. превратил их в капитал, выделив 8.000 на средства производства (постоянный капитал) и 2.000 на оплату рабочей силы (переменный капитал). Предположим дальше, что к концу производственного периода (например, года) капиталист получил количество товаров на 12.000 р. (Норма прибавочной стоимости тут—100%). Если он всю прибавочную стоимость (доход в 2.000 р.) расходует на собственные надобности (индивидуальное потребление), то на новый производственный период будет прежняя сумма 10.000 р., которую он может превратить в такой же капитал, как прежде. *Повторение процесса производства в прежнем размере есть простое воспроизводство.* Теперь предположим, что из 2.000 р. прибавочной стоимости только 1.000 р. израсходует на свои нужды, а другую тысячу он вместе с прежними 10.000 превратит в капитал, который пойдет на второй производственный период. Процесс производства расширится (11.000 вместо 10.000). Доход с нового капитала (при прочих равных условиях) будет уже не 2.000, а 2.200. Если капиталист не будет и на сей раз тратить больше 1.000 р. на свои нужды, то на третий производственный период у него будет капитал в 12.200 р. и т. д. Процесс производства расширяется. *Повторение процесса производства в расширенном размере называется расширенным воспроизводством.*

§ 78. Превращение первоначального капитала в капитализированную прибавочную стоимость. При капиталистическом воспроизводстве происходит превращение прибавочной стоимости в капитал. В вышеприведенном примере (§ 77) простого воспроизводства на новый производственный период в капитал превращается 10.000 р., но в составе этой суммы имеется уже 1.000 р. прибавочной стоимости, ибо 1.000 р., потребленных капиталистом на личные нужды и взятых из первоначального капитала, замещены 1.000 р., взятых из стоимости, созданной рабочими во время прежнего процесса производства, другая тысяча из двух пошла на заработную плату. В течение десяти производственных периодов весь капитал на 11-й период составит исключительно из прибавочной стоимости. За 10 производственных периодов капиталист потребит всю авансированную ¹⁾ капитальную стоимость и получит новую капитальную стоимость, равную сумме прибавочной стоимости. В процессе простого воспроизводства *каждый капитал, какого бы он ни был происхождения, превращается через более или менее продолжительный срок в капитализированную приба-*

¹⁾ Внесенную наперед. В начале первого производственного цикла капиталист внес стоимость в 10.000 р., выработанную не в данном предприятии.

вочную стоимость, в доход от чужого прибавочного труда, в накопленный капитал.

§ 79. Накопление капитала. При расширенном воспроизводстве часть прибавочной стоимости (или вся она целиком—безразлично) превращается в капитал. В приведенном в § 78 примере капиталист с каждым новым периодом превращает в капитал (средства производства и рабочую силу) все возрастающую сумму благодаря прибавке все новых долей прибавочной стоимости. Благодаря этому капитал может через известные промежутки удвоиться, утроиться и вообще непрерывно увеличиваться. *Употребление прибавочной стоимости в качестве капитала или превращение прибавочной стоимости в капитал называется накоплением капитала.*

Следует строго различать понятия первоначального накопления и капиталистического накопления. Первое заключается не в расширении производства, а в механическом присоединении денег к деньгам, при чем в процессе производства оно исчезает (см. выше § 78); капиталистическое же накопление возникает именно в процессе производства (расширенного воспроизводства). В капиталистическом обществе имеет значение одно капиталистическое накопление; первоначальное не только незначительно по сумме, но и фактически сводится к капиталистическому накоплению.

§ 80. Концентрация и централизация капитала. Стремясь к накоплению, капиталист приходит к необходимости капиталистического накопления, т.-е. к необходимости расширения своего предприятия путем вкладывания в него все больших и больших долей прибавочной стоимости. Но не только страсть накопления побуждает капиталиста к расширению и техническому улучшению предприятия,—к этому побуждает его конкуренция—стремление всех капиталистов, организующих производство товаров данного рода, отбить рынок друг у друга. Для того же, чтобы покупатель отдавал предпочтение именно товару данного капиталиста, последний должен повысить качество товара и понизить его цену. Так как в этой борьбе все преимущества на стороне более крупных предприятий (см. следующий § 81), то они побеждают—завоевывают рынок и не только выживают, но и растут за счет мелких. Ибо мелкие предприятия, не выдерживая конкуренции, закрываются и продают принадлежащие им средства производства крупным. В руках крупных предприятий постепенно сосредоточиваются (концентрируются) все средства производства, все капиталы. Процесс *сосредоточения капиталов во все меньшем количестве крупных предприятий называется концентрацией капитала.* Этот процесс наблюдается во всех капиталистических странах (и в России в том числе). Он является результатом капитализирования огром-

ных масс прибавочной стоимости, производимой отдельными капиталами. В последние десятилетия на высших ступенях капиталистического развития в силу многих причин, на которых мы будем останавливаться ниже (§§ 128 и сл.), наблюдается стремление к объединению отдельных выросших независимо друг от друга капиталов в один (акционерные компании, тресты, синдикаты и т. д.). Это дает возможность группе объединенных капиталистов увеличить размеры своих предприятий до небывалых пределов и этим самым упрочить их победу на рынке и увеличить их капиталы за счет менее крупных. *Этот процесс объединения отдельных капиталов в коллективно-действующий капитал называется централизацией капитала.*

Концентрация и централизация капитала есть в то же время и концентрация, и централизация производства, влекущие за собой сосредоточение огромных масс рабочих (разбросанных раньше во многих мелких предприятиях) в немногих центрах. Это облегчает организацию рабочих в крупные и солидарно-действующие боевые союзы, это облегчает их борьбу за освобождение.

§ 81. Преимущества крупных предприятий перед мелкими. Эти преимущества, благодаря которым крупное производство побеждает мелкое, многочисленны. Мы перечислим главные:

- 1) сбережение на издержках производства (см. выше § 52);
- 2) доступность дорого - стоящих машин и оборудования, приобретение которых не под силу мелкому капиталу. Это ведет в свою очередь к еще большему удешевлению производства и, следовательно, понижению цен на продукты крупного производства;
- 3) более быстрое возрастание капитала вследствие капитализации больших долей прибавочной стоимости. Положим, годовая прибыль одного предприятия выражается в сумме 2.000, а другого, более крупного, — 10.000; положим дальше, что капиталист—владелец первого предприятия—тратит на свои нужды (индивидуальное потребление) 1.000 р., а другой—3.000. Хотя первый тратит «на себя» в 3 раза меньше, чем другой, но капитализирует он $\frac{1}{2}$ прибавочной стоимости, между тем как другой капитализирует ее $\frac{7}{10}$;

4) способность выдержать всегда возможное понижение цен, которое легко доводит мелкие предприятия до полного разорения;

5) большая легкость управления и относительная дешевизна управления и научной организации труда. Одной большой фабрикой легче управлять, чем 100 мелкими, на ней легче и дешевле научно организовать трудовые процессы, предпринимать разные опыты и т. д.

§ 82. Гибель мелкого производства и пролетаризация самостоятельных товаропроизводителей. Уже торговый капитал, видели мы выше (см. §§ 70—72), в своем стремлении к овладению производством

почти совершенно уничтожил самостоятельность многих ремесленных хозяйств и закабалил массу крестьянских. Но с особенной силой и стремительностью совершало и совершает этот процесс разрушения мелкого производства крупное промышленно-капиталистическое производство, вооруженное могучим орудием борьбы—конкуренцией. В развитых капиталистических странах мелкое производство совершенно разрушено во всех тех отраслях промышленности, где успех техники делает для крупного капитала возможным введение новых машин, поднимающих производительность труда до небывалых размеров, но совершенно недоступным делает приобретение этих машин для мелкого капитала.

Изумительные успехи машинной техники начались в Англии в последнюю треть XVIII века. Изобретение машин рабочих (прядельная и ткацкая) и двигательных (паровая машина Уатта) произвело полный переворот (так называемый *промышленный переворот* в Англии) во всех областях производства. Особенно сокрушительный удар нанесли успехи машинной техники мелкому ремеслу в области ткачества. Больше миллиона ткачей было совершенно разорено и брошено в среду наемных рабочих. Промышленный переворот в других капиталистических странах (в разные десятилетия XIX в.) приводил всюду к тем же результатам—разорению мелкого хозяйства. Россия не составляет из этого правила исключения. Фабрика с ее мощными машинами вытеснила у нас во многих областях мелкое производство. В особенности это сказалось в бумаго-ткацком производстве, где появление механического ткацкого станка вызвало полное разорение мелкого производства (раньше, до появления дорогих машин, более или менее успешно конкурировавшего с фабрикой).

Результатом разорения мелкого производства является *превращение в наемных рабочих (пролетаризация) самостоятельных товаропроизводителей*. Ремесленникам - кустарям, мелким хозяйчикам, разоренным крупным машинным производством, ничего другого не остается, как идти на службу к крупному капиталу, увеличивая этим ряды пролетариата.

§ 83. Случаи живучести мелкого производства. Во многих странах и в некоторых отраслях промышленности наблюдалась упорная и более или менее успешная борьба за существование мелкого производства; еще и теперь во многих странах (и в России), рядом с колоссальными фабриками и крупными земельными хозяйствами, существует мелкое ремесло, кустарничество (см. ниже § 84), мелкое земледелие. Из этого факта мелко-буржуазные экономисты и политики делают вывод, что теория вытеснения крупным производством мелкого и пролетаризации мелких товаропроизводителей неверна или «нуждается в поправках». Они делают из этого дальнейший вывод,

что социальное преобразование общества должно базироваться не на требованиях и стремлениях пролетариата, а на нуждах крестьянства и вообще мелких производителей—на стремлении к «укреплению», к «округлению» хозяйства.

Эти мелко-буржуазные утверждения являются совершеннейшим вздором, таким же вздором, как если бы кто-нибудь стал утверждать, что некоторые тела не подчиняются закону тяготения на том основании, что их падение—в силу других причин—замедляется.

В самом деле, если будем рассматривать преимущества крупного производства, доставляющие ему победу над мелким (см. выше § 77), мы увидим, что одни из них сводятся к максимальному использованию человеческой рабочей силы, а другие (сложные дорогие машины и оборудование)—к максимальному использованию механической силы, сил природы. Мелкое производство может конкурировать с крупным там, где проявляются *только* первые преимущества, т.-е. где машинная техника еще не достигла крупных результатов или где она еще не используется в силу причин, изложенных в § 49. Мелкий производитель заставляет работать до полного изнеможения себя, свою жену и своих детей, он за «собственными» жалкими орудиями труда доводит до вырождения себя и потомство, но спасает «самостоятельность» своего хозяйства. Интенсивность живой рабочей силы конкурирует с рациональностью ее использования. Конечно, вечно это не может продолжаться: раньше или позже предел напряжения будет достигнут, и мелкий производитель погибает физически или экономически, он или преждевременно делается инвалидом труда, или в конце концов разоряется. Но борьба за самостоятельность может все-таки долго тянуться.

Другое дело, когда речь идет о преимуществах, доставляемых крупному производству прогрессом техники, дающим возможность максимального использования механической силы. Тут борьба кончается быстро—полным поражением мелкого производства. Об этом свидетельствует история мелкого хозяйства во всех странах и судьба кустарного хозяйства в России (см. § 84). Из вышесказанного ясно, как реакционны (т.-е. тянут народ назад, вспять) представления наших так называемых народников и анархистов (с которыми у наших народников в области экономики много общего) и как революционны и благодетельны для трудящегося человечества стремления пролетариата, осознанные научным социализмом. Пролетариат, руководимый своей коммунистической партией с ее марксистским пониманием, стремится к общественному *крупному хозяйству*, организованному на началах науки и высокой техники. Обобществление (т.-е. передача в руки всего общества) средств производства (принадлежащих в капиталисти-

ческом обществе классу, пользующемуся ими в целях эксплуатации трудящихся) и научная организация труда должны доставить *всем* трудящимся *выгоды* крупного производства, должны переложить огромную тяжесть борьбы за существование (и притом за светлое существование свободного человека, а не жалкое существование раба природы и гнусной алчности) с человеческих мышц и нервов на силы природы. К чему зовут народники и анархисты? К отдаче средств производства производителям (не обществу, а производителям), они зовут обратно к мелкому производству, к тому производству, которое не освобождало человека от сил природы и которое поглощало у «самостоятельного» производителя все его физические силы и умственные способности, которое делало из «хозяйчика» раба своего производства и «собственника», отдававшего молоху своей собственности себя и детей своих.

§ 84. Фабрика и кустари в России. Ярким примером вышесказанного может служить «борьба кустарей с фабрикой». Кустари, это—сельские ремесленники, соединяющие ремесло с подсобным земледелием. У нас кустари достигли высокой степени искусства и многие кустарные изделия пользуются вполне заслуженной репутацией прочности и изящества. Кустари в некоторых областях долго могли конкурировать с «фабрикой», но что вооружало их в этой неравной борьбе? Длинный рабочий день, труд всей семьи, ужасные условия труда, крайне низкие потребности, для удовлетворения которых заработка *всей* семьи мог оставаться жалким и ничтожным. Довольно богатая литература о положении русских кустарей дает потрясающую картину переутомления, закабаления семьи, физического вырождения, особых «профессиональных» болезней и т. д. Но даже вооруженный этим страшным (для его владельца) оружием терпения и малотребовательности, кустарь падал под молниеносным сокрушительным ударом машинной техники там, где она вводилась. Об этом говорит пример бумаготкацкого производства. В 1830—1850 г.г. прошлого столетия в этой области «процветал» кустарный труд крепостных крестьян: ткацкий станок можно было тогда с одинаковым успехом устраивать как на фабрике, так и в крестьянской избе. Эксплуатация «на дому» была капиталисту выгоднее; и он «давал жить» кустарям. В 60-х и 70-х годах в России стал вводиться вместо ручного ткацкого станка механический, и это оказалось для наших кустарей не менее губительным, чем когда-то для английских ткачей. Огромная масса кустарей совершенно разорилась, а число рабочих, занятых на хлопчатобумажных фабриках, возросло в несколько раз. «Самостоятельный» производитель превратился в пролетария...

§ 85. Развитие капитализма в земледелии. В области земледелия мелкое хозяйство в большинстве стран не только существует

(рядом с крупным), но и преобладает. Это подало повод мелко-буржуазным экономистам кричать о том, что в земледелии развития капитализма нет, что оно даже *невозможно*, в силу, мол, непреодолимых естественных условий. На самом деле верно то, что развитие капитализма в земледелии началось исторически позже и что оно происходит медленнее, чем в фабричной промышленности, но оно *есть* и может с изменением технических и экономических условий получить более быстрый темп.

В то время как ремесло и вообще неземледельческая промышленность стала очень давно свободной ареной действий для капитала торгового и промышленного, земледелие сравнительно недавно освободилось от феодальной опеки (в Англии обломки феодальных отношений исчезли в конце XVIII в., в других странах позже, а в России — только с октябрьской революцией 1917 г.). Поэтому применение капиталистической техники в земледелии началось позже, чем в городской промышленности. В общем развитие сельскохозяйственной техники отстает от развития техники городской промышленности. Дороговизна сельскохозяйственных машин и дешевизна рабочих рук в деревне замедляют часто применение и тех машин, которые сберегают много сельскохозяйственного труда. И в земледелии, как и в других отраслях промышленности, не применяющих высокой машинной техники, мелкий собственник — земледелец может долго держаться рядом с крупным хозяйством. Но и тут он может устоять в конкуренции только благодаря тому, что он и его семья производят огромные затраты трудовой энергии и влечат жалкое существование. Успех техники и минимальное повышение потребностей «самостоятельных» сельскохозяйственных производителей до уровня человеческого существования с такой же быстротой сметают «самостоятельность» мелкого земельного хозяйства, как и в других отраслях промышленности. Но и до этого мелкое земельное хозяйство в капиталистическом обществе, сохраняя внешние формы самостоятельности, *фактически* опутано тысячами капиталистических оков.

§ 86. Дифференциация крестьянства. Из вышесказанного явствует, что масса мелких собственников — земледельцев находится в состоянии неустойчивого равновесия: в любой момент «самостоятельный» производитель может разориться и (несмотря на все его героические усилия удержаться в положении самостоятельного хозяина) скатиться в ряды пролетариата, в класс наемных рабочих. Этот процесс пролетаризации может захватить одни группы (наиболее слабые) мелких самостоятельных производителей раньше, другие (более сильные) — позже. Отдельные единицы могут, в силу экономических обстоятельств, благоприятно для них сложившихся, «выйти в люди» — сделаться более

крупными товаропроизводителями, т.-е. организаторами капиталистических земледельческих хозяйств (с применением наемной рабочей силы). Действительно, крестьянство (масса сельскохозяйственных производителей) не представляет единого класса: оно распадается на разные классовые группы. Батраки в сельском хозяйстве, это—те же наемные рабочие, это—пролетарская группа. Середняки, т.-е. крестьяне, имеющие свое собственное хозяйство, но не эксплуатирующие чужого труда—представляют самую многочисленную, но неустойчивую крестьянскую группу: одни из них находятся на пороге разорения и пролетаризации, другие держатся кое-как, а третьи «поправляются» и находятся на пороге «кулачества». Наименее численную группу составляют «кулаки»—буржуа из крестьян, эксплуатирующие наемный труд.

Одним словом, крестьянство не представляет однородной группы или класса: оно дифференцируется (расслаивается) на разные классы.

§ 87. Органическое и техническое строение капитала. Выше (см. § 36) мы видели, что всякий капитал состоит из двух частей: *постоянной* (стоимости средств производства) и *переменной* (стоимости рабочей силы). Для того, чтобы мы могли выяснить (ниже в § 88), что происходит с каждой из этих частей с расширением производства, мы должны раньше остановиться на значении двух главных элементов, из которых состоит постоянный капитал. Так как последний есть стоимость средств производства, то он распадается на те же два главных элемента, из которых и состоят средства производства: 1) стоимость предмета труда и 2) стоимость орудий труда. Величина постоянного капитала таким образом зависит от величины обоих этих элементов: он увеличивается или с увеличением стоимости предмета труда, или с увеличением стоимости орудий труда, или, наконец, с одновременным увеличением стоимости и предмета труда, и орудий труда. Отношение *части капитала, составляющей стоимость орудий труда, к другим частям капитала, называется техническим строением капитала*. С более высоким техническим строением мы имеем дело, когда в данной отрасли производства применяются более совершенные и мощные машины и другие орудия.

Не надо смешивать технического строения с *органическим строением капитала*, которое, как мы уже знаем, есть *отношение всего постоянного капитала (а не только части его, составляющей стоимость орудий труда) к переменному (а не к переменному плюс предмет труда)*.

Обыкновенно различают среднее органическое строение (характерное для данного общества)—отношение всего общественного постоянного капитала ко всему общественному переменному капиталу;

высокое органическое строение (выше среднего) и низкое (ниже среднего).

Из вышесказанного ясно, что органическое строение капитала (т.-е. относительная величина постоянного капитала) может повыситься в зависимости от повышения его технического строения (когда вводятся новые дорогие машины) и вне зависимости от технического строения капитала (при высокой стоимости сырых материалов, но невысоком уровне техники). Высокое органическое строение капитала не всегда предполагает высокое же техническое его строение, но высокое техническое строение обуславливает высокое органическое строение капитала. Когда вводятся мощные дорогие машины, берегающие рабочую силу, относительно увеличивается часть капитала, затраченная на средства производства, и уменьшается часть, затраченная на оплату рабочей силы. Кроме того, в огромном большинстве случаев увеличение стоимости орудий труда требует увеличения количества и, следовательно, стоимости другой части постоянного капитала—предмета труда, обрабатываемых материалов.

§ 88. Рост органического состава капитала в крупном производстве. Из сказанного выше (§ 87) ясно, что *чем крупнее производство, тем крупнее предприятие, тем выше органический состав капитала*, в него вложенного. В самом деле, возьмем два предприятия, мелкое (например, кустарное в бумаготкацком производстве) и крупное (например, фабрику в том же производстве). Рассмотрим теперь два возможных случая: 1) когда техника в обоих предприятиях одинакова; 2) когда в крупном предприятии уровень техники выше (применяются более совершенные и дорогие машины).

1) В первом случае крупное предприятие будет иметь перед мелким лишь те преимущества, которые вытекают из сложного сотрудничества. Уже при одних этих преимуществах повышается производительность труда и требуется, следовательно, относительно меньше рабочих. Это уже означает относительное уменьшение переменного капитала и увеличение постоянного капитала, т.-е. рост органического состава капитала.

Положим, что капитал мелкого предприятия 1.000 руб. и что на средства производства из этой суммы тратится 500 р., а на оплату рабочей силы—тоже 500. Постоянный капитал будет тут составлять $\frac{1}{2}$ всего капитала. Представим себе теперь, что капитал крупного предприятия равняется 10.000 рублей и что, благодаря выгодам сотрудничества и разделения труда, тут требуется рабочих не в 10 раз больше, а только в 8. Тогда переменный капитал будет равняться 4.000 руб., а постоянный капитал—6.000. Последний будет составлять в крупном предприятии $\frac{6}{10}$ всего капитала, между тем как в мелком он составлял $\frac{5}{10}$.

2) Во втором случае—когда в крупном предприятии введены мощные машины (повышается техническое строение капитала), органический состав капитала еще больше повысится, ибо машина сберегает (больше, чем всякие другие преимущества крупного предприятия) много живой рабочей силы и с ее введением требуется относительно значительно меньше рабочих рук.

Возьмем тот же пример, предположив, что в крупном предприятии появилась машина. В мелком предприятии органический состав останется прежний (постоянный капитал $= \frac{5}{10}$); в крупном же предприятии (если машина и сырье стоят 9.000 руб., а рабочих рук при ней требуется только вдвое против мелкого предприятия) постоянный капитал будет равняться $\frac{9}{10}$, а переменный— $\frac{1}{10}$ всего капитала. Органический состав увеличивается почти вдвое.

Итак, во всех случаях увеличение размеров предприятия влечет рост органического состава капитала. Разница только в степени роста: в одном случае он меньше, в другом—больше.

§ 89. Отношение роста органического состава капитала к общему количеству прибавочной стоимости. Может возникнуть вопрос: раз органический состав капитала (т.-е. затраты на средства производства) повышается с укреплением производства, то что побуждает капиталиста расширять размеры предприятия? что в приведенном в § 88 примере побуждает капиталиста, имеющего 10.000 руб., устроить одно предприятие с единовременной затратой 9.000 руб., когда он мог бы устроить 10 маленьких предприятий с единовременной затратой 5.000 руб.?

Чтобы правильно ответить на этот вопрос, надо помнить, что капиталиста интересует не общественная польза, т.-е. самая польза для общества производительности труда, а только его, капиталиста, личная выгода, которая заключается в получении наибольшего количества прибавочной стоимости; его дальше интересуют условия рынка, поскольку он эту выгоду может реализовать только на рынке. Только в этих случаях он расширяет предприятие и вводит технические улучшения и усовершенствования. Сулит ли ему эти выгоды крупное предприятие с его высоким органическим и техническим строением капитала? За исключением случаев, описанных в § 48,—сулит: 1) для конкуренции крупное предприятие вооружается тем, что оно обрабатывает (благодаря именно высокому органическому составу) относительно большее количество материалов при меньшей затрате рабочей силы и выбрасывает поэтому на рынок большее количество товаров по более дешевой цене; 2) большее количество прибавочной стоимости капиталист получает вследствие повышения относительной прибавочной стоимости, вызываемого повышением производительности

труда (см. выше § 41). Временно—пока другие капиталисты, его конкуренты, не введут таких же машин и технических улучшений, он будет продавать свои товары выше их фактической стоимости.

§ 90. Рост органического состава капитала и капиталистическое накопление. Рост крупного производства обуславливается, как мы видели в § 88, ростом общего количества прибавочной стоимости. Последняя, с другой стороны, в процессе капиталистического производства непрерывно превращается в капитал. Это означает, что крупное производство вызывает все большее накопление капитала. Но с ростом органического состава капитала (вызываемым ростом крупного производства) непрерывно увеличивается абсолютно и относительно постоянная часть капитала и непрерывно уменьшается относительно (а иной раз и абсолютно) переменная его часть. Накопление капитала таким образом является накоплением средств производства. Уменьшение переменного капитала при этом происходит гораздо быстрее, чем накопление капитала, так как образованный за время накопления новый капитал дает занятие все меньшему (относительно, а иной раз абсолютно) числу рабочих сравнительно с величиной капитала.

Характер уменьшения переменного капитала (а следовательно, и уменьшения количества рабочих, занятых в предприятиях) зависит от степени повышения технического строения капитала. Если техническое строение капитала с капитализацией прибавочной стоимости не повышается, то уменьшение количества рабочих будет только относительное; постоянный капитал быстрее увеличится, чем переменный, но абсолютно последний не уменьшится и даже немного может увеличиться. Если же капитализация прибавочной стоимости вызовет одновременно с повышением технического строения капитала приобретение более мощных и дорогих машин, то уменьшение переменного капитала будет абсолютным, если быстрота накопления капитала уступает скорости уменьшения постоянного капитала. Между этими крайними случаями могут быть и бывают разные колебания.

Положим, что вся прибавочная стоимость в 9.000 руб., получаемая с предприятия с капиталом в 10.000 руб., в начале следующего производственного периода капитализируется, но что техника остается та же. Если раньше постоянный капитал равнялся $\frac{1}{2}$ всего капитала, то он теперь в силу причин, изложенных в § 88, абсолютно и относительно увеличится (положим до 6.500 руб., что будет составлять $\frac{13}{24}$ всего капитала—вместо прежних $\frac{12}{24}$); постоянный же капитал относительно уменьшится ($\frac{11}{24}$ вместо прежних $\frac{12}{24}$), но абсолютно увеличится (5.500 руб. вместо прежних 5.000 руб.). Он, во всяком случае, не упадет ниже прежнего, так как нельзя при прежних орудиях труда обработать большее количество сырья с меньшим количеством рабочей

силы. Другое дело, если будут введены новые машины, сильно повышающие (против первого периода) производительность труда. В этом случае переменный капитал может уменьшиться и абсолютно, так как при помощи машин можно обработать значительно большее количество материалов с значительно меньшим количеством рабочих.

В одних предприятиях рост производства вызывает уменьшение количества рабочих, в других—некоторое увеличение. Это создает для рабочих масс состояние вечных колебаний, вечной неустойчивости—необходимость переходов с одних предприятий на другие, а во множестве случаев—и безработицу.

§ 91. Относительное и абсолютное перенаселение. Капиталистическое накопление, как мы видели, вызывает избыток рабочей силы, рост количества незанятых рабочих или так называемой *резервной армии труда* (см. § 92). Буржуазный экономист Мальтус и его последователи объясняют это явление тем, что «избыток населения» происходит от того, что увеличение населения идет гораздо быстрее, чем увеличение жизненных средств. Народонаселение будто бы возрастает в геометрической прогрессии—все удваивается от поколения к поколению (как 1: 2: 4: 8: 16: 32 и т. д.), между тем как количество жизненных средств возрастает в арифметической прогрессии (как 1: 2: 3: 4: 5: 6 и т. д.). Получается *абсолютное перенаселение, т.-е. такая плотность населения, что возникает недостаток жизненных средств*. Все бедствия рабочего класса, все социальные ужасы, которые являются спутниками капитализма, объясняются таким образом «вечными законами природы». Единственный выход из положения—ограничение размножения сообразно с количеством предлагаемой работы, и рабочему классу предлагается «нравственное самообуздание»...

На самом деле это утверждение не только не отвечает истине ¹⁾, но и не объясняет явления: не о «лишнем населении» идет речь, а об избытке свободных «рабочих рук». В капиталистическом обществе миллионы людей часто не имеют работы и, следовательно, и средств существования как раз тогда, когда «все обилием дышит»... Избыток

¹⁾ Мальтус пытается разрешить рядом с проблемой населения и проблему бедности: последняя объясняется слишком быстрым размножением человечества. Факты новейшего времени совершенно опровергают это объяснение. Население земного шара почти удвоилось за XIX стол. (а население капиталистической Европы даже утроилось), но рост количества средств существования не только не отстал от роста размножения, но значительно превзошел его. В средние века явления голода и вымирания были хроническими, а между тем количество населения было, по сравнению с теперешним, ничтожно. Наблюдающееся с конца XIX в. сокращение размножения (в особенности во Франции) происходит как раз в буржуазной среде и является последствием «предупредительных мер», ничего общего с «нравственным самообузданием» не имеющих.

этот объясняется не вечными законами природы, а законами капиталистического накопления, и само явление исчезнет, как только исчезнет капиталистическая форма производства.

Рассмотрим две главные формы капиталистического накопления

1. Капиталистическое накопление идет без повышения технического строения капитала. Допустим, что капитализированная прибавочная стоимость в этом случае распределяется между постоянным и переменным капиталом в прежней пропорции ¹⁾ и что органический состав капитала остается поэтому прежний. Для наглядности представим, что первоначальный капитал в 90.000 руб., $\frac{2}{3}$ которого (60.000 руб.) составляли постоянный капитал, а $\frac{1}{3}$ (30.000 руб.) — переменный, дал 20% (18.000 руб.) прибавочной стоимости и что в начале нового производственного периода эти 18.000 распределялись между составными частями капитала, как в первоначальном: $\frac{2}{3}$, т.-е. 12.000 руб. вошли в постоянный, а $\frac{1}{3}$, т.-е. 6.000 руб. — в переменный. Переменный капитал увеличится на 20% (с 30.000 до 36.000) — потребуется количество рабочих, большее первоначального количества на 20%. Если масса наемных рабочих при этом не увеличится, или увеличится в меньшей степени, чем накопление, то спрос на их труд превысит предложение, и цена рабочей силы (заработная плата) повысится. Тут как будто делается соблазнительным совет о «нравственном самообуздании»: «не плодитесь, не размножайтесь, и ваша заработная плата повысится». В действительности, однако, происходит вот что: раз повышается заработная плата, то уменьшается количество прибавочной стоимости, а когда оно получается меньше нормального размера, прекращается накопление, прекращается спрос на рабочие руки, прекращается повышение заработной платы. Тут колебания объясняются не увеличением или уменьшением населения, а изменениями в скорости накопления.

2. Капиталистическое накопление сопровождается повышением технического строения капитала. Повысится органический состав капитала. Понизится переменный. Этот случай — наиболее частый, к этому, как мы видели, стремится капиталистическое производство. В этом случае понижается спрос на рабочие руки. Капиталистическое накопление растет, но при этом «постоянно производит, и притом пропорционально своей энергии и своему объему, относительный, т.-е. ненужный для капиталиста излишек рабочего населения» (Маркс, «Капитал», т. III). Если мы имеем дело с относительным понижением

¹⁾ Мы говорим «допустим» потому, что на самом деле органический состав капитала повышается (правда, не намного) уже от одного расширения размеров предприятия. Мы, однако, делаем такое допущение в интересах выяснения всех случаев.

переменного капитала, то «излишек» получится вследствие того, что рост рабочего населения идет быстрее потребности капитала в новой рабочей силе. В случае же, когда имеем дело с абсолютным понижением переменного капитала, население может не увеличиться, оно может даже уменьшиться, но не настолько, насколько уменьшилась у капиталиста потребность в рабочих руках; тут все-таки получится *относительный* излишек населения (т.-е. лишние для капиталиста рабочие руки).

Итак, в капиталистическом обществе мы видим *относительное перенаселение*, т.-е. количество рабочего населения, превышающее потребность капиталистического производства в рабочей силе.

§ 92. Промышленная резервная армия. Образование обусловливаемого накоплением капитала *относительного излишка населения* или так называемой *промышленной резервной армией* не только не препятствует развитию капитализма, но составляет необходимое условие его процветания, необходимую предпосылку капиталистической эксплуатации.

1) Промышленная резервная армия дает средства к мгновенному приложению капитала: в случаях быстрого расширения производства, капитал в любой момент может получить столько рабочей силы, сколько ему нужно. С развитием капиталистического производства неизбежны, как мы дальше увидим (см. §§ 117—120), периодические (т.-е. повторяющиеся через известные промежутки времени) сокращения и расширения производства; резервы (запасы) рабочей силы, не оплачиваемой в период застоя, делаются при таком положении выгодным для капитала явлением.

2) Промышленная резервная армия сокращает размер заработной платы: предложение труда постоянно превышает спрос на него и капиталист имеет поэтому возможность платить рабочему, занятому в его предприятии, *меньше* стоимости рабочей силы. Конкуренция на рынке труда вооружает капиталиста, но совершенно обессиливает самих конкурентов — рабочих. Правда, капиталистическому производству нужно непрерывное восстановление рабочей силы и поэтому капиталист должен платить рабочему стоимость средств существования не только самого рабочего, но и его потомства. Но он из этого находит прекрасный выход: он ставит, когда ему нужно, за станок потомство рабочего (детей и женщин), он привлекает из отсталых стран, разоренных капиталистическим нашествием, сотни тысяч и миллионы туземцев (корейцев, китайцев, африканских негров и т. д.), он непрерывно пролетаризирует мелких ремесленников и кустарей, увеличивая таким образом кадры могущих быть нужными ему рабочих.

§ 93. Промышленная резервная армия и классовая борьба пролетариата. Стремление платить рабочему ниже стоимости рабочей силы должно было бы привести в конце концов к тем же результатам,

к каким привела безумная растрата рабовладельческими системами рабочей силы рабов—к полному истощению источника рабочей силы, к полной деградации трудящихся масс. Однако эта страшная для общественного хозяйства опасность не кладет предела алчности капиталиста: отдельный капиталист стремится в общей борьбе интересов урвать что можно и сколько можно, и раз существование резервной промышленной армии дает ему возможность урвать свыше «разумной меры»—он рвет, не задумываясь о «будущем народного хозяйства». Единственное препятствие, на которое наталкивается алчность капитала, это—организованная борьба рабочего класса, начинающего сознавать, что в капиталистическом обществе *ему нет спасения*.

Классовая борьба пролетариата направляется поэтому к полному уничтожению капиталистического хозяйства и к организации производства на коммунистических началах, в пределах же буржуазного общества—к *физическому сохранению рабочего класса*.

Успех борьбы за сокращение рабочего дня, которое означает увеличение количества рабочих, нужных для капиталистического производства, не мог, конечно, совершенно ликвидировать промышленную резервную армию (ее существование, как мы видели, неизбежно в капиталистическом обществе), но мог сократить ее размеры. Эта борьба, таким образом, не только приводила к улучшению положения рабочих, занятых в данный момент в промышленности, но и облегчала возможность получения работы для безработных. Это в некоторой степени изменяло в лучшую для рабочих сторону соотношение между спросом на труд и его предложением. К таким же результатам приводила борьба за охрану детского и женского труда и т. д.

Разрешить вопрос об уничтожении эксплуатации эта борьба *внутри* капиталистического строя не могла (ибо капиталистический строй *зиждется* на эксплуатации): только *уничтожение* капиталистического строя и утверждение коммунистического упразднит всякую возможность эксплуатации человека человеком. Поэтому борьба рабочего класса во всем мире не ограничивалась достижениями в сфере повседневных нужд рабочего класса: она ставила своей конечной целью осуществление коммунизма. Это, однако, не значит, что рабочий класс брезговал или должен был брезговать мелкими завоеваниями: они так же подготовляли и ускоряли возможность крушения капитализма, как непрерывная цепь выигранных битв облегчает и ускоряет окончательную победу, которая доставляется последним решительным боем.

Эта борьба имела и огромное воспитательное значение: она сплачивала десятки миллионов рабочих в единый действующий класс, в организованную силу, способную бороться и строить новый мир.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ДОХОДА.

§ 94. Отношения производства и отношения распределения.

Мы видели, что в процессе общественного производства разные общественные группы занимают разное положение в зависимости от их отношения к средствам производства. В зависимости от этого указанные группы составляют разные общественные классы. Распределение общественного дохода, т.-е. совокупного продукта общественного труда, произведенного в определенный период времени, совершается в классовом обществе между этими классами в разных долях, соответствующих их положению в процессе производства. Распределение есть форма осуществления цели участия в хозяйственной деятельности общества—получения максимального количества потребительных стоимостей; производство—средство осуществления этой цели. Степень осуществления цели зависит от степени обладания и пользования средствами ее осуществления, в данном случае от положения, занимаемого в процессе общественного производства. *Отношения распределения определяются отношениями производства.*

§ 95. Распределение дохода между классами капиталистического общества. Общественный доход включает в себе воспроизведенную стоимость рабочей силы и прибавочную стоимость.

В процессе распределения он и распадается на эти две части, достаемые рабочему классу в форме *заработной платы* и классу владельцев средств производства в виде *прибыли* (предпринимателю; см. ниже § 99) и *ренты* (крупному землевладельцу; см. ниже § 107). Из своей доли дохода, имеющей своим источником исключительно прибавочную стоимость, капиталистический класс уступает буржуазному государству некоторую частичку в виде *налогов* (см. ниже § 109).

§ 96. Заработная плата. Стоимость рабочей силы производитель-пролетарий (наемный рабочий) получает в виде заработной платы. Заработная плата оплачивает наемному рабочему не весь

его труд, не все рабочее время, а только часть—необходимое рабочее время (см. выше § 31).

Поскольку стоимость рабочей силы выражается в товарном хозяйстве (ибо рабочая сила, как мы знаем, есть товар) в стоимости других товаров—средств существования рабочих, заработная плата только в среднем соответствует стоимости рабочей силы. Заработная плата, как выражение стоимости рабочей силы, есть цена рабочей силы, и, как таковая, она подвергается всем колебаниям, каким подвергается цена всякого другого товара—в зависимости от соотношения спроса и предложения.

Форма заработной платы в развитом капиталистическом обществе преимущественно *денежная*. Первичная форма заработной платы,— *натуральная* (плата продуктами, предметами потребления)—почти исчезла; в земледелии, где она долго сохранялась (так как почти все продукты земледелия составляют средства существования рабочих), она удержалась лишь частично—в комбинации с денежной платой. Смешанную форму в замаскированном виде мы еще и теперь встречаем в *truck* - системе¹⁾, применяемой иногда в крупной промышленности; эта система заключается в том, что хотя расплата с рабочим производится в денежной форме, но он разными способами вынуждается покупать продукты (по высоким, понятно, ценам) в лавке, устраиваемой при предприятии.

По способу расчета заработная плата бывает *повременная* (плата за определенный период времени: поденная плата, понедельная, помесечная) и *поштучная* (плата с единицы сработанного продукта). Для капиталиста оба способа имеют свои выгоды и недостатки, и он их применяет попеременно, в зависимости от их выгодности при данных условиях. Поштучная оплата выколачивает из рабочего (и часто и из его семьи) максимум рабочей энергии. На почве поштучной платы часто расцветает рядом с высокими формами производства отсталая (в общественно-техническом отношении), но выгодная для капиталиста *потогонная система* (*Sweating System*)—раздача работы на дом с поштучной оплатой. К недостаткам (для капиталиста) поштучной платы относится поспешность работы, понижающая качество изделия. Повременная плата дает меньше напряженности, но лучшее качество. В огромном большинстве случаев капиталист предпочитает сдельную плату, и он ее вводит, принимая разные меры к повышению качества работы (штрафы, браковка и т. д.).

В целях повышения качества изделий (там, где оно особенно требуется) и привлечения необходимых квалифицированных работников,

¹⁾ *Truck* по-английски значит обмен, меновой торг.

капиталист устанавливает *премиальную плату*, т.-е. выплату сверх условленной платы некоторого вознаграждения (по большей части в виде крошечной доли прибыли). Капиталист достигает этим еще ту цель, что заинтересовывает рабочего в успехах предприятия и этим поднимает сознание.

§ 97. Денежная и реальная заработная плата. Денежная форма заработной платы не дает отчетливого представления о соответствии платы стоимости рабочей силы. На одну и ту же сумму денег в разных местах или (в одном и том же месте) в разные времена можно купить разные количества средств существования (т.-е. то, что исключительно важно для рабочего). В крупных центрах продукты и, главным образом, квартиры дороже, чем в провинции; во многих случаях (при падении ценности бумажных денег, при внезапном возникновении какой-нибудь отрасли промышленности в данном месте—в связи, например, с открытием богатых природных источников, и т. д.) постепенно или внезапно поднимаются цены на все продукты в данном месте. Таких колебаний множество. Поэтому, чтобы судить о действительной величине заработной платы, нужно знать, сколько в данном месте и в данное время можно за нее купить средств существования. Это и есть *реальная заработная плата*.

§ 98. Величина заработной платы. Чтобы судить о действительной величине заработной платы, нужно знать: 1) какому уровню потребностей отвечает то количество средств существования, которое можно купить на выданную денежную заработную плату; 2) за какое количество труда она выдана (длина рабочего дня при повременной плате, или сумма всего затраченного времени на изготовление оплачиваемой единицы изделия).

Капиталист стремится заплатить рабочим только минимум (наименьшее количество средств) и получить от него максимум работы (удлинить рабочее время и довести напряженность работы до пределов физической возможности). Но что такое минимум—каков его предельный размер? Можно под минимумом понимать *биологический минимум*, т.-е. наименьшее количество средств, необходимых исключительно для животного существования: без определенного количества пищи и тепла рабочий умрет, как умерло бы *всякое* животное. Такое понимание ближе всего сердцу капиталиста. Но поскольку рабочий является человеком, продуктом определенного общественного развития, он (даже стоя на самой низкой ступени развития) не может довольствоваться *таким* минимумом: его *жизненные* потребности безусловно выше *животных*. Если он привык курить (пусть скверную махорку), мыться в бане (пусть за 5 коп.), стричься или бриться и т. п.—неудовлетворение этих потребностей повлечет если

не смерть, то понижение его работоспособности. Но и *такой* минимум (только немного превышающий животный минимум) характерен только для самых отсталых рабочих (по большей части сельскохозяйственных), для рабочих, лишь недавно вырвавшихся из-под крепостного гнета или только что вышедших из состояния «самостоятельного» мелкого производителя, или привезенных из колоний и бедных стран и т. д. Но рядом с такими рабочими существует большая масса рабочих более высокого уровня развития (при котором появляется ряд новых потребностей—в книге, полезных развлечениях и т. д.), более высокой квалификации (требующей от рабочего определенного уровня знаний и создающей поэтому более сложные потребности), с более ясным классовым самосознанием, говорящим рабочему, что он, производитель благ, должен ими и пользоваться. Если, наконец, в данной местности рабочие в силу благоприятно сложившихся для них обстоятельств завоевали себе раньше более высокую заработную плату и усвоили ряд культурных привычек, то они уже стали потребностью, от удовлетворения которой трудно отказаться без ущерба для здоровья и душевного состояния рабочего. Все это создает пропасть, глубокое и непримиримое противоречие между пониманием капиталиста (диктуемым его безгранично алчным стремлением к получению наибольшего количества прибавочной стоимости) и пониманием рабочего. Это создает борьбу интересов.

Капиталист уступает в этом случае только необходимости, диктуемой *потребностями производства* (если производство требует квалифицированного или интеллигентного труда, то он по необходимости должен повысить минимум, необходимый для постоянного воспроизводства квалифицированной рабочей силы) или противопоставленной силой организованного отпора рабочих.

Величина заработной платы определяется длиной рабочего дня. Если два рабочих получают одинаковую заработную плату, но один из них работает 8 часов, а другой—12, то ясно, что первый получает за каждый рабочий час в полтора раза больше второго. Капиталист, потерпевший, положим, афронт на установлений «минимума средств существования», стремится в погоне за абсолютной прибавочной стоимостью (см. § 32) *фактически* понизить заработную плату удлинением рабочего дня. Часто к этому его побуждает стремление сэкономить на издержках производства: если у него дорогие машины и фабричные здания, сооружение которых требует больших расходов, и если он хочет расширить производство,—капиталист стремится скорее удлинить рабочий день, чем построить новые здания и ввести новые машины. Ему выгодно удлинение рабочего дня даже с соответствующим увеличением заработной платы, но он никогда

не упустит случая, чтобы сделать это бесплатно, за счет рабочего... *Этого не надо бояться, это неизбежно, это неизбежно;*

Это отношение между заработной платой и рабочим днем опять-таки дает почву для великих столкновений между трудом и капиталом. Пролетариат стремится к разрешению противоречий капиталистического общества путем их полного устранения (а не только смягчения); это—путь классовой борьбы, ведущей к уничтожению капиталистического общества и утверждению коммунистического (см. ниже § 154). *Эту* его борьбу организует его политическая партия—коммунистическая. Но еще в рамках буржуазного общества (до полного его уничтожения) пролетариат борется за увеличение доли общественного дохода, уделяемой ему хозяином капиталистического производства—капиталистической буржуазией. Величина этой доли определяется размером заработной платы и длиной рабочего дня. Бой на этой почве организуют боевые объединения рабочего класса—профессиональные союзы и другие рабочие организации (см. ниже § 112).

§ 99. Прибыль. Из всего общественного дохода класс капиталистов - предпринимателей получает такую долю, которая во много раз превышает стоимость их организаторского труда, их *заработок*. *Доход капиталиста, не соответствующий затраченному им организаторскому труду, называется прибылью.*

Не нужно смешивать *заработок* с *заработной платой*: заработок есть оплата всего затраченного участником производства труда, заработная плата—оплата только необходимого труда (см. выше § 31), только части всего затраченного труда. Чем крупнее капитал, тем ничтожнее, сравнительно с доходом, та доля, которую можно бы назвать заработком. В доходе мастера эта доля преобладала, большая часть была вознаграждением его личного труда. У мелкого предпринимателя—значительная часть его дохода оплачивает его организаторский труд. У крупного же предпринимателя, получающего прибыль в сотни тысяч или миллионы золотых рублей, «организаторский заработок» составляет какую-нибудь тысячную часть его дохода. В большинстве случаев крупный капиталист самую организацию производства предоставляет наемной администрации, а себе—получение прибыли...

Если заработная плата берется рабочим из фонда воспроизведенной им самим стоимости рабочей силы, то капиталист получает свою прибыль из фонда прибавочной стоимости, которую он присваивает целиком, уступая из нее, под давлением необходимости, часть в виде ренты и налогов.

§ 100. Норма прибыли. Прибыль берется из прибавочной стоимости, но она сама не есть прибавочная стоимость. Последняя есть стоимость, прибавленная к стоимости рабочей силы, и норма ее $\frac{m}{v}$ вы-

ражает ее отношение к стоимости рабочей силы, к переменному капиталу; прибыль же, с точки зрения капиталиста, есть стоимость, прибавленная ко всему его капиталу (постоянному и переменному). В процессе образования прибавочной стоимости, который может быть изобразен формулой

$$Д—Т—Д + п \text{ (Деньги—Товар—Деньги + прибыль),}$$

капиталиста интересует отношение p к D , между тем как рабочего интересует, какую долю своего труда он отдал капиталисту. Отношение это обыкновенно определяется за год и выражается в процентах. *Выраженное в процентах отношение прибыли ко всему затраченному капиталу называется нормой прибыли.* Так как прибыль по величине равняется прибавочной стоимости, то норма прибыли может быть выражена формулой $\frac{m}{c+v}$, где m —прибавочная стоимость, c —постоянный капитал, а v —переменный капитал.

Ясно, что норма прибыли всегда меньше нормы прибавочной стоимости (знаменатель дроби больше на величину постоянного капитала).

Положим, что капитал в 10.000 руб. делится на постоянный капитал 6.000 и переменный 4.000, и положим, что в течение года произведено товаров на 14.000 рублей. Норма прибавочной стоимости будет тогда $4000 : 4000$, т.-е. 100%, норма же прибыли:

$$\frac{4000}{6000 + 4000} = 4000 : 10000 = 40\%.$$

Как относительно ни мал был бы постоянный капитал, но он *есть* во всяком капитале (без средств производства немислим процесс производства). Следовательно, норма прибыли во всех случаях будет меньше нормы прибавочной стоимости.

§ 101. Органический состав капитала и прибыль. Так как прибыль имеет своим источником прибавочную стоимость, произведенную рабочими данного предприятия, то ясно, что чем выше органический состав капитала в этом предприятии, тем ниже (при одинаковой норме прибавочной стоимости) норма прибыли, так как величина переменного капитала, а следовательно и количество рабочей силы в таких предприятиях относительно меньше.

Представим себе два предприятия с равными капиталами по 10.000 рублей, но с разными органическими строениями: в одном 8.000 постоянного капитала и 2.000 переменного, в другом 6.000 постоянного и 4.000 переменного капитала; норма прибавочной стоимости в обоих предприятиях 100%. В первом прибавочная стоимость будет равняться 2.000 рублей, а норма прибыли 20%, во втором прибавочная стоимость равняется 4.000 рублей, а норма прибыли 40%.

§ 102. Быстрота обращения капитала и прибыль. На норму прибыли влияет также и быстрота оборотов (т.-е. периодов возвращения капитала с прибылью) капитала в разных предприятиях. Обыкновенно *весь* капитал целиком не может быть возвращен в один период, но из трех его частей (двух элементов постоянного и переменного капитала) целиком возвращаются две (переменный капитал и стоимость предмета труда—материалов) и частично одна: часть стоимости орудий труда. Если капиталист продает все количество товаров, произведенных в данный период, он выручает все, во что ему обошлись рабочая сила и материалы, и такую часть затрат на мастерскую, инструменты, машины, какая пошла на изготовление данного количества товаров (орудия труда не потребляются сразу, целиком: они изнашиваются, т.-е. затрачиваются по частям). *Затраты на материалы и рабочую силу (стоимость предмета труда плюс переменный капитал) называются оборотным капиталом* (потому что этот капитал оборачивается, возвращается), *затраты на орудия (постоянный капитал минус стоимость предмета труда) называются основным капиталом.*

Зная время оборота отдельных частей капитала, можно вывести среднюю продолжительность оборота всего капитала. Так как каждый оборот капитала приносит известную прибыль, то чем больше этих оборотов в год, тем больше годовая прибыль.

§ 103. Средняя норма прибыли. Мы видели, что в случаях высокого органического состава капитала и медленности обращения капитала норма прибыли ниже, чем в противоположных случаях. В действительности, однако, владельцы предприятий с равными капиталами получают обыкновенно приблизительно одинаковую прибыль. Иначе и не могло бы быть: ни один капиталист не согласится вкладывать свой капитал в предприятие, которое дает прибыли значительно меньше другого предприятия. Прибыль в разных предприятиях стремится к средней для данного общества прибыли. Если в какой-либо отрасли производства прибыль будет выше средней, то предприниматели переместят свои капиталы из менее прибыльных отраслей в эту более выгодную. Производство товаров этой отрасли промышленности значительно увеличится, увеличится предложение при прежнем спросе, и цены товаров понизятся, уменьшится прибыль. В покинутых же многими капиталистами отраслях произойдет обратное: сократится производство, понизится предложение (при прежнем спросе), и цены подымутся, повысится прибыль. Прибыль одних капиталистов таким образом больше, а других—меньше, чем количество прибавочной стоимости, произведенное в их предприятиях. Но все вместе, весь капиталистический класс, получает общую сумму прибыли, равную *всей прибавочной стоимости.*

Средняя прибыль определяется отношением всей прибавочной стоимости ко всему капиталу данного общества.

Средняя прибыль есть норма прибыли, к которой *стремится* прибыль отдельных предприятий; она достигается путем «миграций»¹⁾ капиталов. В действительности отклонения от средней нормы вверх и вниз—явление частое. В некоторых случаях (при дорогом стоящих зданиях и машинах) извлечение капитала из менее прибыльной отрасли крайне затруднительно (затруднительность эмиграции капитала); в некоторых случаях (как, например, в деле канализации, которая может быть только одна в данном городе) невозможно или крайне затруднительно перенесение капитала в более прибыльную отрасль промышленности (затрудненность иммиграции капитала). Но в общем и целом прибыль *равняется* по величине капитала, внесенного в предприятие.

§ 104. Стоимость и цена производства. Тенденция средней прибыли осуществляется, как мы видели (в § 103), путем изменения цен на товары разных отраслей производства. Мы также знаем, что цена товара только *приближается* к стоимости, но постоянно колеблется то вверх, то вниз от стоимости. Каковы пределы этих колебаний? Ясно, что цена товаров не может быть ниже издержек их производства: в этом случае капиталист немедленно разорится и прекратит производство; она даже должна быть несколько выше издержек производства: без прибыли ни один капиталист не будет вкладывать свои капиталы в предприятие. Цена товара в одной отрасли производства не может быть и на много выше цен товаров других отраслей: в этом случае в эту отрасль эмигрировали бы капиталы из других областей, и повышенное предложение товаров понизило бы цены. Итак, в действительности существуют *средние цены*, которые равняются *ценам производства*, т.-е. *издержкам производства, сложенным со средней прибылью* на капитал, вложенный в производство данных товаров.

Цены производства в одних отраслях (где средняя прибыль больше прибавочной стоимости) бывают выше, в других (где средняя прибыль меньше прибавочной стоимости)—ниже стоимости товаров.

Цены производства пропорциональны вложенному в предприятие капиталу, так как средняя прибыль, которой они определяются, представляет определенный для данного общества процент вложенного в предприятие капитала. Они находятся таким образом в полном соответствии со стоимостью постоянного и переменного капитала; отклонения от стоимости товара они терпят только в пре-

¹⁾ Миграции — передвижения капиталов из одной отрасли (эмиграция) другую (иммиграция).

делах прибавочной стоимости *отдельного* предприятия. Для всего капиталистического общества нет отклонений и в этой области, так как сумма средней прибыли есть вся прибыль, которая совпадает со всей прибавочной стоимостью. *Сумма средних цен всех товаров равняется общей сумме стоимости их* (т.-е. стоимости постоянного капитала плюс стоимость переменного плюс прибавочная стоимость).

§ 105. Тенденция понижения нормы прибыли в капиталистическом производстве. Рядом с тенденцией (стремлением) к уравниванию прибыли разных отраслей и предприятий, в капиталистическом обществе действует другая тенденция—к понижению средней нормы прибыли. По мере того как крупное производство вытесняет мелкое, преобладание получает капитал с высоким органическим и техническим строением, а это означает относительное (а иной раз и абсолютное, см. выше § 90) уменьшение переменного капитала и понижение нормы прибыли (см. выше § 101). Это не значит, что абсолютная величина прибыли (т.-е. самая сумма) уменьшилась: она даже значительно повысилась, так как весь капитал настолько возрос, что небольшой с него процент составляет большую сумму, чем большой процент с небольшого общественного капитала. При концентрации и централизации капитала, в руках небольшой кучки капиталистов сосредоточивается огромная масса прибыли, огромнейшая часть общественного дохода. Это, однако, не утоляет их appetitов к прибавочной стоимости, и они часто принимают все меры к повышению нормы прибыли путем повышения нормы прибавочной стоимости, нормы эксплуатации (удлинение рабочего дня, сокращение заработной платы, увеличение нагруженности и т. д.). Только организованный отпор пролетариата может положить предел этой алчности и конец всей системе капиталистической эксплуатации.

§ 106. Проценты на капитал. В развитом капиталистическом обществе огромное значение для капиталистического производства приобретает кредит (ссужение на определенный срок определенными суммами). Предприниматель, беря ссуду от частного лица или банка (последнее бывает чаще всего), уплачивает определенный процент на ссуженный ему капитал. В современном обществе имеется значительная группа капиталистов, живущих на проценты с капитала, не утруждая себя никакими организаторскими ролями в производстве. Это так называемые *рантье* (от слова *рента*, означающего доход, возникающий не из личной деятельности в производстве, а из одного факта обладания какой-нибудь собственностью—землей или денежной суммой). Откуда же черпает капиталист-предприниматель нужные для уплаты процентов суммы? Из прибавочной стоимости. Предприниматель, продавая свои товары, возмещает издержки производ-

ства (затраченный им капитал) и проценты, заплаченные им банку (или частному лицу), и сверх того получает некоторую прибыль. Все, что получается сверх издержек производства, берется из прибавочной стоимости. Из доли общественного дохода, непосредственно получаемой капиталистом-предпринимателем, некоторая часть уделается им ратье.

В расчетах капиталиста-предпринимателя прибылью признается та сумма, которая получается *сверх* вложенного в производство капитала и процентов на него. Это дела не меняет: капиталист-предприниматель выступает тут в двойственной роли—как ратье (он ставит себя на место кредитора, которому он должен бы заплатить, если бы одолжил у него такую-то сумму капитала) и как предприниматель (получающий предпринимательскую прибыль).

§ 107. Абсолютная и дифференциальная земельная рента. Земля, как мы знаем (см. § 5), является общим предметом труда. Всякий процесс производства совершается на каком-нибудь пространстве земли (сооружение на ней промышленных построек) или над ее поверхностью (земледелие), а иногда и над теми естественными предметами труда, которые отрываются от земли на этом пространстве (добывание ископаемых, рыбная ловля, лесные порубки, охота и т. д.). В то время как сырые материалы имеют стоимость (так как на них затрачено определенное количество труда), земля и ее недра стоимости не имеют (так как они созданы природой, а не человеческим трудом). Но так как разные участки земли имеют владельцев, обладающих ею на правах частной собственности¹⁾, т.-е. захвата отдельными людьми, а владелец уступает ее в пользование других людей не иначе как за вознаграждение, за известную сумму денег или другую стоимость, то за что же он получает это вознаграждение? За *предоставление производителю или организатору производства (предпринимателю) права приложения общественного труда к предмету труда*, собственником которого он является. *Поскольку его доход возникает не из его личной деятельности в производстве, а из обладания земельной собственностью, он называется земельной рентой.*

¹⁾ Мы не можем тут останавливаться на вопросе о том, как возникла частная собственность на землю. Укажем только, что частная собственность на землю существовала не всегда и не везде. Она возникла—не везде одновременно—с переходом человека к *оседлому* земледелию (при чем долго формы общинной собственности распространялись на определенные участки земли). В данное время земля в культурных странах принадлежит частным собственникам или (в Союзе Советских Социалистических Республик) государству. Есть, однако, места на земном шаре (на «темном материке» Африки, например), где земля не составляет ничьей собственности.

Ренту землевладелец получает в виде арендной платы (если он землю отдает в аренду)¹⁾, или в виде процентов с капитала, если он землю продает. В последнем случае сумма процентов равняется обыкновенно арендной плате: если арендная плата равняется, положим, 400 р., то землевладелец продает свою землю за такую сумму денег, кредитный процент на которую составляет 400 р. (при 4% эта сумма будет равняться 10.000 р.). Он получает ренту непосредственно от капиталиста-предпринимателя, но, поскольку она составляет стоимость, она должна создаваться и создается трудом; источником земельной ренты (как и процентов на капитал) является «фонд прибавочной стоимости».

И именно потому, что капиталист-предприниматель и капиталист-землевладелец черпают свой доход из одного источника, между ними кипит вечная борьба за право наибольшего грабежа рабочего: каждый из них стремится урвать из прибавочной стоимости возможно больше: землевладелец стремится получить возможно большую ренту, капиталист-предприниматель—дать возможно меньшую. Успех этой борьбы достается тому, кто сильнее в данный момент, т.-е. тому, кто занимает наиболее выгодное положение на земельном рынке: тут, как и в других случаях, решает вопрос отношение между спросом и предложением. Этим определяется общая сумма ренты, получаемой всеми землевладельцами из фонда прибавочной стоимости, но распределение земельной ренты между землевладельцами не только пропорционально размерам уступаемых в пользование или продаваемых земельных владений (как она распределяется между ратье-кредиторами), но и сообразно с различием в экономических выгодах, которое обуславливается разными природными свойствами земли в разных местах. Если данный участок земли плодороден менее других, если он удален от рынка сбыта или источников сырья, необходимого для организуемого на нем производства, и т. п., то рента, получаемая данным землевладельцем, будет меньше ренты, получаемой владельцем земельного участка таких же размеров, но более выгодного в отношении природных свойств. И ясно почему: на худшем участке капиталист-предприниматель получит при тех же затратах на средства производства,—рабочую силу и перевозку,—меньше продуктов - товаров, чем его конкурент на лучшем участке, и если он будет платить землевладельцу такую же ренту, как его конкурент, он должен будет повысить цены на свои товары (главным образом, на хлеб и другие продукты сельского хозяйства), что может привести его к краху. Так как на худшую землю спрос уступает ее предложению, то капи-

¹⁾ Аренда—временное пользование за определенную плату.

талист-предприниматель может уменьшить ренту до таких размеров, чтобы он мог продавать свои товары по средним ценам. Если цена хлеба будет ниже этих цен, земледелие сократится, и цена хлеба повысится вследствие пониженного предложения. С другой стороны, если известный участок земли представляет максимальные природные выгоды, то землевладелец, пользуясь конкуренцией между капиталистами-предпринимателями, предъявляющими увеличенный спрос на его землю, повысит ренту до таких размеров, чтобы капиталист не мог продавать свои товары по ценам выше средних (но, однако, и не ниже их: в противном случае начнется отвлечение капиталов, которое изменит отношение спроса и предложения в худшую для землевладельца сторону и понизит ренту). *Цена хлеба таким образом определяется издержками производства при наихудших природных условиях, средней прибылью предпринимателя и рентой с наихудшего участка земли или абсолютной рентой.*

Из вышесказанного ясно, что земельная рента отличается от предпринимательской прибыли тем, что она бывает разная, между тем как прибыль стремится к одной, средней норме. Рента с наихудшего участка земли (минимальная) называется абсолютной; рента, получаемая сверх абсолютной, называется *дифференциальной* (от латинского слова *differentia*—разница).

Цена хлеба, выведенная вышеприведенной формулой, совпадает с ценой хлеба, выведенной из средних издержек производства,—средней прибыли и средней ренты, ибо издержки производства на наихудшей земле настолько больше средних издержек (на средней земле), насколько абсолютная рента меньше средней ренты. Положим, что предпринимателем затрачено на производство 6.000 пуд. хлеба на наихудшем участке 5.000 р. зол. при абсолютной ренте в 300 р. и средней прибыли 6%. Цена одного пуда хлеба тогда будет:

$$\frac{5000 \text{ руб.} + 300 \text{ руб.} + 300 \text{ руб.}}{6000} = 93\frac{1}{3} \text{ коп.}$$

Представим себе теперь, что предприниматель «работает» на земле средних природных достоинств и получает ту же среднюю прибыль в 6% и что при тех же издержках производства он получит хлеба вдвое против прежнего участка. Это значит, что участок вдвое меньший прежнего при половинных издержках производства даст те же 6.000 пуд. хлеба. Издержки производства 6.000 пуд.

будут равняться $\frac{5000}{2} = 2500$ р., прибыль — 150 р., а рента — 2950 р. Цена хлеба будет:

$$\frac{2500 + 150 + 2950}{6000} = 93\frac{1}{3} \text{ коп.}$$

Работая на земле высшего качества, предприниматель, положим, получит при тех же издержках производства тройное количество пудов хлеба. Тогда издержки производства 6000 пуд.

будут равняться $\frac{5000}{3} = 1666 \text{ р. } 66\frac{2}{3} \text{ к.}$, средняя прибыль (при

6%) 100 р., а рента 3833 р. $33\frac{1}{3} \text{ к.}$ Цена хлеба будет:

$$\frac{1666 \text{ р. } 66\frac{2}{3} \text{ к.} + 100 \text{ р.} + 3833 \text{ р. } 33\frac{1}{3} \text{ к.}}{6000} = 93\frac{1}{3} \text{ к.}$$

§ 108. Цена земли. Продавая свою землю, землевладелец берет за нее известную сумму денег, пропорциональную той годовой ренте, которую он получал бы, если бы он сдавал эту землю во временное пользование. *Покупная цена земли есть капитализированная рента*, т.-е. рента, замененная капиталом, дающим равную ей кредитную прибыль. Так как размер ренты подчиняется закону спроса-предложения, то и цена земли подчиняется этому закону конкуренции—цена земли в этом отношении не отличается от цены всяких других товаров.

Но цена всякого товара, являющегося продуктом труда, а потому имеющего стоимость, возмещает капиталисту (с некоторыми отклонениями, обусловливаемыми спросом-предложением) общественную стоимость этого товара; цена же земли не возмещает никакой стоимости, так как сама по себе земля не имеет стоимости. Цена земли есть та же рента, но в другой форме, в форме денежного капитала, дающего ту же годовую ренту. В том, что землевладелец получает определенную часть общественной стоимости только за то, что он дает возможность приложения общественного труда к его собственности, нет ничего удивительного. Вся система капиталистической эксплуатации на этом и построена. Прибыль капиталиста-предпринимателя имеет ту же основу: он присваивает себе стоимость, созданную рабочим, исключительно на том основании, что он является владельцем средств производства и что дает рабочему возможность приложения своего труда к его, капиталиста, собственности.

§ 109. Налоги. Для того, чтобы держать в повиновении рабочий класс, создающий для «высших классов» и прибыль и ренту, должна существовать организация, которая охраняет частную собственность на средства производства (как данные природой, так и созданные трудом). Ясно, что организация, охраняющая такой «порядок», проводящая систему таких мер, которые направлены к защите интересов одних групп за счет других, есть классовая организация, т.-е. организация, созданная в интересах одного класса—буржуазии,—в интересах его господства. Такой организацией является буржуазное

государство — сила, дающая возможность закреплять и воспроизводить существующие производственные отношения,—сила, охраняющая капиталистическую структуру общества. *Буржуазное государство есть орудие классового господства буржуазии.* Деятельность государства, направленная к обслуживанию—в самых различных формах и мероприятиях—интересов господствующего класса, выполняется людским аппаратом (правительством и рядом примыкающих к нему организаций). Для оплаты этого людского аппарата, как и для осуществления всех мероприятий буржуазного государства, нужны средства. Откуда они берутся? Они извлекаются при помощи *налоговой системы* из общественного дохода. Из какой части общественного дохода черпаются налоги—из заработной платы или прибавочной стоимости? Хотя налоги (в разной форме) уплачиваются всей массой населения, следовательно главным образом трудящимися, они тем не менее черпаются из части, взимаемой с наемных рабочих, из прибавочной стоимости, ибо заработная плата находится всегда на уровне необходимых средств существования, и всякое ее сокращение должно вызвать вымирание или, в лучшем случае, дисквалификацию (ухудшение качества труда) рабочей силы. В капиталистической действительности дело происходит так: при *косвенных налогах* (т.-е. налогах на вступающие в обращение товары), составляющих во всех странах главный источник государственных доходов, происходит вздорожание товаров и уменьшение реальной заработной платы, что вызывает повышение номинальной заработной платы, т.-е. сокращение доли прибавочной стоимости; к тем же результатам в конечном итоге ведут и прямые налоги (т.-е. налоги на недвижимое имущество, капиталы, доходы, подушные налоги и т. д.).

Хотя и косвенные и прямые налоги черпаются из одного и того же источника—из фонда прибавочной стоимости,—тем не менее рабочий класс во всех странах стремится к установлению единого прямого *подоходного и прогрессивного налога, т.-е. налога, взимаемого с дохода, превышающего определенную величину* (величину трудового дохода) *и возрастающего в процентном отношении по мере роста дохода.* Дело в том, что при косвенных налогах заработная плата сокращается *немедленно*, но восстанавливается (до полной стоимости рабочей силы) не так быстро и не так легко: капиталист, как мы видели в § 98, стремится удержать рабочего на уровне минимума животного существования и не прочь отнести налоги (т.-е. содержание буржуазного государства—аппарата капиталистической эксплуатации) на счет рабочего, на счет сокращения его заработной платы. Только путем упорной борьбы рабочие добиваются возврата к прежнему уровню жизни, пониженному вследствие вздорожания жизненных средств.

Энергия борьбы рабочему классу нужна для слишком многих целей, чтобы не добиваться упразднения косвенных налогов раз-на-всегда.

В странах со слабо развитым капитализмом огромное большинство плательщиков составляют мелкие самостоятельные производители (крестьянство, ремесленники, кустари и т. д.); косвенные налоги в таких странах являются мощным насосом, выкачивающим главную массу налоговых поступлений (в России до революции—около $\frac{4}{5}$) из мелкого трудового хозяйства, что ускоряет (на-ряду с другими причинами, о которых мы говорили в §§ 81—85) его разорение.

В коммунистическом обществе никаких налогов—ни косвенных, ни прямых—не будет: *весь* общественный продукт будет поступать в распоряжение трудящегося общества и целесообразно распределяться. В Советской России коммунизм еще пока не осуществлен, но государство трудящихся напрягает все силы к подготовке условий, необходимых для его осуществления. Государству диктатуры пролетариата приходится отстаивать вооруженной силой свое существование и возможность творческой работы; для этого ему нужно содержать армию (Красная армия). Для налаживания хозяйства, разрушенного войной империалистической и гражданской, ему нужно содержать людской аппарат. Для укрепления и развития крупной промышленности, находящейся в руках рабочего государства, ему нужны предварительные средства. Средства ему нужны и для поднятия сельского хозяйства, для целей народного просвещения, для содержания инвалидов и потерявших трудоспособность и т. д. Пока не налажено сосредоточение в руках государства всех средств и пока не установлено коммунистическое распределение, эти нужные государству средства приходится добывать посредством налогов. По декрету В.Ц.И.К. после октябрьской революции, и до 30 октября 1918 г., был установлен единовременный налог в 10 миллиардов рублей, а по декрету 31 октября того же года местным советам разрешалось устанавливать единовременные налоги на буржуазию. Это мероприятие не могло быть, однако, проведено до конца, так как вскоре началась национализация промышленности, бегство буржуазии и т. д.—и налоги не могли быть полностью взимаемы. В условиях новой экономической политики наше государство может использовать налоги в целях сокращения эмиссии (что должно привести к укреплению финансового положения республики) и поддержания государственных предприятий за счет частных. Так как для полного проведения прогрессивного подоходного налога требуется гибкий налоговый аппарат и точный учет имущества и доходов, который может наладиться в результате лишь многолетней работы, то для извлечения необходимых средств советскому правительству приходится прибегать и к косвенным налогам. Не надо забывать одного: в буржуазном государстве налоги являются той частичкой прибавочной стоимости, которую буржуазия отдает *своим* агентам, в целях укрепления *капиталистического* строя, в целях сохранения и уве-

личения возможности эксплуатации рабочего класса и всех трудящихся; в пролетарском государстве налоги должны послужить целям укрепления пролетарского государства и его промышленности и в интересах всех трудящихся. Ружье всегда будет ружьем, но лучше для пролетариата, когда оно в *его* руках, а не в руках его классового врага—буржуазии...

§ 110. Прибавочная стоимость—источник прибыли, ренты, процентов на капитал. При капиталистическом способе производства общественный продукт, произведенный общественным трудом, только в одной части (в доле заработной платы) достается при распределении рабочему классу, т.-е. тому общественному классу, который хотя и производит этот продукт, но *прилагает свой труд к средствам производства, ему не принадлежащим*. Львиную же долю общественного продукта составляет прибавочная стоимость, продукт неоплаченного труда. Этот прибавочный продукт распределяется между разными группами одного и того же класса, занимающего в производстве положение владельца средств производства, но не прилагающего к нему своего труда. Прибыль (доход капиталиста-предпринимателя), рента (доход капиталиста-землевладельца), проценты на капитал (доход денежного капиталиста-кредитора)—все это черпается из одного фонда прибавочной стоимости, из неоплаченного труда рабочего класса, все это является результатом эксплуатации одного класса другим.

§ 111. Основные классы капиталистического общества. Капиталистическое общество—можем мы теперь сказать—делится на два основных класса: 1) *пролетариат*—класс наемных рабочих, располагающих только своей рабочей силой, превращаемой в товар, *отдающий прибавочную стоимость*, и 2) *буржуазию*—класс владельцев средств производства, *получающий прибавочную стоимость*. Характер отношений между этими двумя основными классами в распределении (один *получает* долю дохода, им не произведенную, другой *отдает* долю дохода, им произведенную) определяется их отношением в производстве (первый владеет средствами производства, второй—ими не владеет).

По форме своего дохода (прибыль, рента, проценты на капитал) буржуазия распадается на группы, интересы которых часто сталкиваются между собой и враждебны друг другу. «Борьба прибыли с рентой» вписала не мало страниц в историю общественной борьбы между промышленным капиталом и крупным землевладением,—борьбы, которая постоянно раздирает господствующий класс эксплуататоров, но которая время от времени вспыхивает с огромной силой. С развитием крупной капиталистической промышленности (предъявляющей спрос на землю для всякого рода предприятий и для эксплуатации недр, долго дремавших

под зеленым покровом сельскохозяйственных полей) происходило быстрое возрастание ренты, обгонявшее часто рост прибыли, т.-е. возрастала доля прибавочной стоимости, присваиваемой крупным землевладением руками промышленного капитала. Это, конечно, не очень нравилось промышленному капиталисту (который не прочь присвоить всю прибавочную стоимость себе), и он боролся против этого факта разными способами: он добивался у буржуазного государства, часто колебавшегося между интересами этих борющихся групп, одинаково дорогих его сердцу, законодательных актов ¹⁾, разрешающих ввоз более дешевого хлеба из отсталых (в капиталистическом отношении) стран; он колонизовал обширные плодородные равнины Южной и Северной Америки, Южной Африки, Австралии и связал их с рынками хлебного сбыта, что сильно подорвало власть крупного землевладения в «родной стране», и т. д.

Надо, однако, помнить, что эта внутриклассовая борьба ничего общего не имеет с классовой борьбой пролетариата. Борьба одной группы буржуазии против другой есть борьба за прибавочную стоимость, за захват большей ее доли; борьба рабочего класса есть борьба за уничтожение прибавочной стоимости, т.-е. за уничтожение эксплуатации.

Распадение общества на эти два класса произошло не всюду в одинаковой степени. Во многих странах, не достигших завершенного капиталистического способа производства, между буржуазией и пролетариатом существует ряд промежуточных классовых группировок: ремесленники, крестьянский середняк и вообще самостоятельные мелкие товаропроизводители. По отношению к главному фактору расслоения общества на два противоположных и враждебных класса,—по отношению к фонду прибавочной стоимости—эти группы занимают (формально) нейтральное положение: поскольку они сами производят, они не получают прибавочной стоимости (или пользуются ею в такой ничтожной степени, что она не упраздняет необходимости их личного труда); они и не отдают прибавочной стоимости, так как имеют свое «собственное хозяйство». Это, однако, только формально; фактически эти «самостоятельные» товаропроизводители непрерывно раздавливаются тяжелой пятой капитализма: они непрерывно разоряются и пролетаризируются, с одной стороны, и подвергаются (пока остаются формально самостоятельными) эксплуатации в разных формах.

¹⁾ Историческим примером такой борьбы может служить история так называемых «хлебных законов» в Англии. Пользуясь своим влиянием на законодательную власть, крупные землевладельцы в Англии добились «хлебных законов», допускавших ввоз хлеба из других стран лишь в том случае, когда цена местного хлеба достигала высокой нормы. Это сильно повысило ренту, но невыгодно было для промышленной буржуазии, которая вынуждена платить рабочим больше, чем при дешевом хлебе. После долгой борьбы (крупным вождем которой был Кобден) она добилась в 1846 г. отмены этих законов.

§ 112. Классовая борьба пролетариата и рабочие организации.

Мы могли убедиться, что все законы развития капитализма направлены против рабочего класса. Развитие капиталистического общества идет в таком направлении, что общественный труд становится исключительным уделом рабочего класса, общественное богатство—достоянием буржуазии (см. §§ 109, 110); общество таким образом живет *на счет пролетариата*. Это развитие приводит, с одной стороны, к небывалому в мировой истории накоплению, а с другой—к перепроизводству трудящегося населения, к образованию резервной армии промышленности, к необеспеченности, безработице, нужде и вымиранию. Оно приводит к такому распределению благ, при котором интересы непроизводящего класса (прибыль и рента) удовлетворяются на счет интересов производящего класса (заработной платы). Словом, оно приводит к полной противоположности интересов буржуазии и пролетариата, к такой бездне противоречий между ними, которая не только не может быть устранена в рамках буржуазного общества, но которая все более становится непроходимой. Это ведет к великим столкновениям между двумя классами.

Буржуазные прихвостни, ученые, буржуазные экономисты и политики, в униссон с которыми часто поют и мелко-буржуазные «социалисты» и социал-соглашатели всех мастей, лезут из кожи вон, чтобы доказать, что между интересами буржуазии и пролетариата не только нет пропасти, но и есть связь, сходство, близость в интересах «всего общества»: рост богатства в интересах всего общества, следовательно, в интересах буржуазии, владеющей этими богатствами, но и в интересах пролетариата, который при «разумной», «умеренной» и «законной» борьбе может достигнуть некоторого улучшения своего положения, увеличения своей доли общественного дохода. Отсюда, мол, вытекает необходимость не острой классовой борьбы, а «сотрудничества классов», не социальные противоречия, а «социальная гармония». Еще нигде самый дикий вздор не облакался с таким бесстыдством в форму логики и науки, как в этом случае. В самом деле, допустим на одну минуту фактическую правильность утверждения, что интересы пролетариата выигрывают (т.-е. заработная плата увеличивается для всего пролетариата) от роста «народного богатства» еще в рамках буржуазного общества (т.-е. от капиталистического накопления). Ослабляются ли противоречия и в этом (на самом деле не существующем) случае? Чтобы ответить на этот вопрос, представим себе два случая: 1) когда заработная плата возрастает только абсолютно (т.-е. увеличивается количественно, но не за счет прибавочной стоимости); 2) когда она возрастает относительно. В первом случае, если рост заработной платы будет сопровождаться еще большим ростом прибавочной стоимости (прибыли и ренты), то пропасть между рабочим классом и буржуазией углубится, противоречия обострятся. Во втором случае возрастет

переменный капитал, понизится органический состав капитала, уменьшится количество прибавочной стоимости и, следовательно, размер ее капитализации. Не только не будет роста капиталистического накопления, но наступит сокращение и отмирание накопления. Иначе говоря, получилось бы то, что рост накопления (порождающий будто бы высокую заработную плату) ведет к сокращению накопления. Это—такая дичь, такой «круглый квадрат», что только наемники буржуазии или придурковатые (в лучшем случае) соглашатели могут ее отстаивать. А ведь находятся такие наемники и такие глупцы, которые серьезно доказывают, что с развитием капитализма увеличивается экономическое значение пролетариата (т.-е. его доля в общественном доходе), и что рабочий класс таким образом мирно «завоевывает себе положение» в буржуазном обществе, «врастает» и постепенно может достигнуть, пожалуй, и социализма...

Итак, даже в лучшем случае, раз существует капиталистическое накопление, существует противоположность интересов буржуазии и пролетариата. На самом же деле этого лучшего случая нет и в помине. В период развития капитализма несколько повысилась заработная плата отдельных групп пролетариата, но пролетариат в целом очень мало выиграл в этом отношении, а многие его группы и проиграли. Но и между этими «выигравшими» группами и буржуазией постоянно углублялась пропасть противоречий, так как прибыль и концентрация капитала росли гораздо быстрее, чем заработная плата. С начала XX века стало замечаться понижение реальной заработной платы и для этих групп. В годы войны и после нее заработная плата неуклонно падала вниз.

Классовая борьба буржуазии имеет своей целью сохранение и укрепление капиталистического способа производства; классовая борьба пролетариата ведет к его уничтожению и установлению коммунизма. Но в этой борьбе пролетариат настолько в невыгодном положении, что он был бы раздавлен могущественной буржуазией, если бы он не вооружился великим средством борьбы—организацией своих сил на основе не только сознания цели борьбы, но и знания всех законов развития капитализма и успешного использования этого знания. В процессе пролетарской борьбы из рядов пролетариата выдвинулось объединение наиболее сознательных и активных рабочих, объединение, неуклонно ведущее борьбу в направлении уничтожения буржуазного общества и создания коммунистического объединения, вдохновляемого и вдохновляющего весь пролетариат учением великих учителей и вождей пролетариата—Карла Маркса и Фридриха Энгельса (и их последователей). Это объединение—политическая партия пролетариата—коммунистическая партия.

Более широкие объединения, профессиональные союзы, захватывают круги и таких рабочих, которые не ставят себе конечных целей

коммунизма, но которые вступают в бой с буржуазией за улучшение своего положения еще в рамках буржуазного общества. Борьба за сокращение рабочего дня и увеличение заработной платы—главная задача профсоюзов; стачка, бойкот и другие меры борьбы—средства борьбы. Профсоюзы возникли впервые в Англии, но вскоре они распространились по всему земному шару, по всем странам, где только кипит борьба между капиталом и трудом. Профсоюзы организуют широкие массы разрозненных рабочих в классовые объединения, в класс, противопоставляя алчности всесильного капитала коллективное действие, собирательную рабочую силу; партия организует ядро класса, руководящее классом во всем объеме его требований и нужд и направляющее все его действия к единственно решающей все задачи пролетариата цели—коммунизму. Между партией и профсоюзами существует поэтому глубокая связь и близость.

В буржуазном обществе профсоюзы являются по преимуществу боевыми организациями рабочего класса, направляющими остроту своей борьбы против капиталистического класса и, следовательно, против буржуазного государства (хотя бы они это не всегда сознавали). В советском государстве,—государстве трудящихся, руководимом пролетарской диктатурой,—профсоюзы утратили свой боевой характер: класс не может бороться против себя, не могут организации рабочего класса бороться против государства рабочего класса. Но их значение, однако, не только не ослабело, но сильно возросло. Они являются самыми близкими пролетарскому государству и пролетарской партии пособниками в строительстве нового хозяйства и общества. Участвуя в подготовительной, плановой и учетной работе государства, они делаются практической школой коммунизма: они приучают рабочих к управлению хозяйством и производством.

В отношении к государственной промышленности профсоюзы играют огромную роль в качестве организующего начала, поскольку требуется поднятие рабочей дисциплины и производительности труда; там же, где неумелое управление «приказчиков советской власти» (администрации государственных предприятий) ведет к ухудшению положения рабочих и к столкновениям, профсоюзы (при полном сочувствии государства) играют роль обуздывающего «бюрократические извращения» фактора. Это—борьба не против государства, а неумелых приказчиков государства (а следовательно, и приказчиков рабочего класса). Там, где рабочие имеют дело с частными предпринимателями (в частных арендованных предприятиях с числом рабочих не больше 20 или предприятиях, сданных по концессии—с особого разрешения правительства), профсоюзы организуют борьбу рабочих против эксплуататорских устремлений предпринимателей, встречая со стороны государства всемерную помощь в этом деле и полную готовность государства подавить всякое классовое нападение только терпимых частных предпринимателей. Между проф-

союзами и государством таким образом общий язык, у них—одна дорога...

Весьма важное значение для рабочего класса имеет *кооперация*—организация, хотя и не чисто рабочая (так как она объединяет не только наемных рабочих, но и трудовых мелких собственников), но в общем и целом способствующая организации сил рабочего класса и улучшению его положения. Все виды кооперации (потребительской, сельско-хозяйственной, кустарно-промысловой, кредитной) преследуют одну цель—борьбу с мелким и средним капиталом в лице посредника и ростовщика. Потребительская кооперация, закупая на суммы, составленные из членских взносов, нужные рабочим и трудящимся товары из первых рук, может продавать их дешевле и лучшего качества; она избавляет таким образом трудящегося-потребителя от капиталиста-лавочника. Сельско-хозяйственная кооперация организует коллективный сбыт продуктов, произведенных отдельными хозяйствами,—ее членами,—и способствует улучшению в них производства и организации коллективных мастерских (для починки орудий) и коллективной первичной обработки продуктов. Промыслово-кустарная кооперация организует такие же совместные усилия мелких производителей-кустарей (объединенная продажа изделий, совместная закупка материалов для работы, коллективная организация заводов и мастерских с усовершенствованными способами производства). Кредитная кооперация ставит своей целью устранение посредника-ростовщика. Выдавая преимущественно мелким производителям ссуды за небольшие проценты, она этих производителей часто избавляет от кабалы, в какую бы они попадали в затруднительные минуты к частному ростовщику. Кроме того, кредитные кооперативы служат сберегательными кассами для своих членов. В случае накопления денежных сумм они вступают обыкновенно на путь бытовых, закупочных и производственных операций.

Кооперация пользуется значительной поддержкой Советского государства. Ей предоставляются широкие права в отношении организации промышленных предприятий. В то время как частным лицам сдаются в аренду предприятия с числом рабочих не больше 20, кооперация этого ограничения не знает. Государство помогает кооперации денежными ссудами, закупкой через нее сырья, проведением при ее помощи ряда мер, клонящихся к поднятию уровня сельско-хозяйственной промышленности и т. д.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

ПОНЯТИЕ О РЫНКЕ И КРИЗИСЫ.

§ 113. Процесс реализации товарного производства. В натуральном хозяйстве, ставящем своей конечной целью потребление произведенных продуктов, процесс производства можно считать реализованным (осуществленным, завершенным), когда заранее predetermined (на известный период времени) продукты изготовлены в пригодном для потребления виде.

Потребление, завершающее один цикл (круг) производства, дает начало новому производственному циклу: если изготовлено достаточное количество средств существования участников данного производства (хлеба, мяса, молочных продуктов, дров и т. д.) и средств продолжения самого производства (семян, рабочего скота, рабочих построек и т. д.), то их потребление дает возможность воспроизводства. Потребление средств существования восстанавливает рабочую силу, потребление средств производства дает возможность приложения труда к средствам производства, т.-е. возможность самого процесса производства. Другое дело с товарным хозяйством. Тут недостаточно закончить изготовление продукта, т.-е. сделать его пригодным для потребления. Тут продукт готовится не для собственного потребления (личного или хозяйственного—производительного потребления), а для продажи. *В товарно-капиталистическом хозяйстве производственный цикл можно считать реализованным лишь тогда, когда произведена реализация товаров, в этом хозяйстве изготовленных, т.-е. продажа их на рынке.* Реализация товаров, произведенных в течение одного цикла производства, дает начало новому товарно-производственному циклу: только продажа товаров дает капиталистическому предприятию возможность воспроизводства—возможность купить новые средства производства и новую рабочую силу.

Из вышесказанного следует, что для беспрепятственного процесса капиталистического производства необходим непрерывный процесс реализации товаров.

§ 114. Значение рынка для непрерывного процесса капиталистического производства. Реализация товаров—необходимое условие продолжения процесса капиталистического производства—предполагает покупателей с количеством, покупательных средств (или, в развитом меновом обществе,—денег), достаточным для покупки предлагаемых товаров. Продажа предполагает покупку. *Всю массу покупателей товаров* принято называть *рынком*. Мы говорим о *местном рынке*, когда реализация товаров не выходит за пределы данной местности, когда их продажа рассчитана на местных покупателей. Мы имеем дело с *внутренним рынком*, когда речь идет о массе покупателей, находящихся внутри данного капиталистического государства, с *внешним рынком*, когда масса покупателей находится вне пределов данного государства. Теперь ясно, что конъюнктуры (условия) рынка определяют в капиталистическом обществе самую возможность продолжения процесса производства тех или иных товаров: находят эти товары покупателей—процесс их производства будет продолжаться, не находят—процесс производства прекратится. Рынок держит в своих руках судьбу производства, он решает вопрос как о самом существовании производства, так и расцвете его или прозябании и даже гибели.

Рынками называли раньше (да еще и теперь называют) центры меновых сношений, пункты, куда сходятся или съезжаются продавцы и покупатели разных товаров. При слабо развитом обмене для совершения меновых сделок существовали определенные местности (в средние века—города) и определенные дни в году. С развитием товарно-капиталистического производства и с усовершенствованием путей сообщения сношения между людьми настолько облегчились, что меновые сделки, акты купли-продажи, можно совершать, находясь на далеком друг от друга расстоянии (с тем, чтобы в определенное время доставить товары на условленное место). Понятие рынка, относившееся раньше к определенному месту схождения продавцов и покупателей, расширилось и распространилось на огромный круг покупателей, где бы они ни были.

§ 115. Движение рыночных цен—регулятор процесса производства. Для того, чтобы предприниматель продолжал процесс производства, ему нужно не только продавать свои товары, но продавать по известным ценам, по ценам производства (см. выше § 104). Организуя производство своих товаров, предприниматель не знает ни кто их купит, ни сколько их купят. Он производит товары вслепую. Он даже не знает точно, по каким ценам он запродаст свои товары. Если их окажется слишком много, если спрос на товары его и других товаропроизводителей будет меньше предложения, начнется конкуренция, каждый предприниматель будет стремиться поскорее сбыть свои товары хотя бы по более низким ценам; цены падут. Если спрос

будет выше предложения—цены поднимутся. В первом случае все товаропроизводители начнут сокращать производство; некоторые (мелкие) производители потерпят крах; в результате сокращения производства, а следовательно, и предложения данных товаров, цены поднимутся. Во втором случае (когда на рынке обнаруживается спрос, превышающий предложение) предприниматели начнут расширять свое производство, увеличится предложение (при прежнем спросе), и цены начнут падать. Рынок таким образом обуславливает не только существование производства, но и его сокращение и расширение до известных размеров. Дальше, так как крупный предприниматель может продержаться определенное время при неблагоприятных ценах, а мелкий не может долго держаться и погибает, то рынок в общем обуславливает гибель самостоятельного мелкого товаропроизводителя (его пролетаризацию) и сохранение и рост крупного. Конкуренция на рынке побуждает крупного предпринимателя расширять свое производство и вводить машины и технические усовершенствования, благодаря которым товары будут дешевле и одержат победу в рыночном бою. Рынок таким образом обуславливает и органическое и техническое строение капитала, вложенного в производство. Словом, рынок—эта стихийная, не зависящая от воли человека, сила—повелевает всеми действиями капиталистического предпринимателя; движение рыночных цен—его волей к производству или предпринимательскому небытию.

§ 116. Цепная связь между отраслями промышленности. Для процесса реализации и, следовательно, для беспрепятственного течения капиталистического производства большое значение имеет цепная связь между разными отраслями промышленности, т.-е. *зависимость одних отраслей промышленности от других, являющихся для них рынками*. Каждая отрасль промышленности является рынком для целого ряда других отраслей, из которых каждая, в свою очередь, также является рынком для ряда отраслей. Она является рынком как для средств производства (в постоянной части своего капитала), так и для средств потребления (в переменной части капитала и той доле прибавочной стоимости, которая расходуется на индивидуальное потребление капиталистов). Для примера возьмем хотя бы издательское дело. Изготовление книг требует таких средств производства, как бумага, шрифт, печатные машины, химические краски, цинк и медь для клише и т. д. Издательская отрасль промышленности является, следовательно, рынком (т.-е. покупателем) для бумажных фабрик, словолитен, машиностроительных заводов, металлической промышленности и т. д. Подобное явление мы увидим в отрасли бумажной, химической и др.

Всякое изменение рынка для одной отрасли промышленности отражается на всех других, находящихся с ней в цепной связи. Увеличение спроса на товары данной отрасли промышленности и обусловленное этим расширение производства вызывают расширение производства (в меньшем масштабе) в ряде отраслей, находящихся с ней в связи; расширение производства в каждой из последних вызывает расширение производства (в еще меньшем масштабе) во всех отраслях, изготовляющих для них средства производства, и т. д. Если в приведенном примере повышенный спрос на книги вызовет в издательской отрасли промышленности увеличение издержек производства на 4.000.000 зол. руб., то это повлечет за собой увеличение сбыта бумаги на 1.600.000 зол. руб. (40% себестоимости книги); увеличение сбыта в химической промышленности на 200.000 руб. (5% себестоимости книги), сбыт новых машин ¹⁾ на 800.000 руб. и т. д.

Положим, что это расширение во всех отраслях промышленности, находящихся в прямой связи с издательской, выразится в цифре 3.000.000. В свою очередь бумажные фабрики вызовут увеличение сбыта древесины, машин и пр.; машиностроительные заводы, поставляющие печатные и наборные машины, и словолитни предъявят увеличенный спрос на металлы и т. д. Будет вызвана новая волна расширения в ряде отраслей, с которыми связаны все отрасли промышленности, находящиеся в прямой связи с издательской. Волна расширения идет по звеньям цепи все ослабевая, пока не затихнет совсем. Ко всему этому надо прибавить увеличение количества рабочих и прибыли капиталистов, что вызывает увеличение сбыта и, следовательно, производства средств существования.

Не трудно догадаться, что и уменьшение спроса на товары какой-нибудь отрасли промышленности, а следовательно, и сокращение в ней производства вызовет волны сокращения во всех отраслях промышленности, находящихся с первой в цепной связи.

Из вышесказанного ясно, что реализация товаров всех отраслей промышленности будет идти гладко только до тех пор, пока каждая из них производит столько, насколько предъявляют спрос другие отрасли промышленности, находящиеся с ней в цепной связи. Нарушение соотношения между производством и сбытом в одной отрасли

¹⁾ Обыкновенно увеличение продукции делается не только на счет новых машин, но и на счет усиленной работы старых (работают 2 или 3 смены; привлекаются такие машины, которые раньше не были в работе, и т. д.); это ускоряет изнашиваемость машин и их приведение в негодность, и если не теперь, так несколько позже, придется купить новые машины. Такое явление, как увеличение спроса на печатное слово, учитывается машиностроительными заводами в смысле увеличения своей продукции.

промышленности вызывает нарушение этого соотношения в ряде других. Подробнее мы этот вопрос рассмотрим в §§ 117—119.

§ 117. Производство средств производства и производство средств потребления. Все отрасли промышленности, находящиеся в цепной связи, могут быть подразделены на две группы:

I. Отрасли промышленности, производящие средства производства (рабочие постройки, машины и орудия, сырье и вспомогательные материалы и т. д.).

II. Отрасли, производящие средства потребления (хлебопекарни, колбасные фабрики, молочное производство и т. п.).

Влияние рынка на процесс капиталистического производства сказывается непосредственно на группе II, так как рынку—всей массе покупателей—нужны в первую голову средства существования; средства же производства нужны постольку, поскольку они служат для производства средств потребления. Группа I поэтому подвергается влиянию потребительного спроса через посредство группы II. Расширение потребительного рынка вызывает таким образом расширение рынка вообще и расширение производства в обеих группах.

Общее расширение рынка равняется (приблизительно) расширению потребительного рынка, деленному на среднюю норму прибыли. Так, если потребительный рынок расширился на 10.000.000, а средняя норма прибыли—10%, то общее расширение рынка будет равняться $10.000.000 : \frac{10}{100} = 100.000.000$. Это равенство выводится математически. При расширении на 10.000.000 и средней прибыли в 10%, добавочное количество средств производства и средств существования для рабочих (постоянный и переменный капитал) будет равняться 90% с 10.000.000, т.-е. 9.000.000 (первая волна расширения); для производства этих средств производства и потребления в отраслях промышленности, их поставляющих, потребуется там расширение в 90% с 9.000.000, т.-е. 8.100.000 (вторая волна расширения); третья волна расширения будет равняться 90% с 8.100.000, т.-е. 7.290.000, и т. д. Получится сумма бесконечно убывающей геометрической прогрессии, первый член которой равняется 10.000.000, а знаменатель $\frac{9}{10}$:

$$\begin{aligned} & 10000000 + 9000000 + 8100000 + 7290000 + \dots \\ & = \frac{10000000}{1 - \frac{9}{10}} = \frac{10000000}{\frac{1}{10}} = 100000000 \end{aligned}$$

При средней норме прибыли в 5% ($\frac{1}{20}$) общее расширение равнялось бы 20.000.000; при 4% оно равнялось бы 25.000.000 и т. д. *Чем меньше норма прибыли, тем больше общее расширение рынка.* Мы говорили выше «приблизительно равняется», потому что в экономической действительности норма прибыли не одинакова во всех отраслях промышленности, находящихся в цепной связи; она везде только *стремится* к средней норме прибыли.

В общем, однако, эти подсчеты передают сущность связей, имеющих в капиталистической действительности. Сужение потребительного рынка вызывает с такой же силой обратное действие — общее сужение рынка.

[Для тех, кто не знает алгебры. Геометрической прогрессией называется ряд чисел (членов прогрессии), из которых каждое последующее равняется предыдущему, помноженному на одно какое-нибудь число (которое называется знаменателем прогрессии). Так, ряд чисел 1 : 2 : 4 : 8 : 16 : 32 и т. д. будет геометрической прогрессией: тут каждый член прогрессии (например, 16) получается через помножение предыдущего (например, 8) на знаменателя прогрессии 2. Когда знаменателем будет дробь, меньшая единицы, прогрессия будет *убывающая*: числа будут уменьшаться, убывать. В вышеприведенном примере мы имеем убывающую прогрессию с знаменателем $\frac{9}{10}$.

10000000 : 9000000 : 8100000 : 7290000...

В алгебре доказывается, что сумма чисел бесконечно убывающей геометрической прогрессии равняется первому члену прогрессии, деленному на разность между единицей и знаменателем прогрессии (в данном примере $\frac{10000000}{1 - \frac{9}{10}} = 10000000 : \frac{1}{10}$).

Но 10.000.000 это — расширение потребительного рынка, $\frac{1}{10}$ — средняя норма прибыли, потому что 10% — это $\frac{10}{100}$ или $\frac{1}{10}$. Общее расширение, значит, равняется расширению потребительного рынка, 10.000.000, деленному на среднюю норму прибыли $\frac{1}{10}$.

Рассмотрим условия равновесия капиталистического производства, определяемые отношениями между находящимися в цепной связи группами I и II. Группа I часть средств производства, нужную для дальнейшего производства средств производства, оставляет для себя, а другую часть, нужную для производства средств потребления, она уступает группе II в обмен на средства потребления, нужные для ее рабочих и капиталистов. Группа II, в свою очередь, часть изготавливаемых средств потребления оставляет у себя для потребления своих рабочих и капиталистов, а другую часть уступает группе I в обмен на средства производства. Если в определенный производственный период обе группы производят сверх стоимости средств производства равноценные стоимости, которыми они обмениваются, то реализация товаров обеспечена. Группа I уступит группе II средства производства, равноценные по стоимости средствам потребления, уступаемым группой II группе I. В ходе производства не будет никаких нарушений, установится полное равновесие капиталистического производства. Мы тут будем иметь случай простого воспроизводства: в каждой из обеих групп воспроизводятся средства производства в прежнем размере, все, что сверх этого — переменный капитал

и прибавочная стоимость — потребляется рабочими и капиталистами.

Положим, что в конце определенного производственного периода группа I произвела товары, стоимость которых равняется:

1. 4000 постоянн. капит. + 1000 перем. капит. + 1000 приб. стоим. = 6000, а группа II — товары стоимостью:

2. 2000 пост. капит. + 500 перем. капит. + 500 прибав. стоим. = 3000. Группа I в этом случае обменивает средства производства стоимостью 2000 руб. (стоимость переменного капитала + прибавочная стоимость) на средства потребления стоимостью в 2000 р. (что равняется стоимости средств производства группы II). У группы I останутся средства производства в прежнем размере (4000 руб.), остальное будет потреблено рабочими (1000 руб. переменного капитала) и капиталистами (1000 руб. прибавочной стоимости). Группа II товары стоимостью в 1000 руб. потребляет сама (500 руб. переменного капитала пойдут на потребление рабочих, а 500 руб. прибавочной стоимости — капиталистов), товары стоимостью в 2000 руб. обменивает на средства производства группы I. У обеих групп восстанавливаются средства производства в прежнем размере (4000 и 2000), а реализация товаров обеих групп происходит без всяких нарушений.

§ 118. Перепроизводство. Описанное в § 116 равновесие в капиталистической действительности — явление редкое, даже невозможное: мы уже знаем, что капиталистическое производство стремится к *расширенному* производству, а в последнем случае процесс реализации происходит далеко не так гладко. Если бы потребление рабочих и капиталистов возрастало в такой же пропорции, в какой расширяется производство ¹⁾, равновесие сохранилось бы: расширение производства отвечало бы расширению потребительного рынка, реализация товаров протекала бы безмятежно, и процесс производства мог бы продолжаться без перебоев. На самом же деле расширение производства, как мы видели (см. выше § 79), сопровождается ростом капитализированных долей прибавочной стоимости (и, следовательно, относительным уменьшением потребительных ее долей) и повышением органического и технического строения, т.-е. относительным уменьшением количества рабочих. Сужение потребительного рынка вызывает значительное сужение рынка в целом при расширенном производстве. Система капиталистического производства нарушится. Получится в целом ряде областей значительный избыток товаров, реали-

¹⁾ Это возможно при следующих двух условиях: 1) когда количество рабочих увеличивается в той же мере, в какой расширяется производство, т.-е. когда не изменяется органический состав капитала — переменный капитал и постоянный одинаково растут; 2) когда капиталистами потребляется такая же доля прибавочной стоимости, какая капитализируется.

зация которых невозможна, — получится так называемое перепроизводство. Технический прогресс в отраслях производства средств потребления, вместе с расширением производства, вызывает удешевление товаров всеобщего потребления, что в свою очередь обуславливает расширение потребительного рынка. Равновесие может сохраниться. Но когда технический прогресс имеет место в отраслях производства средств производства при нерасширяющемся потребительном рынке, — перепроизводство неизбежно.

§. 119. Промышленные кризисы. Перепроизводство в известном ряде отраслей промышленности обнаруживается обыкновенно в капиталистической действительности в форме *внезапного и обширного потрясения всего капиталистического хозяйства* — в форме *промышленных кризисов*.

Чем объясняется эта внезапность? Отчего не обнаруживается тенденция перепроизводства постепенно?

Дело в том, что отдельные капиталисты-предприниматели не могут иметь точных сведений ни о состоянии промышленности в целом, ни о потребностях (и, главным образом, покупательной способности) всего населения. Если обнаруживается спрос на какие-нибудь товары, капиталисты-предприниматели, организаторы производства этих товаров, начинают «жарить» во-всю. Все стараются обогнать друг друга, чтобы захватить рынок, о котором они имеют весьма смутное понятие¹⁾. Они еще долго после того, как фактически *общее* расширение производства обогнало спрос на их товары, продолжают увеличивать массы товаров, которые они, подстерегаемые конкуренцией, выбрасывают на рынок. Это — период *скрытого* перепроизводства. Но наступает день, когда это обнаруживается — когда горы товаров не находят покупателей.

Глубина и обширность потрясения объясняется цепным строением капиталистического хозяйства. Резкое сокращение реализации товаров в определенных областях вызывает крушение ряда предприятий, обуславливающее кредитный кризис: эти предприятия не платят по обязательствам, многие кредитные учреждения разоряются, «публика» в паническом ужасе спешит изъять свои вклады из банков, вызывая этим их гибель. С другой стороны, резкое сокращение реализации

¹⁾ Учесть конъюнктуры современного рынка весьма трудно и даже невозможно. В понятие рынка входят новые районы сбыта, захватываемые теми или другими группами капиталистов, — колонии, отсталые некапиталистические страны, крестьянское хозяйство разных буржуазных государств. Получается крайне сложная, разнокалиберная и разбросанная масса покупателей, потребности, и, главным образом, покупательную способность которой в разные моменты трудно и даже невозможно учесть.

товаров вызывает и в промышленных сферах панику, сказывающуюся в резком сокращении производства в тех отраслях, где обнаружилось перепроизводство. Сокращение в этих отраслях, являющихся рынками для целого ряда отраслей, находящихся с ними в цепной связи, вызывает общее и притом огромное сокращение во всех областях. Огромная масса рабочих выбрасывается на улицу, а заработная плата для оставшихся у станков сильно понижается. Еще больше сокращается потребительный рынок, еще больше обостряется кризис.

С течением времени запасы товаров (не пополняемые вследствие общего сокращения производства) постепенно расходуются. Постепенно увеличивается спрос при сокращенном предложении. Уцелевшие от бури капиталисты приступают к расширению своих предприятий. Расширение производства становится вновь неудержимым, наступает новый «расцвет» промышленности, который неизбежно повлечет новый кризис со всеми его последствиями.

§ 120. Подъем, кризисы, застой. Из сказанного в §§ 117—119 явствует, что развитие капиталистического производства, идя в направлении все большего расширения, претерпевает, однако, периодические (постоянно повторяющиеся) колебания. Путь этого развития не прямой, а волнообразный. Каждая волна обозначается подъемом, кризисом, застоём. Стремление к расширению производства, вызываемое постоянной конкуренцией, ведет к подъему промышленности. Чем выше поднимается волна расширения производства, тем больше накапливается скрытой силы перепроизводства, а когда этот подъем достигает известной высоты, наступает кризис—потрясение всего хозяйственного организма, обозначаемое резким сокращением производства. За этим мгновенным ударом наступает период застоя в производстве, период, в течение которого накапливаются силы рынка, т.-е. всасываются излишки производства—наследие былого подъема,—и нарастает новый спрос.

Бешеная конкуренция, становящаяся еще более обостренной в период кризиса, и стремление наверстать потерянное побуждают уцелевших капиталистов вводить еще новые машины, более мощные и дорогие, чем в прежние периоды. Новый расцвет промышленности произойдет при увеличившейся производительности труда, при возросшем количестве средств производства, новое расширение производства будет больше прежнего. Воспроизводство совершится на расширенной базе. Но за более высоким подъемом наступит еще более страшный кризис... и так без конца.

§ 121. Неизбежность кризисов и противоречий в капиталистическом обществе—не только факт, повторявшийся в течение XIX и начала XX столетия, но и неизбежность. Кризисы неизбежны в силу крою-

щегося в самом способе капиталистического производства непримиримого противоречия между ростом производительных сил и неизбежно сопутствующим этому росту относительным сокращением потребительного рынка. Развитие производительных сил вообще обозначает рост общественного богатства, но в капиталистическом обществе этот рост происходит в форме капиталистического накопления, ведущего к относительному перенаселению, к сокращению покупательной способности трудящегося населения, а следовательно, и к сокращению потребительного рынка. Никакими сладкими словами, которыми буржуазные экономисты стараются прикрыть ужас для трудящегося общества такого положения, не замазать этой страшной щели в процессе капиталистического производства.

§ 122. Увеличение и уменьшение резервной промышленной армии. Главная тяжесть кризисов падает не на капиталистов, а на рабочий класс. Крупные капиталисты не только выдерживают натиск бури, но еще более усиливаются вследствие крушения их мелких конкурентов, сметенных с рынка бурей кризиса. Рабочий же класс в одной своей части совершенно лишается средств существования, а в другой—терпит резкое сокращение этих средств. Первая часть—это то огромное количество рабочих, которое выбрасывается на улицу вследствие вызываемого кризисом сокращения производства; вторая—это остающиеся в предприятиях рабочие, но которым резко уменьшается заработная плата. Это уменьшение обуславливается тем, что возрастает резервная промышленная армия, кадры которой умножаются как теми рабочими, которые выброшены кризисом из предприятий, так и теми мелкими товаропроизводителями, которых кризис пролетаризировал в один день. Конкуренция на рынке труда увеличивается, и заработная плата падает. Безработица, которая в капиталистическом обществе всегда существует (как и всегда существует резервная промышленная армия), но не всегда в одинаково больших размерах, приобретает теперь массовый характер, ужасающий по своим последствиям для огромных рабочих масс.

Когда начинается подъем, резервная промышленная армия начинает уменьшаться, рассасываться. Рабочие постепенно начинают приниматься на фабрики и заводы, расширяющееся производство всасывает обратно значительные кадры рабочих. До полного исчезновения резервной армии дело, однако, никогда не доходит: 1) потому, что резервная армия увеличилась за счет не только рабочих, но и мелких предпринимателей; 2) потому, что новое расширение производства происходит на почве повышенного технического уровня, что требует относительно меньше рабочих, чем раньше (до кризиса).

Таким образом та необеспеченность рабочего класса и та неустойчивость его положения, которые *постоянно* вызываются ростом капиталистического накопления и его неизбежным спутником — относительным перенаселением, образованием резервной промышленной армии (см. выше § 92), — в кризисах находят свое катастрофическое завершение. Медленные колебания превращаются для рабочего класса в величайшее потрясение, от которого он долго не может оправиться, потрясение, приносящее не менее, если не более, страшные бедствия, чем те стихийные бедствия (ураганы, пожары, нашествие саранчи, засуха, поваральные болезни и т. д.), которые постигали прежнее человечество, не вооруженное прогрессом техники и знания.

§ 123. Анархия производства. Все вышеописанные явления вытекают из неизбежной для капиталистического общества *анархии производства* — неорганизованности производства и распределения. Общественное производство не регулируется (управляется) сообразно потребностям общества, а совершается в силу стихийных и неожиданных повелений потребительного рынка и безудержных вспышек конкуренции. Распределение совершается не сообразно потребностям и трудовым усилиям, затраченным производителями — творцами благ, а сообразно величине захваченной доли средств производства (средняя прибыль), сообразно соотношению сил захватчиков (борьба между прибылью и рентой). Такое распределение создает «потребительный» рынок не из потребителей, а из покупателей, не из всех, кто нуждается в потреблении, а только из тех, кто получил некоторую долю общественного дохода в виде денег, на которые они могут купить предлагаемые товары. И когда говорят о сокращении потребительного рынка, это не значит, что потребности людей сократились или что потребности всех удовлетворены; наоборот, это значит, что масса потребностей не удовлетворяется и что число людей, совсем не могущих удовлетворять свои потребности, сильно возросло. Перепроизводство (и его последствия — кризисы и безработица) не означает лишнего производства, т.-е. превышающего количество продуктов, нужных человеческому обществу, а, наоборот, возрастание нужды в продуктах: миллионы людей не удовлетворяют своих самых элементарных потребностей, когда склады и полки ломаются от обилия продуктов... Резервная промышленная армия, безработица являются самым гнусным последствием анархии производства: вне производственного процесса остается огромная масса рабочей силы, которая могла бы творить нужные обществу полезности. Анархия производства таким образом создает жуткую хозяйственную бестолочь, выгодную кучке капиталистов, но гибельную для общественного хозяйства и общества в целом.

§ 124. Противоречие между общественным характером производства и частным характером присвоения. Может возникнуть вопрос: отчего именно капиталистическому хозяйству присуща анархия производства, а не всякому классовому обществу, например, феодальному или рабовладельческому?

Объясняется это тем, что в докапиталистических экономических структурах (хотя и построенных на классовом принципе) не было противоречия между характером производства продуктов и характером их присвоения; в капиталистическом же обществе это противоречие—и притом глубокое и непреодолимое—*есть*. Характер производства в феодальном хозяйстве был *частный*, связанный с потребностями данного *частного* хозяйства, с интересами его *частного* владельца. *Частным* был и характер присвоения: феодал, владеющий средствами производства (землей и хозяйственными сооружениями на ней), присваивал себе произведенный продукт, отдавая из него крестьянину-земледельцу столько, сколько нужно для восстановления рабочей силы,—остальное он потреблял сам. Поэтому, хотя технически феодальное хозяйство было организовано хуже капиталистического, но экономически оно было организовано, между тем как капиталистическое абсолютно неорганизовано: *феодальное хозяйство производило столько, сколько ему одному нужно*. И пока рука капитала (в начале торгового) не протянулась к этому хозяйству, оно в общем сохраняло равновесие.

Другое дело с капиталистическим производством. *Характер этого производства—общественный*: каждое отдельное хозяйство производит не для себя, а для других хозяйств, для всего общества; *но характер присвоения—частный*: капиталист, владелец средств производства (на началах частной собственности), присваивает себе весь продукт (ибо та часть продукта, которую он отдает рабочему в виде заработной платы, есть форма присвоения нужной рабочей силы). Для капиталиста—хозяина и организатора производства—*целью* производства является *частное присвоение* (и притом максимальное); *общественный же характер производства* является только *средством*: ему, капиталисту, никакого дела нет до общества, ему важна наибольшая прибыль, наибольшее присвоение. Но капиталистов много, все они преследуют свои частные интересы, заключающиеся в стремлении к максимальному частному присвоению, и все они обращаются к одному средству реализации их выгоды—к рынку. Возникает конкуренция и борьба, о последствиях которой мы говорили выше. *Пока будет существовать капитализм с его противоречием между общественным характером производства и частным характером присвоения (источником которого является частная собственность капиталистов на*

средства производства), анархия производства со всеми ужасными для трудящихся масс последствиями останется неизбежной и неотвратимой.

Буржуазные экономисты и политики любят прохаживаться насчет «узости», «непримиримой злобности» и т. д. коммунистов, говорящих о непримиримой классовой борьбе пролетариата: «возвышенные» «интересы общества» подменяются, мол, «грубыми» интересами класса. Да, коммунисты действительно говорят о непримиримой классовой борьбе и организуют и осознают ее во всем мире. Но не потому они «проповедуют» классовую борьбу, что им нравится «потеха жестоких битв» (эту честь можно оставить рыцарям буржуазного господства, прикрывающим всю жестокость и ужасы этого господства для огромного большинства человечества фиговым листочком слащавых «надклассовых» слов). Они не уклоняются от жестокости, если она неизбежна и необходима в той великой борьбе, участниками и организаторами которой они являются, но не жестокость, не месть, не «узость» являются их вдохновительницами. Ими двигает вынесенное из тщательного изучения и понимания законов развития капиталистического общества сознание, что непримиримое противоречие между интересами общества (не того «общества», о котором говорят буржуазные прихвостни, а общества—трудящегося коллектива) и капиталистического класса может быть уничтожено только с уничтожением капиталистического способа производства. Только непримиримая классовая борьба пролетариата, непримиримая вовсе не в смысле жестокости, а последовательности неуклонного доведения дела до конца, до достижения цели борьбы, может покончить с этим противоречием. Уничтожить капиталистический способ производства значит уничтожить частный характер присвоения, в первую очередь частную собственность на средства производства во всем мире. Построение коммунистического общества с этого и начинается—с экспроприации (отнятия собственности) буржуазии и *обобществления средств производства*; только за этим актом может последовать нелегкий, но неизбежный процесс организации производства в интересах всего общества. Классовая борьба пролетариата, значит, есть борьба за интересы всего общества. И если в Советском Союзе коммунизм еще не достигнут, то это именно потому, что борьба пролетариата еще не доведена до конца, она еще не смела капиталистического способа производства в мировом масштабе. При сложном цепном строении капиталистического производства в мировом масштабе, успех борьбы в одной стране не может покончить с язвой капитализма. Но Советская Россия достаточно велика, чтобы продержаться и продержать руль хозяйства в руках пролетариата до мировой социальной революции, которая завершит дело, начатое русским пролетариатом,—дело построения коммунистического общества.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

РАЗВИТИЕ ФИНАНСОВОГО КАПИТАЛА И ЕГО ГОСПОДСТВО В ПОСЛЕДНЮЮ ЭПОХУ КАПИТАЛИЗМА.

§ 125. **Значение кредита для машинного капитализма.** Кредит, как мы видели выше (§§ 57—65), играет роль дополнения к денежному обращению и к потребностям товарного обращения. С развитием машинного капитализма с его высоким органическим и техническим строением капитала, кредит превратился в могучий рычаг капиталистического производства. Подгоняемый конкуренцией к расширению производства, промышленный капиталист вкладывает всю свою свободную наличность в средства производства и заработную плату; при этом он наибольшую часть своего капитала вкладывает в средства производства (в том числе в орудия труда—машины, здания и т. д.), так называемый основной капитал, который возвращается в течение одного производственного цикла в незначительной части. Выше, изучая процесс производства и реализации товаров (см. § 113), мы нарочито рассматривали этот процесс в упрощенной форме, т.-е. представляя себе, что *весь* капитал (постоянный и переменный) вступает в процесс производства сразу и что реализация товаров производится одновременно в конце производственного цикла. На самом деле капиталист закупает большие запасы средств производства (это обходится дешевле) и пускает их в производственный процесс частями; в форме товаров они будут ему возвращены постепенно. С другой стороны, он свои товары реализует не сразу по их производстве: он может их накапливать в ожидании более выгодных условий рынка, для отправки на далекие рынки и т. д. Переменный капитал расходуется не сразу, а частями, недельными, двухнедельными или месячными долями заработной платы. Одним словом, у промышленного капиталиста могут быть такие моменты, когда он ощущает недостаток наличных денег для расплаты; могут быть и такие моменты, когда у него

на руках свободные суммы, не вкладываемые немедленно в производство. В первом случае он вынужден (в целях беспрепятственного течения производства) брать в кредит товары или деньги с обязательством уплатить всю сумму цен этих товаров или взятых денег—в определенный срок и за определенный процент; во втором случае он—чтобы деньги не «лежали зря», а давали кредитную прибыль—оказывает кредит другим. Берущий в долг называется *дебитором*, дающий в долг—*кредитором*.

Реализация товаров, это—то, что завершает производственный цикл и дает начало новому (см. выше § 113); кредит—то, что поддерживает равновесие капиталистического производства в течение всего цикла производства.

§ 126. Банки. Значение, которое кредит приобретает для капиталистического производства, вызвало оформление особых кредитных учреждений—*банков*, являющихся *посредниками между дебиторами и кредиторами*. Банк принимает вклады (*депозитная операция*) у лиц, оказывающих кредит, и выдает ссуды (*ссудная операция*). Операции, в которых банк является дебитором, называются *пассивными*; операции, где банк выступает кредитором,—*активными*. В первом случае банк платит небольшой процент; во втором—берет несколько больший процент, чем платит.

Вклады бывают *срочные* (т.-е. такие, которые могут быть затребованы в условленный срок) и *бессрочные* (т.-е. такие, которые вносятся на «текущий счет» и могут быть целиком или частично затребованы обратно в любой момент). Собственных сумм, выходит, у банка нет: все его деньги состояются из вкладов, которые раньше или позже могут быть затребованы вкладчиками назад; бессрочные вклады, вносимые обыкновенно промышленными и торговыми предпринимателями, которые могут их затребовать в любой момент, составляют большую часть банковских сумм. Тем не менее, при известной предусмотрительности, банк может пускать в оборот значительную часть хранящихся в нем сумм: при нормальном течении дел в банках всегда остается значительный запас незатребованных денег. Кроме вкладов, к пассивным операциям банка относятся выпуск *закладных листов*—долговых обязательств с постепенной уплатой суммы, на них обозначенной, и процентов,—и эмиссионная деятельность, о которой мы говорили выше в §§ 57—60. В последние десятилетия банки стали прибегать к эмиссии промышленных акций или фондов (см. ниже § 129).

К активным операциям банка относятся:

1) *Ссуды под залог товаров* или ценных бумаг. Когда ссуды выдаются под залог товаров, банки принимают не самые товары, а ва-

ранты—свидетельства складов о сдаче на хранение товаров определенной ценности. Ссуды под ценные бумаги, т.-е. свидетельства акционерных обществ и других капиталистических объединений о получении прибыли данного общества, представляют значительный риск для банков, так как курс таких бумаг постоянно колеблется, и в случае краха они могут быть совершенно обесценены.

2) *Ипотечные ссуды*, обыкновенно долгосрочные ссуды, выдаваемые под залог недвижимого имущества (земли, строений, рудников и т. д.). Обыкновенно такие ссуды выдают банки, принимающие только долгосрочные вклады (прямо и в форме закладных листов).

3) *Учетные или дисконтные операции*—покупка банком векселей с удержанием большего процента, чем тот, который векселедатель должен заплатить. Учетные операции оказывают могучее содействие реализации товаров: товаропроизводителю легче продавать свои товары, раз он не требует наличных денег, а довольствуется векселем, который он может учесть в банке (разницу в проценте он, конечно, накидывает на цену товаров). Эти же операции приводят к сосредоточению в руках банка и тех кредитных операций, которые совершаются между частными лицами вне стен банка.

4) *Покупка ценных бумаг*—операция прибыльная, но рискованная по вышесказанной причине.

Уже одна кредитная деятельность банков играет огромную роль в капиталистической хозяйственной жизни: а) они стягивают в свои сундуки огромные денежные средства не только из несгораемых шкафов крупных рантье и из кубышек мелких накопителей «сокровищ», но и из хозяйственных предприятий (так называемые «свободные» суммы); б) они способствуют беспрепятственному течению производства (ссудами) и реализации товаров (дисконтными операциями); в) они облегчают обращение товаров, доставляя добавочную массу средств обращений (эмиссия, *чековые операции*, заключающиеся в том, что банк выплачивает суммы по чеку, т.-е. письму вкладчика, сделавшего бессрочный вклад, и т. д.). С возникновением крупных капиталистических объединений (знаменующим переход промышленного капитализма в стадию финансового; см. ниже § 134) значение банков поднимается до роли фактического хозяина производства.

§ 127. Жиро-оборот и расчетные палаты. Для текущей деятельности промышленных предприятий и для более легкой реализации товаров большое значение получила чековая система расплат. Свободные суммы, предназначенные для текущих и периодических расплат, промышленный капиталист держит не в своем несгораемом шкапе, а в банке. Он получает небольшой процент (меньший, чем выплачиваемый по срочным вкладам), а когда ему нужно совершить уплату,

он пишет чек. Чекополучатель (по большей части капиталист) тоже имеет в банке текущий счет; он поэтому не берет денег из банка, а переписывает сумму, обозначенную в полученном им чеке в свой текущий счет. Такая операция называется *жиро-оборотом*.

Если выдающий чек и получающий его имеют текущие счета в разных банках, банк, по адресу которого написан чек, переводит обозначенную сумму в банк чекополучателя на текущий счет последнего. Так как таких операций между банками совершается в определенный период огромное множество, то банками не переводятся друг другу отдельные суммы, а производится время от времени взаимный расчет по всем таким суммам. Такой расчет производят особые учреждения—*расчетные палаты*, сопоставляющие суммы, которые один банк должен получить от другого, с суммами, которые он должен заплатить; разница выплачивается деньгами.

Благодаря чековой системе расплат огромная масса товарных сделок совершается без надобности в наличных деньгах. Это, конечно, сильно облегчает реализацию товаров, что способствует (как мы знаем из § 113) беспрепятственному течению процесса производства.

§ 128. Роль банковского кредита для разных классов капиталистического общества. Рабочий класс не пользуется банковским кредитом: банки оказывают «доверие» тем, кто имеет товар иной, чем рабочая сила... Больше того, рабочий класс всегда кредитует капиталистов: когда рабочий продает свой единственный товар—рабочую силу,—он за него не получает денег сейчас же, как получает капиталист—продавец своих товаров. Он получит заработную плату—цену рабочей силы—только после того, как этот товар будет потреблен покупателем-капиталистом (между тем как право на потребление всякого иного товара приобретается лишь после того, как за него уплачено...). Влияние на положение рабочего класса кредит, конечно, имеет, но не прямо, а через посредство того действия, которое он оказывает на процесс капиталистического производства в смысле его укрепления.

Банковский кредит еще более ускоряет процесс концентрации производства и усиливает крупный капитал за счет мелкого. Крупный промышленный капиталист (являясь в то же время и постоянным вкладчиком банков), получая крупный кредит, придает своему производству еще более широкие размеры, обгоняющие с более значительным темпом размеры производства мелкого капиталиста, пользующегося мелким кредитом. Расширение же размеров производства приводит к вящей победе крупного капитала над мелким.

Банковский капитал приносит прибыль массе так называемых крупных рантье (см. выше § 106).

Но также имеется масса людей из трудовых слоев населения, которые только отчасти являются рантье. Какой-нибудь французский крестьянин живет, конечно, главным образом, своим сельскохозяйственным трудом, но жалкие гроши, скапливаемые им в результате упорного труда и всяческих лишений, он вносит в банк или сберегательную кассу: и денежки скопит, и какой ни на есть, а все-таки доход... Это—небольшие вклады, но их много, и в общей сложности они доставляют банкам громадные суммы, усиливая этим деятельность и мощь их.

Тут наблюдается то же явление, что и всюду в капиталистическом мире: крупный рантье получает настолько крупный «потребительный» доход, что может на него роскошно жить: это значит, что он выигрывает от банковско-кредитной деятельности; мелкий же рантье получает ничтожные суммы, которых ему, что называется, на воду к каше не хватит, но зато он непомерно усиливает аппарат своего классового угнетателя—верхушки капитализма, крупного капитала.

§ 129. Акционерные компании и банки. Акционерное общество есть форма объединения частных капиталов—крупных и мелких—на почве одного производства, одного крупного предприятия. Какими огромными капиталами ни обладали бы отдельные капиталисты, каждый в отдельности не в состоянии взяться за грандиозное предприятие в роде прорытия канала или постройки железной дороги, или если даже может, то не хочет рисковать всем своим капиталом или значительной частью его. Капиталисты предпочитают поэтому соединить определенные части своих капиталов в один капитал и привлечь к делу (мобилизовать) возможно больше мелких капиталов—из кубышек и разных других хранилищ. Для этого они учреждают «акционерное общество», состоящее из пайщиков, держателей паев или акций—свидетельств о праве получения доли прибыли ¹⁾, соответствующей ценности этих свидетельств. Пайщики-учредители вносят разные суммы и получают разную прибыль по количеству взятых ими акций. Весь капитал они вкладывают в крупное предприятие, сулящее большие барыши. Хотя акции могут купить и покупают небогатые люди, сумевшие в результате долголетнего труда и лишений скопить сотню-другую рублей, но львиная доля прибыли и управление достаются учредителям—крупным капиталистам. Продавая акции «мелкому люду», учредители берут за них такую сумму, какая может давать кредитную прибыль, почти равную прибыли с акцио-

¹⁾ Прибыль эта называется дивидендом (от латинского слова *dividendus*—то, что подлежит разделу), так как она составляет часть суммы, поступающей в раздел между акционерами.

нерного предприятия. Если предприятие дает прибыли 15%, сумма, обозначенная на акции—100 руб., а средний кредитный процент—4%, то акция продается за 300 руб. Кредитная прибыль с 300 руб. равняется 12, что меньше 15% со ста рублей, но ввиду риска, связанного со всякой предпринимательской деятельностью, акции покупаются лишь в том случае, если они дают несколько более высокий процент, чем средний кредитный. Новые пайщики, значит, получают лишь проценты на капитал, учредители—кроме того всю предпринимательскую (или учредительскую) прибыль (10%). Когда они продают свои акции, они получают добавочную сумму (в данном примере $300 - 100 = 200$ р.), дающую прибыль, равную предпринимательской, так называемую капитализированную учредительскую прибыль.

В руках небольшой кучки воротил—крупных капиталистов—находится и фактическое управление предприятием. Огромная масса мелких акционеров, разбросанных по всей стране и даже разным странам, не может фактически участвовать в деле; крупные же капиталисты находятся тут, у самого кормила правления, и располагают целыми пачками акций. Хотя выборы производятся по большинству голосов, но компактное меньшинство (процентов 30—40), как показывает опыт, может всегда провести своих кандидатов. Таким образом крупные капиталисты с помощью 30—40% акций умеют держать в своих руках массу мелких капиталов, превышающую их капитал почти вдвое. Власть крупного капитала расширяется еще учреждением «дочерних» акционерных обществ—объединений, финансируемых основным акционерным обществом. Последнее путем выпуска *облигационного займа*, по которому выплачивается не дивиденд, а определенный процент, получает деньги, которые вкладывает в предприятие дочернего общества, делаясь таким образом крупнейшим его пайщиком, вершающим его судьбы. Небольшая кучка получает господство не только над акционерным обществом, но и над его «дочерьми», овладевая таким образом капиталом, во много раз превосходящим те суммы, которые она внесла.

Акционерная форма предприятий дает таким образом не только огромные прибыли, но и укрепляет господство финансовой plutократии ¹⁾, ускоряет тенденцию крупного капитала к овладению производством (тенденцию, которая присуща капиталистическому производству).

Акционерные общества имеют огромные преимущества перед индивидуальными единоличными предприятиями: 1) они легче, чем отдельные капиталисты, могут учреждать крупнейшие предприятия;

¹⁾ *Плутократия*—по-гречески, буквально—власть богатых.

2) прибегая к эмиссии—выпуску новых акций, они легко могут получить добавочные суммы, нужные для расширения предприятия и для повышения его технического состояния; 3) они более устойчивы: при сокращении прибыли наступает не сокращение производства, не технический кризис, а лишь падение цены акций (соответственно с сокращением прибыли).

Неудивительно поэтому, что акционерная форма предприятий довольно быстро вытесняет единоличные предприятия. На ряду с возникновением новых акционерных предприятий множество прежде учрежденных индивидуальных предприятий расширяет свои операции путем выпуска акций и постепенно превращается в акционерные.

Размеры акционерных предприятий так огромны, что они часто под-силу лишь обладателю огромных денежных средств. Самыми крупными обладателями денег являются банки, всасывающие, как мы видели выше (см. § 124), все свободные денежные средства страны. В силу этой причины банки в последние десятилетия перестают ограничиваться кредитной деятельностью и все больше и больше свои средства закрепляют в промышленности. Они часто становятся *учредителями* (единственными или в компании с частными крупными капиталами) *акционерных предприятий*. Банки выпускают промышленные акции или фонды и на колоссальные суммы, привлеченные таким способом, учреждают и расширяют промышленные предприятия. Являясь крупнейшими учредителями, банки срывают львиную долю учредительских барышей. Германские банки конца прошлого столетия дают яркий образчик такого положения. Эмиссия промышленных фондов дала им прибыли: в 1895—38,6%, в 1896 г.—36,1%, в 1897 г.—66,7%, в 1898 г.—67,7%, в 1899 г.—66,9%, в 1900 г.—55,2%. Огромные барыши получают на этом деле и банки других стран.

Банки не довольствуются, однако, барышами, которые дает эмиссия промышленных фондов, они стремятся сохранить свое господство в новом акционерном обществе. Они поэтому не продают *всех* акций, а только часть их, оставляя у себя такую часть акций (так называемый *портфель*), которая делает их крупнейшими акционерами, держащими в своих руках судьбу предприятия—управление и надзор за ходом промышленной деятельности. Они подчиняют себе и старые акционерные общества, скупая 25—35% их акций. Ссужая более или менее крупными суммами (на новое техническое оборудование и т. д.) единоличные предприятия, они добиваются того, что делаются участниками этих предприятий, а затем превращают их в акционерные и подчиняют своему господству.

Банки таким образом из кредиторов, интересовавшихся раньше судьбой предприятий исключительно с точки зрения их кредитоспо-

собности, превращаются в организаторов и хозяев промышленных акционерных компаний. Ниже (см. § 131) мы увидим, что рука банков простирается и на другие стороны современного капиталистического хозяйства.

§ 130. Фондовая биржа. Под биржей давно понимали раньше то место, где происходили торговые, кредитные и вексельные сделки и где встречались купцы ¹⁾ разных стран. В современном капиталистическом обществе обращается огромное обилие всяких ценных бумаг, доходность которых меняется (например, акции). Биржа стала фондовым рынком. Так как цены бумаг зависят от величины прибыли, а эта последняя постоянно меняется в зависимости от разных обстоятельств (положение акционерного предприятия на рынке, политические обстоятельства и т. д.), то они могут легко повышаться и понижаться. На этой почве возникает бешеная спекуляция, и биржевая игра, заключающаяся, главным образом, в скупке бумаг по низким ценам в предвидении улучшения дел соответствующих предприятий и, наоборот, в продаже бумаг по высоким ценам, если продавец предполагает возможность ухудшения положения этих предприятий и, следовательно, неизбежное падение цен.

§ 131. Частно-капиталистические монополии и роль банковского капитала. На ряду с акционерной формой объединения капиталов на почве единого производства, единого предприятия, в последние десятилетия наблюдалось все усиливающееся *объединение капиталистических предприятий в руках объединенного капитала.*

Что побуждает капиталистов к объединению их предприятий?

Конкуренция и вызываемый ею высокий органический и технический состав капитала приводят к понижению нормы прибыли. Повысить доходность своих предприятий, а для этого устранить или ослабить конкуренцию — вот цель всех форм капиталистических объединений предприятий. Это есть стремление к монополистическому господству на рынке, дающему возможность продавать товары по непомерно высоким ценам.

Под монополией в экономическом смысле этого слова надо понимать полное отсутствие конкуренции или недостаточность ее. Если каким-нибудь производством или средствами производства овладевает один капиталист или группа капиталистов в такой мере, что организация данного производства делается недоступной никому другому, то это ими используется в целях эксплуатации всего остального общества, — в целях продажи своих това-

¹⁾ Первые биржи возникли еще в конце XV стол. в г. Брюгге (на севере Германии). Самое свое название биржа (по-немецки—Börse, по-французски—bourse) получила от имени брюггского богача Ван-дер-Бурсе, перед домом которого, на площади, происходили собрания купцов.

ров по высоким ценам, т.-е. ценам, превышающим стоимость товаров.

Частно-капиталистические монополии—объединения капиталистических предприятий с целью устранения конкуренции и повышения цен—в зависимости от формы организации носят разные названия.

1) *Ринги* (кольца) или *корнеры* (углы)—первоначальная и наиболее несовершенная (распространенная преимущественно в области торговли сельско-хозяйственными продуктами) форма соглашения, по которому на известный (по большей части короткий) срок участники соглашения продают свои товары не ниже определенных цен.

2) *Картели*—более прочные и долговременные соглашения, устанавливающие определенные цены, ограничивающие размер производства, распределяющие рынок по областям и т. д.

3) *Синдикаты*—соглашения, лишаящие отдельные предприятия свободы самостоятельной продажи их товаров (продажа производится через общую контору). Некоторые синдикаты (так называемые *пулы*) имеют общую кассу, куда поступает вся прибыль, распределяемая между участниками.

4) *Тресты*—объединения, лишаящие отдельные предприятия их хозяйственной самостоятельности и сливающие их в грандиозное общество. Трест имеет общее правление, распределяющее заказы по отдельным предприятиям, устанавливающее их внутренний распорядок, производящее реализацию всех товаров, произведенных в разных предприятиях, и т. д.

Процесс объединения происходит по *горизонтальной линии* (объединение однородных предприятий: сахарных заводов с сахарными заводами, бумажных фабрик с бумажными фабриками, типографий с типографиями и т. п.) и по *вертикальной линии*, так называемое комбинированное объединение,—объединение предприятий хотя и разнородных, но представляющих разные моменты выработки одного и того же продукта—металлургические предприятия и каменноугольные; типографии, издательства и бумажные фабрики и т. п. Вертикальные объединения называются еще *комбинированными, комбинатами*. Вертикальное синдицирование (и трестирование)—объединение предприятий, обрабатывающих определенный продукт, с предприятиями, хозяйствами, добывающими для него сырье; с колоссальным расширением производства начинает ощущаться недостаток сырья, и цены на него повышаются; синдицирование и имеет целью понижение цен на сырье.

В области объединения капиталистических предприятий деятельность банков направлена к той же цели, что и в области объединения

капиталов в единый акционерный капитал—к господству над аппаратом производства и извлечению огромных прибылей. Держа в своих руках судьбы отдельных предприятий, банки (через своих представителей в правлениях этих предприятий) принимают все меры к ограничению между ними конкуренции, понижающей прибыль предприятий, судьбой которых банки не могут не интересоваться. Однородные предприятия они толкают к горизонтальному объединению, разнородные—к вертикальному. Создание синдикатов и трестов—часто дело рук банков. Располагая огромными капиталами и огромным влиянием в правлениях, они и тут делаются хозяевами положения.

§ 132. Повышение цен и так называемая картельная прибыль.

Объединение (или картелирование) капиталистических предприятий ставит себе в конечном итоге целью повышение нормы прибыли. Норма прибыли, однако, может повышаться лишь в результате повышения картельных цен, т.-е. цен на товары, произведенные картелированными предприятиями. Повышение цен в картелированных отраслях промышленности ведет к понижению нормы прибыли в некартелированных отраслях промышленности, находящихся с первыми в вертикальной связи. Если, например, отрасли добывания железной руды картелированы, а отрасли производства чугуна не картелированы, то ближайшим следствием этого будет повышение нормы прибыли для горнопромышленников и понижение ее для производителей чугуна, потому что цены на железную руду—вследствие устранения конкуренции—повысятся, а на чугун (продукт отрасли, в которой конкуренция не устранена) не повысятся, между тем как издержки производства чугуна повысятся (с вздорожанием железной руды, являющейся сырьем для производства чугуна). Средняя прибыль в картелированных отраслях промышленности будет выше средней общественной прибыли, в некартелированных—ниже. *Картельная прибыль* включает в себе, кроме средней общественной прибыли, еще долю прибыли других, некартелированных отраслей; она состоит из всей прибавочной стоимости, произведенной рабочими картелированных отраслей, и части прибавочной стоимости, произведенной рабочими других капиталистов.

Посмотрим теперь, в какой мере может повышаться картельная цена. Она будет выше цены производства (так как последняя содержит издержки производства и среднюю *общественную прибыль*, которая *меньше* средней картельной прибыли, входящей в картельную цену), и настолько выше, насколько цена некартелированных отраслей станет ниже цены производства. Повышение картельной цены (а вместе с ней и картельной прибыли) находит свой предел в границе понижения нормы прибыли в некартелированных отраслях: так как в последних

существуют акционерные общества, то прибыль не может пасть ниже процента на капитал (иначе применение там капитала прекратится). Чем крупнее размеры капитала, требуемого для отдельного предприятия и чем меньше количество предприятий в данной отрасли, тем легче, скорее и полнее произойдет ее картелирование.

Так как эти условия в различных отраслях имеются в разной степени, то процесс картелирования захватывает различные отрасли промышленности в разной последовательности: одних он захватывает скорее и полнее других.

Поэтому существование некартелированных отраслей рядом с картелированными и все последствия, отсюда проистекающие (картельная цена, картельная прибыль), неизбежны, но временны: раньше или позже и некартелированные области картелируются. Для последних побудительной причиной ускорения процесса картелирования будет сокращение их прибыли: они будут стремиться картелироваться с теми отраслями, у которых они покупают сырье по высоким картельным ценам, и сделаться таким образом независимыми от них, что должно повысить норму прибыли.

Одни предприятия таким образом стремятся к объединению в целях повышения прибыли, другие к этому вынуждаются стремлением удержать норму прибыли на прежнем уровне. Но в общем процесс объединения капитала идет гигантскими шагами.

§ 133. Частно-капиталистические монополии и торговый капитал. Объединение капиталистических предприятий приводит в одних случаях к полному упразднению посреднических торговых связей и ролей, в других—к их сокращению. При вертикальном или комбинированном объединении нет надобности в услугах торгового капитала: предприятие обрабатывающей промышленности (например, чугунно-литейный завод) не покупает на рынке нужное сырье (железную руду), а получает ее прямо от предприятия по добыванию этого сырья, состоящему с ним в объединительной связи. При горизонтальном объединении надобность в услугах торгового капитала не уничтожается, но сильно сокращается: такие объединения обыкновенно устраивают общие склады, которые снабжаются сырьем и всякими другими товарами, покупаемыми данными предприятиями, при помощи значительно меньшего количества купцов и посредников, чем раньше. Роль купцов—роль торгового капитала, игравшего когда-то первую скрипку (см. выше §§ 69—73), сводится—при тенденции современного капитализма к объединению в разных формах—к нулю в худшем случае, к деятельности приказчика-комиссионера—в лучшем. В первом случае вся торговая прибыль остается в кассе частно-капиталистической монополии, во втором случае в эту кассу попадает зна-

чительная часть прежней торговой прибыли, так как и там, где пользуются услугой купца, торговая прибыль сократилась вдвое и втрое.

§ 134. Финансовый капитал. Сделав сводку всего изложенного выше, можно без преувеличения сказать: процесс развития современного капитализма идет в таком направлении, что как промышленная деятельность, так и торговая все больше подпадает (там, где они еще окончательно не подпали) власти банкового капитала. Играя первую скрипку в промышленных и торговых акционерных компаниях, банковый капитал подчиняет себе огромную массу частных капиталов, мелких и крупных, и фактически руководит деятельностью акционерных предприятий. Захватывая в свои руки объединенные частно-капиталистические монополии, банковый капитал делается фактическим владельцем и организатором объединенного крупно-капиталистического производства. *Банковский капитал, бывший когда-то кредитором, стоявшим вне промышленно-торгового капитала, теперь с ним срачивается и образует финансовый капитал.* Итак, *финансовый капитал есть капитал, находящийся в распоряжении банков, но применяемый в промышленности.*

Из того, что мы говорили выше: «как промышленная деятельность, так и торговая все больше подпадает власти банкового капитала», вовсе не надо делать вывода об угнетенном положении самых деятелей—«торговых и промышленных капиталистов». Господство финансового капитала вовсе не означает порабощения или подавления промышленного или торгового капитала. Оно означает только устранение мелкого капитала от организаций производства и распределения; крупный же промышленный и торговый капитал только переплетается с банковым и усиливается. Часто в современном обществе, в тех странах, где капитализм достиг высшего предела своего развития, трудно отличить «промышленника» от «финансиста»: сплошь да рядомководы крупнейших промышленных предприятий и объединений входят в правления крупнейших банков, а руководители банков—в управляющие органы акционерных обществ, трестов и синдикатов. Это—в конце концов—одна «милая компания», господствующая над миром, подчиняющая его своей безграничной алчности, фактически управляющая буржуазными государствами, предписывающая свои законы и устанавливающая свои порядки, которые имеют одну цель—подчинить весь трудящийся мир интересам одной кучки.

§ 135. Обострение противоречий в эпоху финансового капитала. Финансовый капитал не обрывает тенденций промышленного капитализма, не устраняет или смягчает его противоречий, а только ускоряет и обостряет их. Он доводит концентрацию капитала и производства до небывалых размеров, производя опустошения в рядах уцелевших

от натиска промышленного капитализма мелких капиталистов, ускоряя таким образом пролетаризацию огромных масс. Устранив конкуренцию в рядах отдельных объединенных групп капиталистов, он не только не устранил или не смягчил конкуренции и борьбы между этими отдельными капиталистическими группами, но еще больше обострил и придал столкновениям между ними характер небывалой ожесточенности. Борьба между картелированными отраслями и находящимися с ними в вертикальной связи некартелированными,—борьба за прибыль,—носит не менее ожесточенный характер, чем столкновения между разными горизонтальными капиталистическими объединениями, захватившими разные районы производства и сбыта и стремящимися вырвать их друг у друга. Для рабочего класса и трудящихся масс господство финансового капитала означает не только увеличение резервной промышленной армии (и, следовательно, уменьшение заработной платы), не только повышение цен на средства существования, не только более сокрушительное разорение самостоятельных трудовых хозяйств, но и вечную угрозу постоянных кровавых столкновений, стоящих миллионов жертв и еще большего разорения и обнищания именно рабочему классу и трудящимся массам.

Тенденция концентрации капитала и производства особенно усилилась в конце XIX и начале XX стол. Особенно сильное развитие получило акционерное дело. В Северо-Американских Соединенных Штатах в 1909 г. акционерные предприятия выполняли (по стоимости) $\frac{4}{5}$ всей продукции. В Германии акционерные компании владели уже в 1900 г. $\frac{3}{4}$ лошадиных сил всех двигателей. В Англии неослабевавший рост числа акционерных обществ, наметившийся в начале XX столетия, достиг в 1911 г. огромной цифры 53.700. Что касается России, то если по абсолютной цифре она отставала от более развитых капиталистических стран, то по росту акционерного капитала, по относительному его увеличению, она обгоняла все страны; за 10 лет (с 1903 по 1912 г.г.) ее акционерный капитал увеличился в 7 раз (когда в Англии за 5 лет он увеличился на $\frac{1}{3}$, а в Австрии—на $\frac{2}{5}$). Во время войны (до начала 1917 г.) рост акционерных обществ в России происходил с головокружительной быстротой.

Процесс образования частно-капиталистических монополий особенно быстро совершался в Северо-Американских Соединенных Штатах. В начале XX века тресты владели: нефтяной—объединивший 400 прежде разрозненных нефтяных предприятий—95% продукции; по производству химических продуктов—81%; металлических изделий—77%; производства свинца—85% и т. д. Вся сеть железных дорог (около полумиллиона верст—больше половины мировой сети), принадлежавшая раньше 5.000 отдельных акционерных компаний, накануне войны попала в руки нескольких финансовых групп. Второй после Северо-Американских Соединенных Штатов в отношении частно-капиталистических

монополий была до империалистической войны Германия, насчитывавшая до 400 объединений; Англия, Франция, Бельгия, Австрия и друг. страны в большей или меньшей степени охвачены крупными капиталистическими объединениями, держащими в своих руках руль промышленности. Россия пошла по тому же пути: до войны трудно было бы найти какую-нибудь отрасль промышленности, не подвергшуюся синдицированию или капиталистическому объединению в другой форме. По подсчетам одного швейцарского ученого, относящимся к началу XX века, половина капиталов мира находилась в руках трестов и синдикатов. С тех пор процесс концентрации капитала пошел гораздо дальше. Доходы частно-капиталистических монополий все растут. Американский нефтяной трест, который мы выше упомянули, поднял свою прибыль с $51\frac{1}{2}\%$ в 1882 г. до 48% в первое десятилетие нашего столетия; образовавшийся у нас до войны табачный трест довел свои доходы до 70% и т. д.

Находились и еще теперь находятся «экономисты», которые, из страха перед классовой борьбой пролетариата, готовы верить и уверять других, что объединение капитала устраняет или смягчает противоречия капиталистического общества и классовую борьбу: акционерная форма приводит к «демократизации» капитала—она, мол, дает всем, и большим и маленьким людям, широкий доступ к организации промышленности, а синдицирование предприятий избавляет будто бы промышленность от прихотей рынка и является будто бы средством регулирования производства и устранения промышленной анархии и кризисов. По нелепости с этими утверждениями может конкурировать только пресловутая теория «социальной гармонии» и сотрудничества классов. На самом деле «демократия» акционерных обществ заключается в том, что деньги берутся у всех без различия пола, возраста и состояния и что *все* (за исключением небольшой кучки воротил—крупных капиталистов) *отстраняются* от производства. О каком-нибудь маленьком акционере, имеющем 1—2 акции, и говорить не приходится: он и понятия не имеет о состоянии производства, «участником» которого он якобы является. Но даже капиталист, если он рядовой средний капиталист, низводится на степень участника в доле прибавочной стоимости, но отнюдь не в организации производства. Со «смягчением противоречий», будто бы проистекающим из объединительных стремлений современного финансового капитала, дело обстоит еще хуже. Вместо конкуренции между отдельными капиталистами мы имеем конкуренцию между группами их, партизанская война превращается в грандиозное побоище... Анархия производства с ее кризисами и потрясениями в эпоху финансового капитала достигает крайних пределов. Гигантский рост производства, выбрасывающий на рынок огромные количества товаров, и повышение цен (цель частно-монополистической деятельности), сильно сужающее потребительный рынок, т.-е. делающее для широких масс непосильным приобретение этих товаров,—все это дает богатую почву для кризисов, сопровождающихся более гибельными последствиями, чем в «старое

доброе время». В классической стране трестов и колоссального роста промышленности—в Северо-Американских Соединенных Штатах—кризис 1907—1908 г.г. сократил добычу каменного угля на 15%, а выплавку чугуна даже на 40%. Сокращение производства и искусственное удержание на складах товарных запасов (что ослабляет падение цен) делают господ синдикатчиков неуязвимыми для кризисов, но на рабочий класс и на все трудовое население кризисы имеют действие сокрушительное.

§ 136. Концентрация банкового капитала. Способствуя концентрации производства, банки в то же время и сами претерпевают процесс концентрации. Более крупные банки поглощают мелкие, сливая их с собой, или ставят их в зависимые от себя отношения. Они вырастают благодаря этому в крупнейшие учреждения, сосредоточивающие в своих руках огромные денежные суммы и повергающие под свою пяту колоссальные промышленные предприятия. При непрерывном уменьшении числа банков увеличивается общее количество банкового капитала. В свою очередь и эти немногие стремятся образовать и часто образуют союзы (консорциумы), которые ставят всю хозяйственную жизнь под свой контроль.

О концентрации банкового капитала свидетельствуют следующие факты. В Германии в руках у банков (и примыкавших к ним мелких банков) сосредоточилось 13 миллиардов марок, т.-е. около 83% всего банкового капитала Германии. Два известных американских миллиардера, Рокфеллер и Морган, сосредоточили в своих руках приблизительно такую же сумму. В Англии число банков уменьшилось больше, чем в два раза, при увеличении операций на 66%: наибольшее количество операций и приблизительно такие же суммы, как германские банки, сосредоточили в своих руках 4 банка. Во Франции такое же влияние имеют 3 банка. Целая сеть отделений банков держат в своих руках и кредит, и промышленность на местах. Россия тоже шла по пути развития и усиления банкового капитала.

§ 137. Тенденция к созданию национально-государственных трестов. Стремление к объединению промышленности под руководством объединенного банкового капитала есть стремление к образованию в каждом буржуазном государстве одного грандиозного треста, который охватывал бы всю промышленность (в рамках этой страны) в горизонтальном и вертикальном направлениях. Эта тенденция, хотя и в разной степени, проявляется во всех странах, достигших известной степени капиталистического развития. Капиталистические страны, фактически управляемые банками, противостоят друг другу на мировом рынке как конкуренты, которые стремятся каждый к захвату наиболее широкой сферы влияния. Это порождает кровавые столкновения между ними.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

ИМПЕРИАЛИЗМ И МИЛИТАРИЗМ.

§ 138. Финансовый капитал и буржуазное государство. Государство есть организация классового господства. Господствующим классом во всех странах (кроме Союза Советских Социалистических Республик) является буржуазия, эксплуататорский класс, пользующийся—благодаря овладению средствами производства—прибавочной стоимостью, стоимостью прибавочного труда рабочего класса, в различных формах (прибыли, ренты, процентов на капитал). Ясно, что и государство будет буржуазное, т.-е. такое, что всеми мерами и средствами будет защищать и укреплять буржуазное господство и подавлять всякое сопротивление рабочего класса и трудящихся масс, угнетаемых этим господством.

Устами государства буржуазия провозглашает частную собственность священной, потому что собственность на средства производства доставляет ей господство и возможность безудержной эксплуатации трудящихся. Она пользуется аппаратом государства для подавления всякого сопротивления трудящихся «незыблемому» порядку эксплуатации и всякого покушения на «священный институт» собственности. В защиту «незыблемых основ общества» (т.-е. буржуазного общества) от «дерзостных поплзновений» рабочего класса, она «руками своих наемников—законодателей» (будь то цари и короли или буржуазные парламенты всех мастей) проводит каторжные законы против стачек и рабочих ассоциаций; штыками своих наемников—государственной полиции и армии—она подавляет всякие вспышки протеста и попытки сопротивления. Словом, поскольку речь идет о подавлении рабочего класса, буржуазное государство является оружием *всей* буржуазии, всех ее групп, одинаково заинтересованных в сохранении и укреплении порядка, построенного на принципе частной собственности и эксплуатации. Борьба между отдельными группами буржуазии (борьба между рентой и прибылью, например) направлена не против этого порядка, а за максимальное использование его в своих интересах.

Между разными группами буржуазного класса кипит борьба за долю прибавочной стоимости. Как быть тут буржуазному государству? Защищая интересы собственности и эксплуатации, оно исполняет волю всего эксплуататорского класса; ограждает весь буржуазный класс в целом от наступления пролетариата; но экономическую политику—ряд мероприятий внутри страны и по отношению к другим буржуазным государствам, направленных к ограждению и устроению определенного хозяйственного порядка—буржуазное государство ведет по воле той группы, которая держит в данный момент руль хозяйства в своих руках. Такой группой в капиталистическом обществе, достигшем предела своего развития, является группа финансового капитала—политика государства и есть политика финансового капитала.

В Северной Америке, где мощь финансового капитала проявилась в большей чистоте, чем где бы то ни было, государственная власть *фактически* в руках небольшой кучки миллиардеров—банкиров и воротил трестов и акционерных компаний. Тресты тратят огромные деньги на избирательную кампанию, на подкуп депутатов и судей, на выборы чиновников и т. д. Парламент является в их руках жалкой игрушкой: он только облекает в форму закона все закулисные решения миллиардеров—банкиров и синдикатчиков. Буржуазная печать, как в Америке, так и в Европе (в особенности во Франции) вся в руках кучки банкиров: одни газеты учреждаются прямо банками, другие ими подкупаются и покупаются. Эта печать беспрерывно «обрабатывает» так называемое «общественное мнение» в том направлении, в каком это выгодно банковому капиталу. Она—огромная сила, доделывающая политику финансового капитала, поскольку ее не в силах завершить штыки буржуазных армий и средств одурманивания народных масс в руках всесильной кучки, и, когда это нужно, капитал умеет (как это было в начале гнусной империалистической войны 1914 г.) увлечь эти массы на путь взаимного истребления в интересах государствующей над миром клики.

§ 139. Протекционизм или таможенная политика. Внутри «собственной» страны объединение капиталистических предприятий по дирижерской палочке банкового капитала приводит к устранению или, во всяком случае, значительному ослаблению конкуренции, но оно не устраняет и не ослабляет конкуренции со стороны капиталистических объединений других стран. Стремясь к повышению цен, к получению сверх-прибыли, господствующая клика использует буржуазное государство в целях искусственного удержания цен на определенном уровне; политикой буржуазного государства делается протекционизм (или покровительственная политика)—обложение всех товаров, ввозимых из-за границы, такими пошлинами, чтобы

цены их не могли быть ниже цен, устанавливаемых «отечественным» капиталом.

Так называемая таможенная политика применялась давно—еще в эпоху промышленного капитализма в чистом его виде. Но тогда промышленная буржуазия стран, достигших высшей для тогдашнего времени ступени капиталистического развития (как, например, Англия), была тогда настроена *фритредерски*, т.-е. в пользу свободной беспошлинной торговли. Английская буржуазия даже боролась против так называемых «хлебных законов»—пошлин на зерновые хлеба, ввозимые из-за границы: это было в интересах крупных землевладельцев, но не крупного промышленного капитала. «Свободная игра стихий»—конкуренция—была символом веры крупно-капиталистической буржуазии. Но вера буржуазии—ее выгода, и там, где свободная конкуренция была для нее невыгодна, она побуждала свое государство вводить таможенные пошлины. Это было в странах с еще недостаточно развившейся тогда капиталистической промышленностью, которая не могла конкурировать с Англией, классической страной промышленного капитализма. Эта таможенная политика должна была покровительствовать (протекционизм—значит покровительство) «отечественной» промышленности, защищать ее от конкуренции более развитых в промышленном отношении стран.

Таможенные пошлины эпохи чисто промышленного капитализма выдвигались буржуазными экономистами того времени как *воспитательные пошлины, т.-е. пошлины, способствующие развитию отечественной промышленности до уравнивания ее цен производства с ценами производства в более развитых промышленных странах.*

Если в стране с недостаточно высоким техническим уровнем промышленности производство товаров обходится дороже, чем в развитых промышленных странах, и продавать эти товары можно только по более высоким ценам, то воспитательные пошлины должны прибавить к цене заграничных товаров такую сумму, на какую эти цены ниже «внутренних» цен. Как только отечественная промышленность «подтянется», как только будут введены новые машины и усовершенствования, понижающие издержки производства, «отечественные» цены должны понизиться и вместе с тем должны быть уменьшены и пошлины. Последние, выходит, должны воспитывать отечественную промышленность, поднимать ее технический уровень и удешевлять производство.

В действительности так называемые воспитательные пошлины приводили не к понижению цен, а к их повышению. Там, где не было других побудительных стимулов (позывов) к усовершенствованию техники, она именно благодаря «покровительству» буржуазного государства оставалась на низком уровне. Впоследствии—в эпоху финансового капитала—пошлины сделались орудием взвинчивания цен выше цен производства, выше тех цен, которые существуют на миро-

вом рынке. Они являются таким образом орудием картельной прибыли, т.-е. дополнительных барышей, к той средней прибыли, которую получал бы капиталист-предприниматель, если бы пошлин не было. *Пошлины, способствующие поднятию в данной стране цен товаров выше цен производства, называются картельными пошлинами.*

В целях поднятия цен внутри страны выше цен производства частно-капиталистические монополии прибегают к так называемому *бросовому экспорту*—сбыту своих товаров на иностранных рынках по пониженным ценам (иногда даже ниже себестоимости): сокращая предложение товаров на внутреннем рынке, при прежнем спросе, приводит к искусственному вздуванию цен до высших пределов.

Больше всех вопили о высоких пошлинах и накладывали их Северо-Американские Соединенные Штаты, страна трестов и самой высокой техники. Они доводили таможенные ставки на некоторые товары до 150%. Другие капиталистические страны тоже достаточно ревностно проводили политику картельных пошлин и взвинчивания цен. Яркий пример того, что пошлины не ведут к повышению технического уровня и росту производительности труда и продукции, дает история нашей уральской промышленности: благодаря введению высоких пошлин на чугун, его производство на Урале упало с 12% мировой продукции в 1830-х годах до 4% в 1850-х годах; зато барыши поднялись до 45—90%. Примером бросового экспорта может служить продажа в Англии русским синдикатом сахарозаводчиков русского сахара по баснословно низким ценам в то время, как в пределах своей «дорогой родины», «матушки-России», сахар продавался по вздутым ценам. К этому же способу повышения цен прибегали и германские капиталисты: хотя «фатерланд» (родина, и «Дейтшланд» (Германия) для немецкой буржуазии, как известно) выше всего, но... не ее прибылей. Любовь к отечеству не мешала капиталу продавать балки в Италии на 30% дешевле, чем в Германии, а спирт—на 50%.

§ 140. Стремление к расширению таможенных перегородок.

Финансовому капиталу в любой стране тесно жить в тех таможенных границах, которые он сам же воздвиг, ибо желанное повышение цен, доставляемое картельными пошлинами, приводит к сужению внутреннего рынка... Массы потребителей в «родной стране» не в состоянии купить все товары, которые преподносит им монополистическая «отечественная» промышленность. Каждая национально-финансовая группа капиталистов делает из этого положения вывод не о необходимости упразднения таможенных перегородок (это понизило бы ее картельную прибыль до уровня обычной средней прибыли), а о их расширении. Раздвинуть таможенные перегородки так, чтобы они охватывали возможно более земель с возможно большим количеством населения, значит и покупателей,—вот что спит и видит современная

национальная финансовая буржуазия. Это есть *борьба за рынки сбыта*, т.-е. за возможность продажи максимального количества товаров (и притом по высоким ценам).

К расширению таможенных границ побуждает национально-финансовую буржуазию еще одно важное обстоятельство—поиски сырья, так как непрерывный рост обрабатывающей промышленности не сопровождается таким же ростом добывающей. Сельское хозяйство, дающее значительную массу сырья, отстает от фабрично-заводской промышленности с ее стремлениями к безграничному расширению. Значительная масса вспомогательных материалов (уголь, нефть, лес, шерсть, металлы и т. д.)—явление территориальное, т.-е. могут быть в одном месте в колоссальном изобилии, а в другом—совершенно отсутствовать. Цены на сырье поэтому растут, и финансовая буржуазия стремится поэтому присоединить источники сырья (или, как говорят, *рынки сырья*) к своим владениям. Внутри страны она этого достигает путем комбинирования; источники же сырья, находящиеся вне национальных таможенных границ, она стремится захватить путем *расширения* своих владений. Это есть *борьба за рынки сырья*.

§ 141. Накопление внутри капиталистических стран „избыточных“ капиталов и экспорт капитала. Неизбежное сокращение потребительного рынка внутри страны и невозможность беспредельного расширения внешнего рынка (вследствие таможенных перегородок) финансовая буржуазия задерживает естественный рост производительных сил, старается держать производство на определенном уровне, на таком уровне, чтобы предложение товаров не превышало спроса. Это, в свою очередь, означает, что значительная часть картельной прибыли перестает вкладываться в производство и накапливается в форме денежного капитала, который к тому же все труднее и труднее превращается в кредитный: раз промышленность монополизирована, а она в деньгах не нуждается, то некому «прихватывать» огромные суммы за «приличный» процент.

Этот *избыточный капитал*, т.-е. *денежный капитал*, не находящий себе промышленного применения внутри страны, финансовая буржуазия стремится экспортировать, т.-е. вывезти капитал в отсталые страны для насаждения там грандиозных предприятий (ибо в отсталых странах обоих полушарий еще осталось не мало неиспользованных естественных богатств. Известная часть капитала дается в ссуду другому государству за определенный процент. *Экспорт капитала* совершается в форме орудий труда (машин, рельсов и т. д.) и вспомогательных материалов, превращающих вывозимый капитал в действующий, т.-е. создающий прибавочную стоимость, или же в форме ссудного капитала, дающего кредитную прибыль. Посредством экспорта

капитала финансовая буржуазия выкачивает из отсталых стран предпринимательскую прибыль, которая сплошь да рядом больше «внутренней» картельной прибыли (и, во всяком случае, не меньше), и кредитную прибыль, всегда более высокую, чем внутри страны. Таможенные перегородки в «чужой» стране только помогают «родному» капиталу повышать цены и прибыль, а нужды «чужого» государства сулят ему более высокий процент.

Экспорт капитала часто сулит финансовому капиталу осуществление и других его устремлений. Он помогает завоеванию рынков сбыта и сырья. Вместо того, чтобы раньше ввозить сырье из отсталых стран на «родную» территорию своих частно-капиталистических монополий и потом вывозить туда товары для продажи, предприятия устраиваются на месте получения сырья и предполагаемого сбыта (или, во всяком случае, значительно ближе к рынкам сбыта). Это сверх того дает капиталу в руки орудие борьбы с рабочим классом культурных стран Европы и Америки: на «родине» рабочий класс уже более или менее проникся классовым самосознанием и организовался для отпора; в «варварских» же странах далекой Африки или Азии находится достаточно человеческого материала, который можно превратить в нужную капиталисту рабочую силу, и который притом легче эксплуатировать до крайней степени... Не удивительно поэтому, что экспорт капитала все возрастал в эпоху финансового капитала. Накануне империалистической войны 1914 г. «цвет» капиталистической Европы—Англия, Франция и Германия—располагал в отсталых странах 80 миллиардами золотых рублей. Из этой колоссальной суммы 20 миллиардов было «помещено» в Европе (Россия, Турция и т. д.), остальные 60 миллиардов—в колониальных областях.

§ 142. Империализм и милитаризм. Стремление одной национально-капиталистической клики к экономическому господству сталкивается с таким же стремлением других национально-капиталистических клик. Что же решает вопрос в этом великом споре? В период промышленного капитализма спор между разными капиталистами решала конкуренция, перевес крупному капиталу давало его выгодное положение на рынке; в эпоху финансового капитала речь идет о *безраздельном и монопольном господстве, о насильственном захвате*. Вопрос тут решается силой оружия. И поскольку данное буржуазное государство является орудием классового господства буржуазии, поскольку оно выполняет во всех своих мероприятиях волю и предначертания правящей рулем хозяйства национальной финансово-капиталистической клики, оно стремится к утверждению *политического господства* там, где национально-капиталистическая клика хочет утвердить свое *экономическое господство*. Оно стремится к политическим территориальным захватам. На этой почве одно буржуазное

государство сталкивается с другими: на какую бы землю оно ни позарилось, окажется, что на нее уже есть претенденты или что она уже захвачена другими. Надо или устранить «благородного» соседа или отнять у него то, что им уже захвачено. Для этого надо быть «вооруженным до зубов», надо иметь «бронированный кулак» и т. п. Словом, для этого нужно всегда быть готовым к войне и воевать, когда этого потребуют ненасытные аппетиты правящей финансово-капиталистической клики. Одним словом, нужно вести завоевательную политику. *Завоевательная политика, которую ведет финансовый капитал*, ведет за расширение территории своего господства (захват рынков сбыта и сырья и новых сфер приложения накопленных производительных сил—избыточных капиталов) и называется *империализм*, а *состояние непрерывной подготовки к войне, непрерывный рост вооружений и усиление значения военной силы называется милитаризмом*.

Буржуазные государства не прочь проглотить друг друга при первой возможности ¹⁾. Однако завоевательная политика национальных финансово-капиталистических клик направлена не к территориальному завоеванию капиталистических стран, а к захвату друг у друга отсталых стран, недостаточно подвергшихся действию капиталистической культуры. Уже в 70-х годах прошлого столетия капиталистические государства пошли по линии наименьшего сопротивления: они стали, что называется, расхватывать все, что плохо лежит—земли маленьких народов и отсталых племен. За каких-нибудь 50 лет «великие державы» расхватали около 25.000.000 квадратных верст (площадь вдвое больше Европы). Весь некапиталистический мир оказался поделенным между капиталистическими хищниками, все далекие земли Азии, Африки, Америки и Австралии, материки и острова превращены в колонию, *данницу капитала*.

Империалистическая политика, в общем и целом направленная к сокрушению крупного конкурента на мировом рынке, выражается главным образом в колониальной политике—в борьбе за колонии, за захват их друг у друга, за завладение по возможности полнее объектом (предметом) эксплуатации.

В мировом грабеже принимали участие все «великие» и даже маленькие державы, если только они отведали от древа финансового капитала. *Франция* за какие-нибудь двадцать лет захватила около трети Африки с Мадагаскаром, Тонкин, Сиам, Индо-Китай в Азии. Площадь ее колоний в начале XX столетия превышала размеры самой Франции в 20 раз. *Англия*, владевшая уже целые столетия далекими заморскими материками и островами (Канадой в Америке, Индией в Азии, Австралией и т. д.), не до-

¹⁾ Достаточно вспомнить судьбу Германии после войны...

вольствовалась награбленным раньше и сделала новые приобретения в Азии (Бирма, Белуджистан, Каир, Северное Борнео, области против Гонконга и др.), в Африке (Египет, Судан с Угандой, Трансвааль, Занзибар и др.) и в Австралии (ряд островов, восточную часть Новой Гвинеи и т. д.). Площадь английских колоний превышала размеры самой Англии в 100 раз. Германия, вступившая на путь колониальной политики позже других—когда мир уже был поделен между более старыми капиталистическими странами—успела приобрести незначительные владения в Африке (Камерун, Золотой берег и др.) и на Новой Гвинее. Италия завладела Триполи, Португалия—колониями в северной Африке, а сравнительно маленькая Бельгия (охваченная, однако, империалистическим пылом не менее ее «великой» соседки—«благородной» Франции) овладела областью Конго, превышающей ее собственные размеры в 80 раз, и установила там для туземцев режим, не уступающий каторжному и рабовладельческому. Царская Россия вела грабительскую политику в дальневосточной Азии, что привело к войне с Японией, отстаивавшей свое монопольное право на грабеж в этой области.

Для того, чтобы удержать в повиновении и в состоянии выжимаемого лимона народы захваченных стран, и главным образом для того, чтобы отстоять свою «собственность» от покушений империалистических соседей, а часто для того, чтобы у последних отнять то, что можно будет по обстоятельствам момента—для всего этого в течение многих лет содержались огромные армии, которые численно все росли и росли, сооружались дредноуты, воздвигались огромные фабрики по изготовлению смертоносных орудий и взрывчатых веществ, подкупалась буржуазная печать, которая должна была по мановению дирижерской палочки банковских воротил отравлять народное сознание и поднимать травлю на «коварных соседей» и «врагов» и т. д. Огромные суммы, сосредоточенные в руках буржуазного наймита—буржуазного государства, выжатые помощью налогового пресса из прибавочной стоимости (и отчасти из заработной платы) рабочих и жалкого трудового дохода крестьян, тратились на это дело «цивилизации». И расходы эти росли из года в год. В 1888 г. крупнейшие 8 государств (Россия, Франция, Германия, Англия, Соединенные Штаты, Австро-Венгрия, Италия, Япония) тратили на армию и флот 2.120 миллионов золотых рублей, а в 1900 г.—почти вдвое (в России больше, чем удвоились, а в Японии возросли в 13 раз). Но уже носились призраки будущей мировой бойни, и расходы все росли, и в некоторых странах, в особенности в России, Франции, Англии и Германии, милитаристские расходы к войне 1914 г. выросли, как снежный ком (в 1914 г.: в Англии 804 милл. вместо 490 милл. в 1900 г.; в царской России—975 милл. вместо 421 милл. в 1902 г.; в Германии 943 милл. вместо 478 милл. р. в 1906 г.; во Франции 740 милл. вместо 502 милл. в 1910 г.). Займы, которые брали буржуазные государства и которые закабалляли трудящееся население всего мира кучке банкиров, шли главным образом на военные цели. Почти половину

государственных расходов поглощал молох милитаризма. В России на военные цели и платежи по займам шло больше 40%, в Англии—больше 75%. Огромные убытки, которые терпело народное хозяйство вследствие отвлечения лучшей рабочей силы—миллионов людей в лучшем рабочем возрасте—от производительного труда, не поддаются исчислению. Этот непрерывный военный азарт превратил Европу в пороховой погреб, которому несколько раз грозил взрыв, пока он не произошел в 1914 г. в виде кровопролитнейшей и разорительнейшей войны.

§ 143. Империалистические коалиции. В великой свалке народов, вовлекаемых в кровавую игру финансового капитала, первую скрипку обыкновенно играют крупнейшие хищники. Каждое из крупных враждующих государств, чтобы обеспечить себе победу в кровавой борьбе, стремится увеличить силу нападения на своего врага тем, что вступает в коалицию, в союз с другими врагами своего врага. Так образуются империалистические коалиции, бросающие друг на друга миллионы вооруженных людей и осыпающие друг друга миллионами смертоносных пуль и снарядов. Государства каждой коалиции заключают между собой тайные договоры о будущем разделе награбленного, о способах провокации войны и ведения ее и т. д. В кровавой бойне 1914—1918 г.г. участвовали две коалиции: одна, сосредоточившаяся вокруг Англии (Франция, стремившаяся отнять у Германии Эльзас и Лотарингию, Россия, точившая свои зубы на Дарданеллы, и другие, преследовавшие разные цели); другая—вокруг Германии, рвавшейся к новым колониям (Австро-Венгрия, Турция, Болгария). Поход на Китай в 1899 г. всех «цивилизованных» стран был наступлением коалиции европейских хищников.

Коалиции обыкновенно не бывают долговременны: единство интересов продолжается до тех пор, пока не добит «враг». Когда же это «святое дело» закончено, начинается драка при шапочном разборе между «союзниками». Кроме того изменение интересов той или другой державы дает почву для разных коалиционных комбинаций.

§ 144. Необходимость империализма в период господства финансового капитала. Мы видели, что господство финансового капитала приводило и приводит к кровавым столкновениям в мировом масштабе. «Демократизм» акционерной формы предприятий и «организованность» объединенного капитала приводят ко всеобщему истреблению и к невероятной анархии в мировом масштабе. Находятся, однако, экономисты (Каутский и др.), допускающие возможность так называемого ультра-империализма (сверх-империализма), объединения империализмов всего мира, а не борьбы их. Это означало бы фазу прекращения войны при капитализме, фазу общей эксплуатации мира международно-объединенным финансовым капиталом.

Если мы допустим, что теория ультра-империализма верна, то мы неизбежно придем к выводу, что еще *при капитализме* возможно устранение борьбы между «хозяевами», что господство финансового капитала ослабляет и даже устраняет неравномерности и противоречия внутри всемирного хозяйства: един пастырь (финансовый капитал) и едино стадо его (трудящееся человечество). Такое понимание дает материал для мрачных утопий вроде Лондоновской ¹⁾, рисующей будущее человечество в виде системы нового рабства—всемирного рабочего класса, поработщенного единой всемирной капиталистической олигархией ²⁾, единым капиталом, но отнюдь не для уверенности в победе пролетариата, которую марксисты считают неизбежной не потому, что она «героична», а потому, что она направлена против такой организации хозяйства, которая раздирается противоречиями и внутренней борьбой (т.-е. борьбой внутри капиталистического класса).

В действительности эта теория является чистейшей и притом реакционной сказкой. И внутри отдельного государства объединение капиталов и предприятий происходит только тогда, когда на-лицо равенство экономической силы вступающих в объединение. Крупный капитал приручает мелкий, обезличивает его, подчиняет, но *объединяется* он с крупным же. Если же менее крупный капитал, в силу благоприятно сложившихся для него обстоятельств рынка, не хочет идти у синдцированного капитала на поводу, то последний объявляет ему войну. Борьба еще кипит и по всему *внутреннему* фронту. То, что трудно и требует усилий борьбы во внутреннем масштабе, делается невозможным в масштабе международном. Для синдцирования двух стран недостает условий полного экономического равенства: 1) равенства источников сырья, 2) равенства хозяйственной структуры, 3) равенства материальной силы в виде вооружений. Если какая-нибудь «национальная» группа располагает источниками нефти, то она постарается использовать это «монопольное» положение только для себя: ей никакого дела нет до единого организованного хозяйства, она жаждет монополии в целях высокой прибыли, с какой же стати она станет упускать доставшийся ей козырь? Если хозяйственная структура одной страны выше хозяйственной структуры другой, то финансово-капиталистическая группа первой будет стремиться *подчинить* себе хозяйство последней, превратить менее развитую в капиталистическом отношении страну в свою коло-

¹⁾ Джек Лондон—американский писатель, написал несколько мрачно-утопических рассказов, посвященных будущему обществу («Железная пята», «Отрубленная рука», «Смирительная рубашка»).

²⁾ Олигархия или олигократия—такая форма государственного устройства, при которой власть принадлежит немногим, небольшой группе.

нию, расширить этим территорию своего экономического господства. Если, наконец, две капиталистические страны экономически равны, но одна из них располагает в данный момент более мощными средствами нападения, более организованной и оформленной вооруженной силой, то объединения между ними не произойдет: капиталистическая группа более сильной в военном отношении страны будет стремиться использовать эту силу для *подчинения* себе более слабой стороны. Одна капиталистическая страна вступает в коалицию с другими (см. § 143), но это—объединение для целей борьбы с другой коалицией; «мир и лад» между грабителями продолжается (с перебоями, впрочем) лишь до тех пор, пока не достигнута общая цель—сокрушение вражеской коалиции и ее ограбление. Когда же наступает момент дележа, драка между «державами-победительницами» неминуема: та держава, которая считает себя коноводом коалиции, захочет сорвать львиную долю, а другие этому воспротивятся...

Если даже допустить невозможное—что отдельные национальные финансово-капиталистические клики объединятся в общих интересах капитала в единую финансово-капиталистическую группу, владеющую мировыми богатствами и управляющую мировым хозяйством—то и тогда не может быть мира и лада, и тогда без анархии не обойдется. В самом деле, что же будет делать эта объединенная группа на мировой территории своего господства? Она будет продолжать согласованно делать то, что она делает теперь—она будет насаждать капитализм всюду, где его нет, во всех капиталистически отсталых странах, она будет строить фабрики и заводы, проводить железные дороги, извлекать из земли ее недра, вырубать леса и т. д. Но, вызвав дух капитализма из бутылки, она вызовет и стремления господствующих классов этих стран к полному захвату прибавочного продукта; господствующие классы этих стран быстро превратятся в капиталистическую буржуазию, которая предъявит свой вексель на «отечественную» прибавочную стоимость. И начинай с начала.

Именно логически мысля, нельзя себе представить финансово-капиталистическое господство без анархии производства и без бешеной борьбы, раздирающей капиталистический класс: объединительные тенденции финансового капитала являются следствием стремления не к целесообразной организации общественного хозяйства, а к монополистическому хозяйственному единовластью одной клики в ущерб не только интересам пролетариата, но и других капиталистических групп.

§ 145. Общественные классы в период финансового капитализма. Финансовый капитализм ставит у кормила правления хозяйством только небольшую капиталистическую группу. Некоторые группы капиталистического класса превращаются в ратье, акционеров,

живущих «стрижкой купонов», т.-е. на доход, доставляемый им денежной собственностью. Эта тенденция усиливается экспортом капитала, отрывающим производство от акционеров и в смысле расстояния. Мелкие капиталисты обрекаются на пролетаризацию. Но та небольшая группа, которая правит хозяйством, уже не сама организует производство (реально организаторскую роль она предоставляет наемной интеллигенции), а ведет «высшую политику», которая заключается в закулисных махинациях, направленных к укреплению ее господства и к сокрушению всех сопротивляющихся... Капиталистический класс таким образом *вырождается*: он превращается из былого класса—организатора производства—в класс хозяйственно-паразитический. Ведя завоевательную политику, капиталистический класс не только возлагает все тяготы войны на плечи трудящихся масс, но и самую организацию вооруженных сил он предоставляет наемной интеллигенции или осколкам феодальной аристократии.

Мелкая буржуазия—группы официально самостоятельных производителей, сохранивших собственность на свои жалкие орудия производства—подвергается тройному штурму со стороны финансового капитала: 1) ее хозяйство разрушается объединенным капиталом с большей беспощадностью, чем когда бы то ни было, и быстрее приближается к своему пределу—пролетаризации; 2) как наиболее многочисленная масса потребителей, она подвергается угнетающему действию высоких цен, уменьшающему ее норму потребления и обрекающему ее на жалкое существование; 3) с ростом милитаризма и расходов на войну «в скрытом и явном состояниях», она под нажимом налогового пресса все больше и больше средств отдает из своего скудного трудового дохода молоху войны; этому молоху она отдает и значительную часть своей рабочей силы: пушечное мясо для империалистических армий и войн вербуются главным образом из ее рядов.

Пролетариат подвергается в эпоху финансового капитализма более свирепой эксплуатации, чем в эпоху промышленного капитала. Высокие цены на предметы первой необходимости, на средства существования—понижают реальную заработную плату до крайних пределов, катастрофически уменьшая долю пролетариата в общественном продукте. Ряды резервной промышленной армии растут: 1) под влиянием сокращения производства, к которому часто прибегает финансовый капитал в целях удержания цен на определенном уровне; 2) вследствие непрерывной пролетаризации мелкой буржуазии; 3) благодаря экспорту капитала в отсталые страны, где капитал, разоряя миллионы мелких производителей, находит себе сколько угодно рабов (в прямом и переносном смысле слова); 4) благодаря все чаще практикующемуся привлечению в промышленные центры все

больших масс неквалифицированных рабочих из отсталых стран. Мировой милитаризм ложится на плечи пролетариата еще большим бременем, чем на плечи мелкой буржуазии: расходы на завоевательную политику буржуазии последняя стремится выколлотить не из присвоенной ею прибавочной стоимости (это противоречило бы ее стремлениям к сверхприбыли), а из заработной платы (на-ряду с трудовым доходом). Так как заработная плата не превышает стоимости средств существования, то сокращение ее означает понижение жизненного уровня рабочего класса до биологического минимума, до уровня жалкого животного существования. В реках крови, проливаемой финансовым капиталом, не мало пролетарской крови...

Капиталистический класс превратился в паразитический не только в производственном отношении, но и в военном. Сделавшись таким же воинственным классом, как когда-то феодальное рыцарство, он не только не сделал, подобно последнему, военное дело своим призванием, но и всю свою завоевательную политику стремится вести не на счет получаемого им избытка, а жалкого дохода ограбляемого им пролетариата и трудовых слоев населения. В период «скрытого состояния войны» (т.-е. в подготовительный период вооружений до открытой войны) капиталистический класс сокращает всеми мерами реальную заработную плату и через посредство своего буржуазного государства выжимает из тощих кошельков рабочих и крестьян суммы, необходимые на непрерывные вооружения. В период войны он фактически уменьшает заработную плату в 2—3 раза, выдвигая перед рабочими угрозу не только голода, но и бесславной для пролетария смерти на неславном посту; угроза фронта должна удерживать полуголодного рабочего у станка как раз тогда, когда капиталист, одетый в мундир «земгусара», срывает миллионные куши. Еще всем памятна бесславная эпоха 1914—1917 г.г., когда миллионы крестьян и рабочих гибли от пуль и пушечных снарядов, замерзали в окопах, гнили в казармах и лазаретах; когда миллионы рабочих под угрозой отправки на фронт должны были работать дни и ночи, получая реально в 2 раза меньше, чем в «мирное» время; когда всякое заявление об улучшении положения рабочих (а тем паче требование) карались как измена отечеству. И в это же время обнаглевшая и ошалевшая от жадности буржуазия ковала себе золото из крови и грязи, в которых захлебывались трудящиеся массы; в это же время буржуазия зашибала деньги на подрядах, поставках, займах и проч.

Исторически финансовый капитал является завершением капиталистической эксплоатации, которая никогда не была так безжалостно нагла и так обнаженно-откровенна, как в современную капиталистическую эпоху. Это способствует быстрому прояснению классового самосознания пролетариата и росту его энергии сопротивления.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ.

КРУШЕНИЕ КАПИТАЛИЗМА, ПУТЬ К КОММУНИЗМУ И КОММУНИСТИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО.

§ 146. **Загнивание капитализма.** Финансовый капитал делает из капиталистического класса не только паразитический класс, но и хозяйственно-реакционный, т.-е. задерживающий хозяйственное развитие, приостанавливающий технический прогресс. Если конкуренция заставляла промышленный капитал вводить новые машины и технические усовершенствования и двигать таким образом хозяйство вперед, то капиталистическая монополия задерживает это развитие, кладет предел техническим усовершенствованиям (а иной раз ведет к порче, к уничтожению уже произведенных ценностей). Капиталистическому классу делается часто экономически невыгодным развитие производительных сил, раз с одной стороны он может беспрепятственно и без особых с его стороны усилий устанавливать монопольные цены, и если, с другой стороны, существует постоянная угроза сужения потребительного рынка. Капитализм неизбежно переходит в застойную форму, начинает загнивать.

Это нужно понимать как *тенденцию* современного капитализма, как непрерывное его стремление, но не как законченный процесс: на-ряду с монополией внутри страны (не полной монополией, так как пока еще существуют и несиндицированные предприятия) еще господствует конкуренция на мировом рынке. Но последствия этой тенденции в смысле задержания технического прогресса сильно сказывались с момента появления части капиталистических монополий. Ярким примером может служить наша уральская промышленность, которая с запрещением ввоза в Россию чугуна и железа (что давало русским капиталистам монопольное положение) сократилась до $\frac{1}{4}$ прежней продукции, между тем как промышленники получали сказочное барыши (45—90%). В эпоху финансового капитализма все чаще и чаще встречаются случаи не только неиспользования величайших изобретений, но и сохранения их в тайне каким-нибудь синдикатом или трестом, купившим их у изобретателя. Достаточно

указать на пример, приведенный т. Лениным в его книге «Империализм как новейший этап капитализма» (Государств. Изд., Москва—Петроград 1923 г., стр. 81): «в Америке некий Оуэнс изобрел бутылочную машину, производящую революцию в выделке бутылок. Немецкий картель бутылочных фабрикантов скупает патенты Оуэнса и кладет их под сукно, задерживает их применение». Таких примеров много.

Раз экономика финансового капитализма делается реакционной, то реакционной делается и его политика. Буржуазия всюду стремится удержать все худшее, что было в старом порядке, отказываясь от «благ политической свободы» (даже буржуазной), когда-то ею завоеванных. Вторгаясь в новые области (экспорт капитала), финансовый капитал ломает там все социальные отношения, разрушает все формы, установленные там веками: пролетаризирует население, уничтожает там старые промыслы, нажимает налоговый пресс, неся этим разорение, попирает заветы дедов. Он производит там полную революцию в интересах капитала, но политические формы он устанавливает там не революционные, а реакционные: движимый стремлением к монополии, он устанавливает формы единовластия—диктатуры метрополии. Он берет из арсенала прошлого самые отвратительные формы абсолютизма,—и в этом отношении финансово-капиталистическая буржуазия выступает в качестве паразитического класса: управление она передает наемной интеллигенции и военщине.

Финансово-капиталистическая буржуазия, подобно своим предшественникам—рабовладельческому и феодальному классам—вырождается во всех отношениях: в хозяйственном, политическом и военном. Деградирует вместе с его организатором и капиталистическое хозяйство, ускоряя этим свою неизбежную гибель.

Вырождение капитализма подвигается неотступно вперед. Оно ускоряет тот процесс распада, который вызывается внутренними противоречиями, в капитализме заложенными.

§ 147. Обострение противоречий, вызываемое войной. Империалистические войны, к которым неизбежно ведет политика финансового капитала, подобно грандиозным кризисам вызывают обострение всех противоречий, заложенных в капиталистическом обществе, и тяжелое потрясение капиталистического хозяйства, приближая таким образом крушение капитализма. Если прежние империалистические войны (которые учащались с конца прошлого века) производили такое действие частично, то подготовленная всем ходом финансово-капиталистического развития мировая война ¹⁾ оказала это действие на всю мировую экономику.

¹⁾ В войне участвовали как «великие державы»—Англия, Германия, Франция, Россия, Италия, Испания, Сев. Америка, Соедин. Штаты,—так и целый ряд мелких.

«Внутри каждой страны,—говорит тов. Бухарин¹⁾,—и в соотношениях между странами, в «народных хозяйствах» и в хозяйстве мировом она произвела целый переворот. На-ряду с поистине варварским расхищением производительных сил, уничтожением материальных сил производства и живой рабочей силы, на-ряду с обескровлением хозяйства путем чудовищных общественно-вредных расходов, война, подобно гигантскому кризису, обострила основные тенденции капиталистического развития, ускорив в необычайной степени рост финансово-капиталистических отношений и централизации капитала в мировом масштабе».

«По своему экономическому влиянию,—говорит дальше (стр. 146) тов. Бухарин,—война во многом напоминает промышленные кризисы, отличаясь от последних, конечно, большей интенсивностью потрясений и опустошений. Экономически эти опустошения отражаются, прежде всего, на средних прослойках буржуазии, которые—точно так же, как и во время промышленных кризисов—вымирают при таких условиях гораздо скорее. Когда теряются рынки, гибнут целые производственные отрасли, потому что отсутствует платежеспособный спрос, расстраиваются прочные доселе связи, потрясается вся кредитная система и т. д., и т. д.,—наиболее затронутыми (мы не говорим здесь о рабочих, конечно) являются промежуточные слои буржуазии: банкротству подвержены прежде всего они».

Война таким образом обостряет во-вне столкновение между разными финансово-капиталистическими кликами, а внутри ставит два класса—пролетариат и буржуазию—лицом к лицу; она приближает момент столкновения.

§ 148. Мировая война и развитие государственного капитализма.

Гигантские размеры войны требовали централизации всего производства—сосредоточения всех синдикатов, трестов и отдельных предприятий в одних руках с тем, чтобы производство всех предметов войны (вооружения и снабжения армий) шло непрерывно. Эта централизация была в то же время милитаризацией—приспособлением всего производства к требованиям войны. В чьи же руки передавалось производство во всех воюющих капиталистических странах? В руки «своего» буржуазного государства: на место капитализма частных синдикатов и трестов во всех воюющих странах стал развиваться государственный капитализм—товарное хозяйство с наемной рабочей силой и со всеми классовыми противоречиями, сосредоточенное, однако, в главнейших отраслях промышленности в руках государства, а в остальном подвергающееся контролю и регулирующему действию государственных органов.

Переход к государственному капитализму в разных странах совершался в разных формах и степенях. Формы эти в общем

¹⁾ Н. Бухарин. Мировое хозяйство и империализм. Госуд. Изд., Москва—Петроград. 1923 г.

следующие: 1) государственные монополии, производственные и торговые; 2) смешанные предприятия, т.-е. в которых государственный капитал является участником наряду с частными трестами и синдикатами; 3) государственный контроль и регулирование производства частных предприятий; 4) регулирование распределения (запрещение ввоза и вывоза, обязательность поставок для государства, устройство государственных центральных складов и т. д.); 5) государственный кредит, поддерживающий те предприятия, которые изготовляют для государства (т.-е. в данном случае для ведущейся государством войны) необходимые предметы; 6) государственная организация потребления (общие кухни, распределители продуктов и т. д.); 7) государственное страхование грузовых транспортов, подвергающихся опасности нападения со стороны неприятельских сил, векселей и других обязательств, выданных во враждебных странах, и т. д. Государственный капитализм осуществлялся в разных степенях в зависимости от степени объединения капитала в данной стране: там, где сильнее были развиты горизонтальные и вертикальные объединения капиталистических предприятий, там же происходила милитаризация промышленности и объединение ее в руках империалистического государства.

§ 149. Государственный капитализм во время мировой войны и классы. Не только в буржуазно-шовинистическом ¹⁾ лагере, но и в «социалистическом» (вернее сказать, в социал-шовинистическом), милитаризация промышленности, проведенная в воюющих странах в форме государственно-капиталистической, определялась как некая разновидность социализма («государственный социализм», «военный социализм», «национальный социализм» и т. п.). В действительности же те или другие формы государственного капитализма (там, где производство сосредоточивается в руках буржуазного государства) не только ничего общего не имеют с социализмом, но ещё более заостряют все противоречия классово-капиталистического господства. Социализм означает обобществление (т.-е. передачу в руки неклассового общества) средств производства и, следовательно, общественное производство и распределение; государственный капитализм—передачу производства в руки буржуазного государства (которое является орудием буржуазного господства), товарное производство, частный характер производства, классовое общество. При государственном капитализме верховная финансовая капиталистическая клика берет открыто в свои руки хозяйственно-государственный аппарат и извле-

¹⁾ Шовинизм—доведенное до крайней степени нерасположение или даже ненависть к другим народам. Это всегда имеет один экономический источник—интересы господствующего класса терпят от конкуренции с господствующими классами других стран и народов. Пролетариату по его классовой сущности шовинизм чужд и даже наносит вред делу его классовой борьбы.

кает из этого положения еще большую прибыль, «средние классы» терпят еще большее крушение, а рабочий класс подвергается еще более страшной и бесчеловечной эксплуатации, чем при капитализме частных синдикатов, картелей и трестов.

Сохранение товарного хозяйства и частной собственности капиталистов на средства производства означает жестокую эксплуатацию «собственного» населения небольшой финансовой капиталистической кликой, орудующей всем государственно-хозяйственным аппаратом: на внутреннем рынке устраняется всякая конкуренция, что позволяет драть какие-угодно цены.

Дороговизна средств существования—неизбежное последствие такого положения. На внешнем рынке—на мировом—конкуренция остается, принимая при этом особенно ожесточенный характер: тут сталкиваются не отдельные товаропроизводители, а целые государства, могучие левиафаны. Не только политический «враг», но и «союзник» стремится использовать какие-нибудь преимущества своего положения, чтобы «мирным» путем (а если понадобится, то и помощью «бронированного кулака») завоевать рынки, ускользающие почему-либо из рук других государств, «вражеских» или «дружественных». Северо-Американские Соединенные Штаты, пользуясь тем, что европейские государства были поглощены исключительно взаимным истреблением и производством почти исключительно «военных» ценностей,—сумели занять исключительное положение на мировом рынке по экспорту сельско-хозяйственных продуктов (с прекращением вывоза русского хлеба) и предметов военной промышленности, спрос на которые принял в Европе такие чудовищные размеры, что одна европейская промышленность не могла его удовлетворить. Должник Европы до войны,—Америка быстро сделалась его кредитором. Финансовая мощь Америки росла с каждым днем и сделала ее в мировой борьбе капиталистических хищников самым сильным бойцом...

Неудивительно поэтому, что финансово-капиталистическая буржуазия не только без борьбы, но и крайне охотно приняла этот «военный социализм» и поставила на службу империалистическому государству свой синдикатско-трестовский аппарат. Буржуазия не пугается слов, когда рядом с надеждой на успех в войне за право монопольного грабежа всего мира еще пахнет и солидными барышами. Она знала, что «свое» государство не выдаст, и оно действительно не выдавало своих буржуа: они загребали неслыханные барыши. В России 30—40% прибыли стали заурядным явлением. В Германии прибыль некоторых трестов за первый год войны удвоилась. В Соединенных Штатах прибыль стального треста в начале 1916 г. увеличилась втрое против конца 1915 г., а в 1917 г.—почти в пять раз. Крупные банки тоже зашибали всюду немалую деньги. Разорилась только мелкая сошка, но до этого крупной буржуазии никакого дела не было. Той финансово-капиталистической клике, которая и раньше фактически владела производством, государственный

капитализм дал только новое подспорье, новые средства ее господства, новые возможности централизации и монополизации хозяйства и капитализма. Далёко не так дело обстояло (и еще теперь обстоит) с рабочим классом и всеми промежуточными группами. Больше всех от «военного социализма» пострадал рабочий класс: он не только при все растущих ценах на средства существования получал все меньшую долю общественного продукта в виде все сокращавшейся реальной заработной платы, но и лишился почти всех прежних прав, им завоеванных долготрудной борьбой. Почти все отрасли промышленности оказались «государственно-необходимыми», служащими целям войны (самой «благородной» цели буржуазии), и стачка приравнивалась к государственной измене. Постарадали и промежуточные группы, хозяйство которых безжалостно раздавливалось пятой государственно-трестированного капитала или же совершенно погибало вследствие выкачки рабочей силы; все, кто оставался сколько-нибудь трудоспособным, обрекались на участь убойного мяса...

Все это только обострило и углубило классовые противоречия между пролетариатом и буржуазией. Все это выдвигало перед рабочим классом необходимость бросить искру социальной революции в тот пороховой погреб, в который превратилось капиталистическое общество.

Иной раз экономическую структуру, установившуюся в С. С. С. Р. при новой экономической политике, называют государственным капитализмом. Это может вызвать смущение у некоторых товарищей: как же так—в государстве трудящихся устанавливается то, что мы считаем квинт-эссенцией капиталистических противоречий. Дело тут, однако, в том, что *государство в руках не буржуазии, а пролетариата*. О капитализме в Советском Союзе можно говорить с большим ограничением: мы имеем товарное хозяйство (и частные и государственные предприятия изготовляют продукты для продажи) и, следовательно, рынок, но... мы не имеем частной собственности капиталистов на средства производства—этой главной причины эксплуатации и господства буржуазии. *Почти вся масса средств производства в руках государства трудящихся; в его же руках организация важнейших центров промышленности*. Мы имеем таким образом сходство слов, но не содержания и целей: государственный капитализм при классовом господстве буржуазии осуществлял эксплуататорские стремления верхушки капиталистического класса и ее грабительские вожеления; государственный «капитализм» (по названию, но не по существу) рабочего класса ставит целью подготовку возможностей осуществления коммунистического хозяйства и общества.

В этом сущность нашей экономической структуры, как переходного периода к коммунизму, между тем как сущность капиталистической структуры (в какой бы форме она ни выступала) является возможность эксплуатации, коренящаяся в частной собственности капиталистического класса на средства производства, охраняемой и защищаемой буржуазным государством.

§ 150. Расстройство военной капиталистической экономики. Государственный капитализм военной эпохи являлся необходимой и неизбежной формой хозяйства, приносившего к целям войны. Но именно это последнее обстоятельство («все для войны») подрывало хозяйство как таковое: не говоря о тех ужасах, которые война приносила рабочему классу и всем трудящимся, она сильно истощила все производительные силы и внесла расстройство во все производственные отношения. Укажем из длинного ряда ущербов, принесенных хозяйству войной, главные из них:

1) *Убыль рабочей силы.* Только до марта 1917 г. убитых, раненых и без вести пропавших насчитывалось до 25 миллионов (из них 8 миллионов убитых). Цвет наций—самые здоровые и трудоспособные элементы—был истреблен; оставшиеся в живых и даже вернувшиеся к станкам и полям оказались людьми с пониженной трудоспособностью.

2) *Оскудение производительных сил,* вызываемое убылью рабочей силы. Финансово-капиталистическая верхушка получала свою огромную прибыль не вследствие увеличившегося количества созданных ценностей, а на счет других буржуазных групп—мелких капиталистов и несиндицированных предприятий.

3) *Растрата средств производства.* Главную массу продукции военного времени составляли предметы общественно-вредные, т.-е. орудия и средства истребления (пушки, гранаты, шрапнель, динамит, порох и т. д.). Огромная масса разных металлов пошла не на полезные цели, т.-е. не на производство предметов, удовлетворяющих человеческие потребности или потребности производства, а для выбрасывания на воздух, в воду и в человеческие тела.

4) *Перераспределение производительных сил (средств производства и рабочей силы).* И та рабочая сила, которая уцелела от смертельной алчности фронта и казармы, и те средства производства, которые шли в дело, не находили себе прежнего привычного применения с постановкой промышленности на военную ногу; машины и сырье, предназначенные для выработки одних продуктов, теперь приспособлялись к выработке других, служащих целям войны предметов (в Германии, например, даже фортепианные фабрики были приспособлены к производству патронов); то же самое и с рабочей силой—огромная масса рабочих определенной квалификации ставилась на совершенно иные работы, чем она раньше выполняла. Эта группировка, произведенная наспех, не могла не отразиться в смысле понижения количества и качества труда.

5) *Распадение связей капиталистической системы.* Внутри страны перегруппировка рабочей силы и средств производства, с одной стороны, и сокращение целого ряда отраслей промышленности—с другой,

не могла не разрушить цепной связи между различными отраслями промышленности. Это должно было вызвать невероятную неслаженность всей хозяйственной системы. Во-вне—борьба, с одной стороны, за *мировой* рынок, за захват мирового хозяйства, а с другой—фактическое расторжение всех производственных связей между хозяйствами разных стран. Передвижение средств производства (нефти, угля, леса, металлов и т. д.) из одной страны в другую прекратилось, прекратилось и передвижение рабочей силы, и капиталов, и товарообмен. «Национальные» хозяйства превращались в замкнутые, оторванные друг от друга. Это еще в большей степени, чем переход мирной промышленности к формам военной, должно было привести к спешному перераспределению средств производства и рабочей силы. Это усилило стремление к хозяйственной обособленности, к изолированию «национальных» хозяйств от мировых связей.

Общим итогом всех этих разрушительных процессов является все *прогрессирующее* (увеличивающееся) *сужение воспроизводства*. Особенностью капиталистического способа производства является расширенное воспроизводство; это и делало капиталистическую структуру хозяйства более высоким типом хозяйства, чем предшествующие структуры. Но противоречия, заложенные в капиталистическом способе производства, приводят его к своему отрицанию: к финансово-капиталистической монополии, останавливающей прогресс хозяйства, к империалистической политике и мировой войне, разрывающей связи мирового хозяйства, поворачивающей хозяйство вспять—ко временам хозяйственной дикости и обособленности, истощающей все источники производства.

Вырождение капитализма выражается не только в том, что он не двигает хозяйство вперед, но и в том, что он начинает разрушать все жизненные силы общества и истреблять все производительные силы. Это делает его гибель неизбежной и вопросом дня.

§ 151. Борьба пролетариата как фактор разрушения капиталистического строя. До сих пор мы говорили о тех ведущих к гибели капитализма разрушительных силах, которые заложены в нем самом, которые с необходимостью вытекают из всей совокупности условий развития капитализма. Было бы, однако, бессмыслицей полагать, что капиталистический строй «сам собой» разрушится, без вмешательства враждебной ему воли,—классовой воли пролетариата.

Буржуазные теоретики охотно изображают марксистское учение об общественном развитии как фаталистическое ¹⁾; если бы

¹⁾ Фатализм от латинского слова *fatum* (судьба, рок)—вера в слепой неизбежный рок, который тяготеет надо всем и которому все подчиняется и перед которым воля людей—ничто: «чему быть—того не миновать»...

это было так, то борьба пролетариата—такая же бессмыслица, как, по удачному выражению тов. Бухарина, борьба за скорое наступление солнечного затмения. На самом же деле марксисты понимают единство не как просто механическое соединение людей, пассивно (не действенно, безвольно) подчиняющихся стихийным законам природы—механическим законам. Общество понимается марксистами (и оно, действительно, так и есть) как соединение людей, одаренных волей и ставящих себе известные цели, соединение, которое зиждется на стремлении воздействовать на природу с целью получения средств к существованию. И все развитие общества и его изменения совершаются через волю людей, а не помимо нее. Поскольку мы в капиталистическом обществе имеем классы, интересы которых противоположны, то всякие изменения, которые неизбежно вытекают из совокупности условий, совершаются через волю классов (т.-е. групп людей, объединенных общими интересами—общей хозяйственной волей). Марксисты—детерминисты (т.-е. признают, что все явления, и в том числе и общественные, имеют свои причины, из которых они с необходимостью вытекают); они поэтому понимают, что воля класса имеет свои причины, что она обуславливается экономическим бытием; но они не фаталисты и признают волю людей,—а следовательно и классовую волю (которая в сущности есть воля всех людей, составляющих данный класс)—таким же фактором развития, как все остальное.

Воля пролетариата направлена к уничтожению эксплуатации и господства буржуазии. Это означает уничтожение прибавочной стоимости, уничтожение капиталистической системы. Воля пролетариата направляется поэтому к уничтожению капиталистического способа производства и замене его таким общественным строем, такой экономической структурой общества, которая гарантирует труду полный продукт. Таким строем является коммунистический. Воля пролетариата, однако, только тогда становится фактором разрушения капитализма, когда она выражается в действии и притом организованном действии пролетариата, т.-е. действии многих людей, объединенном и направленном по определенному плану и к ясно сознанной цели. Ясно, что это встречает противодействие того класса, который заинтересован в сохранении и укреплении капиталистического строя—противодействие со стороны буржуазии, воля которой направлена к получению прибавочной стоимости. Возникает борьба, которая не может быть прекращена до полной победы одной стороны. Беспристрастное изучение законов развития капиталистического общества говорит всем, кому дороги интересы пролетариата и в то же время интересы научной истины: *победа пролетариата неминуема, ибо он заносит свою мощную секиру на здание, которое трещит по всем швам.*

Не надо, однако, думать, что буржуазия одержима тем фатализмом, который она хотела бы привить пролетариату,— что

она бесстрастно ждет своего конца. Даже тогда, когда она верила в «незыблемость основ» буржуазного общества, когда лучшие ее представители—буржуазные революционеры эпохи Великой Французской Революции—искренно верили, что капитализм несет с собой лучший общественный строй, последнее слово общественного благополучия,—даже тогда буржуазия принимала самые суровые меры борьбы против возникавших объединенных действий пролетариата. Напуганное стачечным движением 1789—1791 г.г. (вызванным невероятной дороговизной предметов питания и, следовательно, понижением реальной заработной платы), буржуазное Национальное Собрание издало—по докладу И. Шапелье—закон о воспрещении, под страхом уголовных кар, стачек и других выступлений скопом. В 1796 г. предполагалось даже ввести телесное наказание для непокорных рабочих. Первая попытка «возбуждения народа против собственности» была безжалостно подавлена буржуазией и закончилась казнью ее инициаторов—Бабёфа и Дарта—и ссылкой на каторгу последователей Бабёфа. Каторжными законами было встречено рабочее движение в Англии и во всех других странах, где только труд поднимал голос против капитала. История борьбы не только труда с капиталом, но и капитала с трудом может заполнить целые тома. Но у всех стадий этой борьбы капитала с трудом есть одно общее: буржуазия всегда пользовалась своим господством в целях подавления рабочих. Законы, декретированные парламентами, царями и королями; судебные приговоры, изреченные буржуазными судами; штыки и пули армии, полиции и жандармерии; проклятия церкви и учения буржуазной науки,—все это соединялось в одну могучую силу против пролетариата. И не даром рабочий класс довольно скоро усвоил ту истину, которая высказывалась раньше учителем и вождем мирового пролетариата Карлом Марксом: что в первую голову должен быть разбит аппарат классового господства буржуазии—буржуазное государство.

Борьба рабочего класса, направившаяся не против отдельных злоб дня, а против всего капиталистического строя и в первую голову против буржуазного государства, не могла не испортить радужного настроения буржуазии. Успехи этой борьбы не могли не поколебать ее веру в незыблемость буржуазных основ. Все чаще начинают встречаться представители и теоретики буржуазии, которые допускают возможность недолговечности буржуазного строя. Но это вовсе не значит, что буржуазия решила «покориться судьбе»; наоборот, это еще больше подстрекает ее яростное стремление удержать свое положение господства, продлить по возможности дни своего владычества. Эти ее настроения прекрасно выразил американский миллионер и политический деятель Мак-Ханна, который в конце 90-х годов прошлого столетия или в начале нашего столетия сказал приблизительно следующее (цитирую на память): «Я знаю, что торжество рабочего класса неизбежно, что оно наступит раньше или позже, но я хочу, чтобы это произошло позже, а не раньше. Надо поэтому принять к этому меры». Эти меры он представляет в виде заинтересовы-

вания рабочих в успехах грабительской политики объединенного капитала, с одной стороны, и в организованной борьбе промышленных капиталистических объединений против непокорных рабочих,—с другой. Финансово-капиталистическая буржуазия действует в общем по этому рецепту. Она уже не полагается исключительно на свое государство с его скорпионами. Она прибегает к методам развращения квалифицированной верхушки рабочего класса, бросая ей крохи со стола, ломящегося под тяжестью награбленного колониального добра. Она выдвигает против рабочих, не поддающихся гнусным приманкам, солидарные действия своих союзов, *союзов предпринимателей*. Картели, синдикаты, тресты ставили себе на-ряду с целью захвата производства и рынка (борьба с потребителем) цели борьбы с рабочим классом. (Впрочем, к борьбе против рабочего класса легко присоединяются и некартелированные предприятия и отдельные капиталисты.) Союзы предпринимателей заводят *черные списки* (т.-е. *списки тех рабочих, которые за свою пропагандистскую деятельность или непокорность нигде не принимаются на работу*) и устраивают *локауты*—*массовые увольнения рабочих со всех фабрик и предприятий* в случае, когда рабочие предъявляют какие-либо требования. В последнее время финансово-капиталистическая буржуазия использовала войну в целях «обуздания» рабочих: прикрепив всех к заводам, она удерживала рабочих на голодном пайке страхом фронта и каторжных законов об «измене отечеству». В последние дни мы являемся свидетелями наступления во всех капиталистических странах капитала на труд: буржуазия награждает себя за пережитый ею в последние годы страх, навеянный пролетарской революцией в России и революционными откликами в Европе, сокращением заработной платы рабочих, разгромом их организаций и т. д.

Два класса—пролетариат и буржуазия—во всем мире стали друг против друга, собравши все свои силы для борьбы. И старый зверь капитализма—империалистическая буржуазия—еще оскаливает свои зубы, чтобы больно укусить своего врага—прежнего своего векового раба—раньше, чем принять на свою голову смертоносный удар...

§ 152. Необходимость и неизбежность социалистической революции во всем мире для окончательного краха капитализма и перехода к коммунистическому обществу. Политические партии пролетариата в разных странах вели еще в рамках буржуазного общества и буржуазного государства борьбу, направленную к политическим завоеваниям для рабочего класса (ограничение рабочего дня законодательным порядком, право союзов и стачек и т. д.). Однако, если бы эта борьба велась только в целях мелких каждодневных завоеваний, то она бы сути дела не касалась, она бы не затрагивала сущности капиталистического строя, она была бы «оппозицией его величества» (капиталистического строя), а не «его величеству». Такая борьба была бы направлена не против буржуазного государства, а к получению от него мелких

подачек, за которые пролетариат должен был платить слишком дорогой ценой своей крови, голода, холода, претерпевания всяческих преследований и т. д. Партия пролетариата поэтому, не пренебрегая мелкими завоеваниями, облегчающими продвижение вперед—к конечной цели—организовала и осознала борьбу пролетариата против капиталистического общества в целом; она направляла эту борьбу к конечному этапу—сокрушению буржуазного государства, экспроприации капиталистического класса и захвату власти пролетариатом, являющимся в свою очередь *средствами осуществления конечной цели пролетарской борьбы—устройства неклассового коммунистического общества*. Все, что мы знаем о капиталистическом обществе и законах его развития, говорит нам, что *возможность эксплуатации коренится в частной собственности капиталистического класса на средства производства, охраняемой и защищаемой буржуазным государством*. Поэтому классовая воля пролетариата к уничтожению эксплуатации должна была быть организована партией пролетариата в ряде действий, которые приводят к последнему и решительному «бою»—коммунистической революции, кладущей раз-на-всегда конец самой системе капиталистической эксплуатации.

Коммунистическая революция в одной стране не дает еще полного торжества делу пролетариата. Отдельные страны, как мы уже знаем, связаны друг с другом тысячами экономических нитей, сотканных всем ходом капиталистического развития. Поэтому еще в рамках буржуазного общества успешность борьбы рабочего класса в одной стране зависела от состояния борьбы рабочего класса в других странах.

Этому можно привести тысячи примеров, но мы ограничимся двумя, характеризующими шансы экономической борьбы пролетариата в одной какой-либо стране и политической. Когда в одной стране вспыхивала грандиозная забастовка рабочих одного какого-нибудь производства (например, углекопов), то буржуазия охотно прибегала к такому средству сломить «упорство» рабочих, как приглашение штрейкбрехеров¹⁾ в своей стране и рабочих из других стран (буржуа—пламенный патриот только тогда, когда кровью рабочих и крестьян защищаются интересы отечественной эксплуатации, на «отечественный» же труд, вставший против его разбойничьей прибыли, он готов призвать не то что мирных рабочих, но и все вооруженные орды—«монгол с востока и немец с запада»). Это ему легко бы удалось (потому, что и в его «собственной» стране и в «чужих» странах сотни тысяч и миллионы рабочих пребывают в резервной промышленной армии...), но международная солидарность рабочих расстраи-

¹⁾ Штрейкбрехер — рабочий, нанимающийся на работу в предприятие, в котором рабочие объявили забастовку.

вает его планы: рабочие других стран, узнав, что их приглашают на место бастующих, не соглашаются занимать это место и сорвать таким образом стачку¹⁾. Больше того, рабочие других производств и других стран из своих жалких крох уделяют часть в пользу бастующих, давая им таким образом возможность продержаться до того времени, пока предприниматель не будет вынужден уступить требованиям рабочих.

Интернациональная солидарность рабочих доставляет победу борьбе рабочих в одной стране.

А вот другой пример—«политический». Рабочие России в октябре 1905 г. добились своей революционной борьбой некоторых политических свобод и обещания созыва народного представительства, что для того времени представляло значительный успех. Царское правительство, однако, после подавления декабрьского восстания предавалось неистовствам над рабочим классом и его вождями и подготовляло полную ликвидацию всех завоеваний революции. Для этого (и других задач крепостнического государства) ему нужны были деньги, которые французский банковский капитал, искавший «сфер приложения», скоро (за большой процент, конечно) дал эти деньги. Если бы французский пролетариат был настолько силен и организован, чтобы этому помешать, русский рабочий класс должен был бы принести гораздо меньше жертв, чем он принес...

Необходимость международной борьбы пролетариата сознавалась давно и была формулирована Марксом и Энгельсом в «Коммунистическом манифесте» призывом: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Для целей международной борьбы были организованы I-й Интернационал (в 1864 г.), во главе которого фактически стоял Маркс, и II Интернационал (в 1889 г.), который существовал фактически до начала империалистической войны 1914 г.²⁾. Эта необходимость международной борьбы за коммунизм усиливается в момент совершения коммунистической революции хотя бы в одной стране (как, например, в России). Полный успех революции, т.-е. успех ее положительных задач и стремлений к построению коммунистического общества, будет возможен только тогда, когда комму-

¹⁾ Правда, подонки и изменники делу рабочего класса, штрейкбрехеры, находятся везде, а в Америке из этой рабочей сволочи буржуазия смогла организовать желтые пинкертоновские союзы (по имени их организатора, сыщика Ната Пинкертона), которые занимаются поставкой рабочих на место бастующих. Понятно, что они пользуются всеобщим презрением и ненавистью рабочего класса. Их, впрочем, немного, и рабочий класс с ними легко справляется.

²⁾ Мы, к сожалению, не можем тут останавливаться на истории Интернационалов и причинах их распада, так как это выходит за рамки нашей работы. Интересующимся этим вопросом мы рекомендуем (помимо крупных трудов, как Иекка, Стеклова и др.) «Азбуку коммунизма» т. Бухарина, §§ 35—39, или мою книгу «Очерки обществоведения», §§ 70, 73, 74.

нистическая революция совершится во всем мире или хотя бы в главнейших капиталистических странах. Это необходимо экономически и политически.

1) Пролетариат, захвативший власть, приступает к хозяйству на новых началах—началах общественного, научно-организованного производства и распределения. Он эту задачу может успешно выполнить лишь тогда, когда он может пользоваться как природными ресурсами (нефтью, углем, лесом, торфом, хлопком и т. д.), так и техническими достижениями (машинами, изобретениями и открытиями, квалифицированной рабочей силой и т. д.) других стран, давая, конечно, этим последним свои ресурсы и свои технические достижения, которых у них может не быть. Получается единое мировое хозяйство, научно-организованное, технически согласованное, связанное общими интересами всех его участников. Если этого условия нет, хозяйственное строительство затрудняется, а во многих случаях невозможно.

2) Если в одной стране пролетариат становится у власти, а в других—у власти остается буржуазия, то капиталистическое государство (как это было в Советской России) будет всеми способами душить пролетарское государство, затруднять борьбу революционной власти со своей контр-революционной буржуазией и т. д. При сопротивлении пролетарских масс этих стран своим правительствам в их стремлении задушить пролетарское государство—это им не удастся, но раз пролетариат этих стран не взял власти в свои руки, не сокрушил своих буржуазных государств, то эти последние будут пользоваться всеми случаями и возможностями, чтобы отравить существование пролетарского государства.

Все испытания Союза Советских Социалистических Республик объясняются тем, что капиталистический мир, потрясенный до самого основания, еще не рухнул окончательно, еще отбивается в последних конвульсиях от наступления мирового пролетариата. Но весь ход развития капиталистического общества и те неслыханные потрясения, которым оно подверглось благодаря империалистической политике господствующей клики, сделали близость социалистической революции неизбежной. Капиталистический мир не может и после войны стать на свои рельсы, он все катится с откоса в пропасть новых войн, новых потрясений, новых столкновений, которые означают его окончательную гибель.

§ 153. Пролетарская революция в России и диктатура пролетариата. Первую брешь капиталистическому миру нанес пролетариат бывшей России, теперешнего Союза Советских Социалистических Республик. Пролетарская революция красного октября 1917 г. совершила необходимый в мировой истории переворот в экономических

отношениях, сложившихся целыми веками классового господства ¹⁾. Экономическая особенность этой революции в том, что она экспроприировала один класс не в пользу другого класса (такие факты бывали и раньше), а в пользу всего общества, которое в процессе революционного творчества должно утвердиться как неклассовое общество.

Первая победоносная пролетарская революция разрешила пока отрицательные задачи (сокрушение буржуазного государства, экспроприация буржуазии и захват власти пролетариатом); разрешение положительных задач революции (построение неклассового коммунистического общества)—впереди, в процессе усилий пролетарского государства.

Если бы даже революция совершилась в масштабе мировом или хотя бы общеевропейском, то и тогда немедленное осуществление коммунизма—неклассового, безгосударственного общества (см. ниже § 155)—было бы невозможно. Понадобилось бы время и власть: 1) для подавления сопротивления буржуазии, которая без боя не сдалась бы (как она не сдавалась в Советской России); 2) для налаживания такого хозяйственного аппарата, который делает объективно возможными минимум трудовых усилий и максимум благ, удовлетворяющих в полном объеме потребности всего общества. Потребовался бы период диктатуры пролетариата между периодами крушения капитализма и наступления коммунизма.

Тем более настоятельной задачей—экономической и политической—является диктатура пролетариата в Советском Союзе, когда пролетарская революция не совершена в других странах: период, залегающий между капитализмом и коммунизмом, несколько удлиняется вследствие необходимости продержаться до социальной революции в мировом масштабе.

Что такое диктатура пролетариата?

Диктатура пролетариата есть особенно суровый способ управления пролетариатом и решительного подавления всякого сопротивления класса, стремящегося вернуть обратно капиталистическую эксплуатацию. Диктатура пролетариата есть таким образом власть, государственная власть пролетариата, становящегося временно господствующим классом (ибо всякое государство есть организация классового господства). Диктатура пролетариата не есть еще коммунизм, ибо последний означает общество без классов и без государства, но

¹⁾ Мы, к сожалению, не можем останавливаться на разборе характера и содержания экономической революции; об этом можно писать целые тома. Мы тут, в кратком курсе политической экономии, должны отметить самый факт переворота, поскольку он ведет к новой экономической структуре—коммунизму.

она резко отличается от капитализма, составляя его полную противоположность: 1) между тем как при капитализме существует частная собственность капиталистов на средства производства, при диктатуре пролетариата средства производства не принадлежат никому в отдельности, они принадлежат всему трудящемуся обществу и находятся в распоряжении организующего общественное хозяйство государства; 2) между тем как государственная власть капиталистического класса была направлена к закреплению форм классового господства, государственная власть пролетариата направлена к уничтожению всяких форм господства. Диктатура пролетариата является не целью пролетариата, а средством установления неклассового общества; она не только организует борьбу с буржуазной контр-революцией, но подготавливает хозяйственные условия осуществления коммунизма. Она закладывает начатки научно-общественной организации производства и распределения. Она поэтому принципиально не отличается от коммунизма (как от капитализма) и переходит в коммунизм без всякого разрыва производственных отношений, без революции.

§ 154. Коммунистическая партия и Коммунистический Интернационал в период диктатуры пролетариата. Раз до полного осуществления коммунизма существуют классы, при чем пролетариат является временно господствующим классом, то существует и партия пролетариата (существуют и партии буржуазии, но они подавляются как головка того класса, свобода которого несовместима с диктатурой пролетариата). Но роль пролетарской партии сильно меняется в зависимости от изменения экономического значения и роли пролетариата в новой переходной структуре общества к коммунизму. Если при капитализме она организовывала борьбу пролетариата с буржуазией *против* буржуазного государства и капиталистического строя, то при диктатуре пролетариата его партия организует борьбу с той же буржуазией, но за сохранение пролетарского государства до осуществления коммунизма. Это — борьба за власть пролетариата. Поскольку диктатура пролетариата ставит себе положительную задачу подготвления условий осуществления коммунизма в области хозяйственного строительства, партия пролетариата организует и направляет эти его творческие усилия.

Роль партии пролетариата — коммунистической партии — такова только в Советском Союзе, т.-е. в федерации стран, где восторжествовала пролетарская революция и диктатура пролетариата. В капиталистических странах коммунистическая партия подготавливает должествующее скоро наступить последнее столкновение пролетариата с буржуазией — коммунистическую революцию, несущую диктатуру пролетариата. Согласование действий всех коммунистических партий

и руководство этим решительным выступлением пролетариата во всем мире составляют задачи Коммунистического Интернационала—международной организации пролетариата, ставящей целью скорое осуществление диктатуры пролетариата во всем мире.

§ 155. Коммунистическое общество. Что будет представлять из себя то коммунистическое общество, путь к которому подготовлен всем ходом общественного развития и сейчас прокладывается пролетарской диктатурой в России и борьбой рабочего класса во всем мире?

Трудно представить себе коммунистическое общество в деталях, в частности, но общие основы его экономики вырисовываются вполне явственно как из понимания законов экономического и культурного развития общества, так и из практики пролетарской диктатуры.

I. Обобществление средств производства. Экономической основой капиталистической (и всякой классовой) эксплуатации являлась частная собственность на средства производства. Коммунистическое общество, не знающее эксплуатации, а следовательно и классов, завершает начатый диктатурой пролетариата переход средств производства из частного владения в общественное.

II. Общественная организация производства и общественное присвоение. Экономическим источником анархии производства и всех противоречий, раздиравших капиталистическое общество, было противоречие между общественным характером производства и частным характером присвоения. Коммунистическое общество устраняет частный характер присвоения и расширяет и совершенствует общественный характер производства. *Коммунистическое производство есть общественное, крупное и научно-организованное производство для удовлетворения потребностей всех членов общества.* Такое производство предполагает:

1) При широком разделении труда, дающем всем членам общества богатейший выбор занятий, *производство каждой хозяйственной единицы* (в техническом, но не социальном смысле этого слова) *для всех других.* В капиталистическом обществе производство носило такой характер частично (рядом с хозяйствами, производящими на рынок, оставалось не мало замкнутых или полужамкнутых хозяйств) и совершалось анархично, стихийно—на неопределенный рынок; в коммунистическом обществе производится столько, сколько нужно обществу для удовлетворения потребностей всех его членов и для целей воспроизводства. *Общественный характер производства планомерен—*согласуется с общественным присвоением.

2) *Общественная организация труда, производственных процессов,* дающая большую производительность труда, возможность техни-

ческих достижений, недоступных индивидуальному труду, и т. д., громадное техническое преимущество крупного производства и сложной кооперации—будут использованы коммунистическим хозяйством во всем его объеме.

III. *Техническое развитие.* Развитие техники в капиталистическом обществе часто тормозилось интересами капиталистического класса, враждебными интересам всего общества: машина не вводится, если она не увеличивает прибыли предпринимателя; патенты на изобретения прячутся, если они грозят понижением монопольных цен; производство сокращается, если не находится достаточного количества покупателей, и т. д. Кроме того, в классовом обществе значительная доля человеческого гения и изобретательности тратится на *орудия истребления*. Коммунистическое общество, не знающее классов и, следовательно, борьбы интересов, выбросит в мусорную яму истории гнусную и общественно-вредную военную технику и промышленность и направит все свои силы и человеческий гений на усовершенствование орудий труда и использование сил природы в интересах всего общества. Оно будет двигать технический прогресс до такой высоты, о которой мы сейчас можем иметь только смутное представление. Наиболее вероятным и ближайшим достижением коммунистического общества можно считать замену пара электричеством. Уже теперь намечаются еще более мощные источники энергии (внутри-атомной).

Коммунистический идеал, к которому мы приближаемся, и за который борется пролетариат, является идеалом не только наиболее справедливого общества, но и наиболее совершенного хозяйства, наиболее высокого типа хозяйственной деятельности человеческого общества. Максимум удовлетворения потребностей, материальных и духовных, при минимуме усилий,—вот что должно дать коммунистическое хозяйство.

Уже капиталистическая техника давала значительную экономии общественного труда, но алчность господствующего класса, безумная и общественно-вредная растрата труда, захват прибавочного труда эксплуататорской кучкой, недостаточно распространение машинной техники и благ кооперации (масса мелких хозяйств) и проч.—сводили (для общества) изумительные успехи техники на-нет. В Германии, стране высокой технической культуры, по переписи 1907 г., в крупных предприятиях, располагающих $\frac{1}{3}$ общей суммы паровой и электрической энергии, работало только $\frac{1}{10}$ всего количества рабочих; это означает, что производительность труда рабочего в крупном предприятии больше производительности труда рабочего мелких предприятий в $4\frac{1}{2}$ раза. В той же Германии на 100 гектаров пашни в крупном и хорошо технически обслуживаемом имении приходится в среднем 12 рабочих, в мелком—60: производительность труда в крупном производстве в пять раз более, чем в мелком.

При широком использовании в интересах всего общества даже технических успехов капиталистической эпохи, можно было бы достигнуть колоссального сокращения рабочего дня, избежать самого страшного для общества зла—применения детского труда, труда подростков, стариков, больных людей и т. д. По разным вычислениям рабочий день мог бы быть сокращен до 2 часов, если будет работать все работоспособное население.

Эпоха диктатуры пролетариата должна подготовить и подготавливает объективные условия для расцвета хозяйства коммунистического общества. Насаждение крупного производства, механизирование труда, вовлечение мелких хозяйств в круг коллективного крупного хозяйства, широкое использование уже известных источников энергии и развитие использования тех источников, которые еще недостаточно были использованы в капиталистическом обществе, поиски наилучших форм организации труда и т. д.,—все это великие задачи пролетарской диктатуры. Овладев средствами производства, пролетариат и руководимое им общество решают в период диктатуры сложнейшую задачу овладения самим производством, новой технической культурой, опытом, знанием, научными методами организации труда и т. д.

IV. *Организация общественного распределения.* Принципом этого распределения (поскольку общественное производство имеет своей целью не частное присвоение, а общественное) является «всем по потребностям», как принципом коммунистического производства является «от всех по способностям». *Коммунистическое распределение производится, значит, по признаку общественного потребления.* Удовлетворяются: 1) потребности отдельных членов общества (пища, одежда, жилище и т. д.); 2) общественные потребности (пути сообщения, просвещение, социальное обеспечение стариков, увечных, больных и т. д., воспитательные учреждения, народные развлечения и т. д.); 3) потребности воспроизводства средств производства.

Из этого ясно, что самая организация распределения является общественной, т.-е. исходит от общественного центра (или, скорее, ряда общинных центров, согласуемых одним общим центром). Менювая форма распределения, базировавшаяся на случайных и стихийных явлениях рынка, заменяется формой распределения, основанной на точном изучении потребностей общества. Продукты имеют *только потребительную стоимость, но не меновую*. Деньги, являвшиеся орудием обмена, отмирают: они становятся излишними. Отмирает ряд ненужных расходов человеческой энергии на торговлю, посредничество и т. д., что дает дополнительное сокращение труда, дополнительную экономию к экономии труда в коммунистическом производстве.

V. *Единое мировое хозяйство.* Уже капиталистическое общество стремилось стихийно к объединению национальных хозяйств в единое

мировое, ибо этого требуют интересы производства; противоречия, лежащие в капиталистическом способе производства, превращают эту объединительную тенденцию в свою противоположность—в причину вечных мировых столкновений. Коммунизм устраняет эти противоречия и превращает тенденцию объединения хозяйств в факт—планомерную организацию хозяйственного целого, создающую возможность целесообразного и широкого использования всех производительных сил мирового общества, всех ресурсов земного шара и сил природы, приведенного в соответствие со всеми потребностями мирового общества.

Коммунизм завершает длинный и тернистый путь, пройденный человеческим обществом от состояния жалкого рода, затерявшегося в тропических¹⁾ или субтропических²⁾ лесах, до состояния всечеловечества, единого всесильного общества, господствующего над земным шаром со всеми его сокровищами.

Коммунизм, это—Олимп³⁾, на котором будут восседать не отдельные всеведущие боги, а всё познающее и всё достигающее человечество. Освобожденное от внутренней борьбы, от борьбы человека с человеком, человеческое общество будет рваться в облака,—все его усилия направятся исключительно на завоевание природы. И нет границ этим завоеваниям, не видать и даже не мыслить того предела, который может быть поставлен достижениям человеческим в области познания и использования мировых сил.

Счастливы свободные поколения, которые будут жить в обетованной стране коммунизма, но не счастливы ли и мы, дети пролетариата, дети великой семьи трудящихся, влившие свои усилия и энтузиазм в великое дело пролетариата, класса-борца и освободителя? Не счастливы ли мы, перешедшие за черту насилия, лжи и взаимного истребления, мы, которым уже явственно виднеются очертания величественного Олимпа коммунизма?

Да, мы счастливы, мы, которым досталась радость борьбы за великое дело и радость великих достижений в этой борьбе.

¹⁾ Тропическая область и пояс земного шара, лежащий между тропиками (23 градуса 28 минут к югу и северу от экватора). Тропический пояс называется еще жарким.

²⁾ Субтропические пояса—пояса земного шара, прилегающие с севера и юга к тропическому.

³⁾ Олимп—название гор, встречающихся в Греции и Малой Азии. Олимп считался с глубокой древности колыбелью греческих племен. Благодаря этому Олимп считался священной горой—местопребыванием эллинских (греческих) богов.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Предисловие	3
ГЛАВА ПЕРВАЯ: Предмет политической экономии	5
§ 1. Политическая экономия—общественная наука—5. § 2. Общество—5.	
§ 3. Труд—5. § 4. Хозяйственная деятельность—5. § 5. Производство—6.	
§ 6. Производственные отношения—7. § 7. Экономические структуры общества—7. § 8. Типы экономических структур—7. § 9. Техника или система орудий труда—9. § 10. Предмет политической экономии—10.	
§ 11. Экономическая наука и технические науки—11. § 12. Политическая экономия—основная общественная наука—12.	
ГЛАВА ВТОРАЯ: Товарное хозяйство	13
§ 13. Натуральное хозяйство—13. § 14. Меновое хозяйство—14.	
§ 15. Техническое и общественное разделение труда—14. § 16. Сотрудничество (или кооперация)—15. § 17. Товар—15. § 18. Потребительная стоимость—16. § 19. Меновая стоимость—16. § 20. Меновая стоимость и стоимость—16. § 21. Труд—субстанция стоимости—17. § 22. Общественно-необходимое рабочее время—17. § 23. Труд конкретный и абстрактный—18. § 24. Труд простой и квалифицированный—18. § 25. Стоимость как общественное отношение—19. § 26. Стоимость и цена—20. § 27. Фетишизм товаров—21.	
ГЛАВА ТРЕТЬЯ: Сущность капиталистической эксплуатации.	22
§ 28. Капиталистическая структура общества или капиталистический способ производства—22. § 29. Рабочая сила как товар—23. § 30. Стоимость (и цена) рабочей силы—23. § 31. Необходимый продукт и необходимое рабочее время—24. § 32. Прибавочный продукт и прибавочное рабочее время—24. § 33. Прибавочная стоимость—24. § 34. Докапиталистическая и капиталистическая эксплуатация—24. § 35. Капитал—25. § 36. Капитал постоянный и переменный—26. § 37. Норма эксплуатации—26.	
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ: Абсолютная и относительная прибавочная стоимость	28
§ 38. Абсолютная прибавочная стоимость—28. § 39. Пределы производства абсолютной прибавочной стоимости—28. § 40. Относительная прибавочная стоимость—31. § 41. Рост относительной прибавочной стоимости в отдельных предприятиях—32. § 42. Общее количество прибавочной стоимости—33. § 43. Роль сотрудничества (кооперации) и крупного производства в увеличении количества прибавочной стоимости—34. § 44. Домашнее капиталистическое производство—35. § 45. Мануфактура—36. § 46. Машинное производство; фабрика—37. § 47. Развитие капиталистической техники—38. § 48. Конкуренция—38. § 49. Пределы развития техники в капиталистическом обществе—39.	
ГЛАВА ПЯТАЯ: Денежное обращение	41
§ 50. Относительная и эквивалентная форма стоимости—41. § 51. Развитие форм обмена—41. § 52. Денежный товар—42. § 53. Металлические деньги—43. § 54. Монеты—44. § 55. Функции денег—44. § 56. Потребное.	

количество денег—45. § 57. Банкноты и эмиссионные бумаги—47. § 58. Системы покрытия—48. § 59. Курс банкнот—48. § 60. Пределы колебания курса банкнот—49. § 61. Бумажные деньги—49. § 62. Бумажные деньги и кредитные деньги—49. § 63. Курс бумажных денег и лаж—50. § 64. Бумажно-денежное обращение в России—50. § 65. Девальвация, извлечение излишних бумажных денег путем займов; экономические меры к увеличению спроса на деньги—51. § 66. Бумажно-денежное обращение в эпоху диктатуры пролетариата—51.

ГЛАВА ШЕСТАЯ: Генезис—зарождение (происхождение) капитализма. 54

§ 67. Капитализм—стадия развития хозяйственных форм—54. § 68. Ремесленное производство—54. § 69. Торговый капитал—55. § 70. Торговый капитал и ремесло—57. § 71. Торговый капитал и феодалы—59. § 72. Торговый капитал и крепостное крестьянство—60. § 73. Первоначальное накопление—61. § 74. Накопление свободной рабочей силы—62. § 75. Первоначальное накопление в России—63.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ: Основные тенденции развития капитализма. 65

§ 76. Процесс производства—65. § 77. Простое и расширенное воспроизводство—65. § 78. Превращение первоначального капитала в капитализированную прибавочную стоимость—66. § 79. Накопление капитала—67. § 80. Концентрация и централизация капитала—67. § 81. Преимущества крупных предприятий над мелкими—68. § 82. Гибель мелкого производства и пролетаризация самостоятельных товаропроизводителей—68. § 83. Случаи живучести мелкого производства—69. § 84. Фабрика и кустари в России—71. § 85. Развитие капитализма в земледелии—71. § 86. Дифференциация крестьянства—72. § 87. Органическое и техническое строение капитала—73. § 88. Рост органического состава капитала в крупном производстве—74. § 89. Отношение роста органического состава капитала к общему количеству прибавочной стоимости—75. § 90. Рост органического состава капитала и капиталист. накопление—76. § 91. Относительное и абсолютное перенаселение—77. § 92. Промышленная резервная армия—79. § 93. Промышленная резервная армия и классовая борьба пролетариата—79.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ: Распределение общественного дохода. 81

§ 94. Отношения производства и отношения распределения—81. § 95. Распределение дохода между классами капиталист. общества—81. § 96. Заработная плата—81. § 97. Денежная и реальная заработная плата—83. § 98. Величина заработной платы—83. § 99. Прибыль—85. § 100. Норма прибыли—85. § 101. Органический состав капитала и прибыль—86. § 102. Быстрота обращения капитала и прибыль—87. § 103. Средняя норма прибыли—87. § 104. Стоимость и цена производства—88. § 105. Тенденция понижения нормы прибыли в капиталист. производстве—89. § 106. Проценты на капитал—89. § 107. Абсолютная и дифференциальная земельная рента—90. § 108. Цена земли—93. § 109. Налоги—93. § 110. Прибавочная стоимость—источник прибыли, ренты, процентов на капитал—96. § 111. Основные классы капиталистического общества—96. § 112. Классовая борьба пролетариата и рабочие организации—98.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ: Понятие о рынке и кризисы. 102

§ 113. Процесс реализации товарного производства—102. § 114. Значение рынка для непрерывного процесса капиталистического производства—103. § 115. Движение рыночных цен—регулятор процесса производства—103. § 116. Цепная связь между отраслями промышленности—104. § 117. Производство средств производства и производство средств потребления—106. § 118. Перепроизводство—108. § 119. Промышленные кризисы—109. § 120. Подъем, кризисы, застой—110. § 121. Неизбежность кризисов и противоречий в капиталист. обществе—110. § 122. Увеличение и уменьшение резервной промышленной армии—111. § 123. Анархия производства—112. § 124. Противоречие между общественным характером производства и частным характером присвоения—113.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ: Развитие финансового капитала и его господство в последнюю эпоху капитализма 115

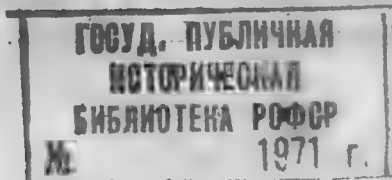
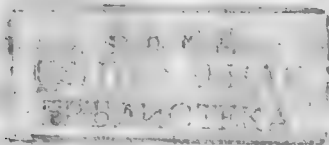
§ 125. Значение кредита для машинного капитализма—115. § 126. Банки—116. § 127. Жиро-оборот и расчетные палаты—117. § 128. Роль банковского кредита для разных классов капиталистического общества—118. § 129. Акционерные компании и банки—119. § 130. Фондовая биржа—122. § 131. Частно-капиталистические монополии и роль банковск. капитала—122. § 132. Повышение цен и так называемая картельная прибыль—124. § 133. Частно-капиталистические монополии и торговый капитал—125. § 134. Финансовый капитал—126. § 135. Обострение противоречий в эпоху финансового капитала—126. § 136. Концентрация банковского капитала—129. § 137. Тенденция к созданию национально-государственных трестов—129.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. Империализм и милитаризм. 130

§ 138. Финансовый капитал и буржуазное государство—130. § 139. Протекционизм или таможенная политика—131. § 140. Стремление к расширению таможенных перегородок—133. § 141. Накопление внутри капиталистических стран «избыточных» капиталов и экспорт капитала—134. § 142. Империализм и милитаризм—135. § 143. Империалистические коалиции—138. § 144. Неизбежность империализма в период господства финансового капитала—138. § 145. Общественные классы в период финансового капитализма—140.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ: Крушение капитализма, путь к коммунизму и коммунистическое общество 143

§ 146. Загнивание капитализма—143. § 147. Обострение противоречий, вызываемое войной—144. § 148. Мировая война и развитие государственного капитализма—145. § 149. Государственный капитализм во время мировой войны и классы—146. § 150. Расстройство войной капиталистического хозяйства—149. § 151. Борьба пролетариата, как фактор разрушения капиталистического строя—150. § 152. Необходимость и неизбежность социалистической революции—153. § 153. Пролетарская революция в России и диктатура пролетариата—156. § 154. Коммунистическая партия и Коммунистический Интернационал в период диктатуры пролетариата—158. § 155. Коммунистическое общество—159.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА — ПЕТРОГРАД

ЛЮКСЕМБУРГ, РОЗА. Накопление капитала. К вопросу об экономическом объяснении империализма. Пер. Ш. Дволайцкого. Под ред. Н. Бухарина. М. 1921. Стр. 336. Ц. 3 р. 75 к.

МАРКС, К. Заработная плата, цена и прибыль. М. 1922. Стр. 39. Ц. 6 к.

МАРКС, К. Капитал. Критика политич. экономии. Издание, подготовленное Ф. Энгельсом. Перев. под ред. В. Базарова и И. Степанова, пересмотренн. И. Степановым. Т. I. Кн. 1. Процесс производства капитала. М.—П. 1923. Стр. 767. Ц. 2 р.

ЕГО ЖЕ. Т. II. М.—П. 1923. Стр. 499. Ц. 1 р. 75 к.

ЕГО ЖЕ. Т. III. Ч. I и II. Кн. III. Процесс капиталистического производства, взятый в целом. Главы I—XXVIII. М.—П. 1923. Стр. 447. Ц. 1 р.

ЕГО ЖЕ. То же. Главы XXIX—LI. М.—П. 1923. Стр. 424. Ц. 1 р. 25 к.
ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ. (Сборник статей). Под ред. и с предисл. Дволайцкого и Рубина. М. 1922. Стр. 444. Ц. 40 к.

РУБИН, И. И. Очерки теории стоимости К. Маркса. М.—П. 1923. Стр. 125. Ц. 50 к.

СБОРНИК ЭКОНОМИЧЕСКИХ СТАТЕЙ. В. Милютин, Е. Варга, Л. Крицман, Ю. Ларин, Т. Цыперович, Ф. Капелюш. П. 1922. Стр. 153. Ц. 30 к.

СУХАНОВ, НИК. Земельная рента и принципы земельного обложения. Изд. 2-е. П. 1922. Стр. 127. Ц. 20 к.

ФИНН-ЕНОТАЕВСКИЙ, А. Экономическая система Карла Маркса. (Теория и практика.) П. 1919. Стр. 68. Ц. 03 к.

Социология. Общие социальные вопросы.

АКСЕЛЬРОД, Л. (Ортодокс). Философские очерки. Ответ философским критикам исторического материализма. М.—П. 1923. Стр. 219. Ц. 75 к.

БЕБЕЛЬ, А. Общество будущего. П. 1919. Стр. 84. Ц. 05 к.

БЕЛЬТОВ, Н. (Плеханов, Г. В.). К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. Изд. 6-е, с 2 приложениями. М. 1922. Стр. 304. Ц. 75 к.

БОГДАНОВ, А. Элементы пролетарской культуры в развитии рабочего класса. Лекции, читанные в Моск. Пролетк. весной 1919. М. 1920. Стр. 96. Ц. 25 к.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1921

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА — ПЕТРОГРАД

- БУХАРИН, Н. Теория исторического материализма. Популярный учебник марксистской социологии. М. 1923. Стр. 383. Ц. 1 р. 70 к.
- БЫСТРЯНСКИЙ, В. Пролетариат и наука. П. 1920. Стр. 31. Ц. 1 к.
- ВОЛЬФСОН, М. Б. Очерки обществоведения. 2-е доп. и испр. изд. с рис. в тексте. М.—П. 1923. Стр. 427. Ц. 2 р. 25 к.
- ГОРЕВ, Б. И. Материализм—философия пролетариата. М. 1920. Ц. 20 к.
- КАУТСКИЙ, КАРЛ. Размножение и развитие в природе и обществе. Пер. с рукописи под ред. Д. Рязанова с предисл. автора к русск. изданию. (Библиотека научного социализма.) П. 1919. Стр. 193. Ц. 35 к.
- ЕГО ЖЕ. То же. Пер. Д. Б. Рязанова. Исправл. и дополн. по последн. нем. издан. П. 1921. Стр. 193. Ц. 35 к.
- ЕГО ЖЕ. Собр. сочинений. Под общ. ред. Д. Рязанова и И. Степанова. Т. III. М.—П. 1923. Стр. 241. Ц. 75 к.
- ЕГО ЖЕ. Том IV. М.—П. 1923. Стр. 212. Ц. 60 к.
- КЕРЖЕНЦЕВ, П. М. К новой культуре. П. 1921. Стр. 91. Ц. 10 к.
- КИРКПАТРИК, Д. Война... ради чего. П. 1920. Стр. 383. Ц. 10 к.
- ЛАБРИОЛА, А. Исторический материализм. (Очерки материалистического понимания истории.) Перевод А. Н. Горлина. П. 1922. Стр. 220. Ц. 50 к.
- ЛАССАЛЬ, Ф. Избранные сочинения. О программе работников. Гласный отв. центр. ком. К рабоч. вопр. Сущность констит. М. 1920. Стр. 136. Ц. 15 к.
- ЛЕНИН, Н. (В. УЛЬЯНОВ). Собрание сочинений. Т. II. Экономические этюды и статьи 1894—1899 г.г. М.—П. 1923. Стр. 552. Ц. в папке 1 р. 30 к.
- ЕГО ЖЕ. Т. III. М.—П. 1923. Стр. 548. Ц. 1 р. 20 к., в папке 1 р. 60 к.
- ЕГО ЖЕ. Т. IV. «Искра» 1900—1903 г.г. М. 1922. Стр. 364. Ц. 1 р. 50 к.
- ЕГО ЖЕ. Т. VI. 1905 г. М. 1922. Стр. 637. Ц. 1 р.
- ЕГО ЖЕ. Т. VII. Революция 1905—1906 г.г. Ч. I. М. 1922. Стр. 354. Ц. 1 р., в папке 1 р. 10 к., в перепл. 1 р. 30 к.
- ЕГО ЖЕ. Т. VII. Революция 1905—1906 г.г. Ч. II. М. 1922. Стр. 303. Ц. в папке 75 к.
- ЕГО ЖЕ. Т. VIII. 1907 г. М. 1922. Стр. 663. Ц. 1 р. 20 к., в папке ц. 1 р. 26 к.
- ЕГО ЖЕ. Т. X. Материализм и эмпириокритицизм. М.—П. 1923. Стр. 326. Ц. 65 к., в папке 70 к.
- ЕГО ЖЕ. Т. XIV. Ч. I. Буржуазная революция 1917 г. М.—П. 1923. Стр. 324. Ц. в папке 1 р.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА — ПЕТРОГРАД

- ЛЕНИН, Н. (В. УЛЬЯНОВ). Т. XIV. Ч. II. Буржуазная революция 1917 г. М.—П. 1923. Стр. 536. Ц. 1 р. 45 к., в папке 1 р. 50 к.
- ЕГО ЖЕ. Т. XV. Пролетариат у власти. 1918 г. М. 1922. Стр. 692. Ц. 1 р. 20 к., в папке 1 р. 30 к.
- ЕГО ЖЕ. Т. XVI. Пролетариат у власти. 1919 г. М. 1923. Стр. 544. Ц. в папке 1 р. 50 к.
- ЕГО ЖЕ. Т. XVII. Пролетариат у власти. 1920 г. М.—П. 1923. Стр. 477. Ц. в папке 1 р. 25 к.
- ЕГО ЖЕ. Т. XVIII. Ч. I. Пролетариат у власти. М.—П. 1923. Стр. 452. Ц. в папке 1 р. 30 к.
- ЕГО ЖЕ. Т. XIX. Национальный вопрос (1910—1920 г.г.). М. 1921. Стр. 300. Ц. 50 к.
- ЛИБКНЕХТ, К. Милитаризм и антимилитаризм в связи с распространением интернационального движения рабочей молодежи. Пер. с нем. П. 1921. Стр. 218. Ц. 15 к.
- МАРКС, К., и ЭНГЕЛЬС, Ф. Собрание сочинений т. III. М. 1921. Стр. 519. Ц. 1 р.
- МАРКС, К. Нищета философии. Пер. В. Засулич. М.—П. 1922. Стр. 165. Ц. 50 к.
- МОРЕЛЛИИ. Кодекс природы или истинный дух ее законов (1755). Пер. с франц. М. Е. Ландау. С предисл. В. П. Волгина. М. 1921. Стр. 116. Ц. 25 к.
- НАУКА В СОВЕТСКОЙ РОССИИ. М. Н. Покровский. Общественные науки в России за четыре года.—А. Тимирязев. Точные науки за четыре года. М. 1922. Стр. 21. Ц. 4 к.
- ПЛЕХАНОВ, Г. Наши разногласия. М.—П. 1922. Стр. 247. Ц. 40 к.
- ЕГО ЖЕ. Сочинения (с портретом автора). Библиотека научного социализма под ред. Д. Б. Рязанова. Т. I. Ч. I и II (1878—1884 г.г.). П. 1920. Стр. 381. Ц. 50 к.
- ЕГО ЖЕ. Сочинения. Предисл. Д. Рязанова (Институт К. Маркса и Ф. Энгельса). Библиотека научного социализма под общей редакц. Д. Рязанова. Том I. М.—П. 1923. Стр. 364. Ц. 1 р. 20 к.
- ЕГО ЖЕ. Том II. Под ред. Д. Рязанова (Институт К. Маркса и Ф. Энгельса). Библ. научн. социализма под общ. ред. Д. Рязанова. М.—П. 1923. Стр. 404. Ц. 1 р. 20 к., в папке 1 р. 30 к.
- ЕГО ЖЕ. Том III. М.—П. 1923 г. Стр. 428. Ц. 1 р. 30 к.
- ЕГО ЖЕ. Т. IV. М.—П. 1923 г. Стр. 332. Ц. 1 р.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА — ПЕТРОГРАД

ПОКРОВСКИЙ, Н. М. Экономический материализм. П. 1920. Стр. 40.
Ц. 5 к.

ТИМИРЯЗЕВ, К. Наука и демократия. Сборн. статей 1904—1919 г.г.
М. 1920. Стр. 478. Ц. 1 р. 50 к.

ТЮМЕНЕВ, А. Теория исторического материализма. Изд. 2-е. П. 1922.
Стр. 52. Ц. 20 к.

ФАРФОРОВСКИЙ, С., и КОЧЕРГИН, И. Социология. Курс справ. для
II ступени трудшколы, раб. универ. и самообразования. С прил.
зад., тем, таблиц и биографий. Казань. 1920. Стр. 103. Ц. 20 к.

ЧУДАКОВ, Г. Пролетарская революция и буржуазная культура.
(Ст. 1918—1919 г.г.). Казань. 1920. Стр. 90. Ц. 20 к.

ЭНГЕЛЬС, ФРИДРИХ. Забытые письма. Письма Фридриха Энгельса
к Иоанну-Филиппу Беккеру, с введением Э. Эйхторна. Перев. с нем.
П. 1922. Стр. 60. Ц. 20 к.

ЕГО ЖЕ. Происхождение семьи, частной собственности и государства.
П. 1920. Стр. 78. Ц. 15 к.

ТОРГОВЫЙ СЕКТОР ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА

МОСКВА: Ильинка, Биржевая пл.,
Богоявленский пер., 4. Тел. 47-35.

ПЕТРОГРАД: Проспект 25 октября
(Невский), 28. Тел. 5-49-32.

ОТДЕЛЕНИЯ:

ВОЛОГДА, Площадь Свободы; ВОРОНЕЖ, Проспект Революции, 1-й
д. Совета; КАЗАНЬ, Гостинодворская, Гостинный двор; КИЕВ, Крещати-
тик, 38; КОСТРОМА, Советская, 11; КРАСНОДАР, Красная, 33; НИЖ-
НИЙ-НОВГОРОД, Б. Покровка, 12; ОДЕССА, Ул. Лассалья, 12; ПЕНЗА,
Интернациональная, 39/43; ПЯТИГОРСК, Советский пр., 48. РОСТОВ
Н/ДОНУ, ул. Фридриха Энгельса, 106; САРАТОВ, ул. Республики, 42;
ТАМБОВ, Коммунальная, 14; ТИФЛИС, Проспект Руставели, 16;
ХАРЬКОВ, Московская, 20.

МАГАЗИНЫ:

МОСКВА: 1) Советская пл. под гост. „Дрезден“. Тел. 1-28-94; 2) Мо-
ховая, 17. Тел. 1-31-50; 3) Ул. Герцена (Б. Никитская), 13 (зд. Кон-
серватории). Тел. 2-64-95; 4) Никольская ул., д. 3. Тел. 49-51; 5) Сер-
пуховская пл., 1/43. Тел. 3-79-65; 6) Кузнецкий мост, 12. Тел. 1-01-35;
7) Покровка, Лялин пер., 11. Тел. 61-94; 8) М. Харитоньевский пер., 4;
9) Ильинка, Богоявленский пер., 4.

ПЕТРОГРАД: 1) Проспект 25 октября (Невский), 28; 2) Ул. Воледар-
ского (Литейный пр.), 53; 3) Проспект 25 октября (Невский), 13.

Все новости о книгах — в бюллетенях Торгсектора, очередной номер бюллетеня
Торгсектора высылается по получении 10 коп. почтовыми марками.

ИМЕЕТСЯ В ПРОДАЖЕ:

КАТАЛОГ книжных складов торгового сектора государственного
издательства. Ч. I. Издания Госиздата и его отделений. Ц. 75 к.

